

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2013

Содержание

1. УМЕРЛА НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
2. ПЛОЩАДЬ НЕСОГЛАСИЯ
3. ДОРОГАЯ НАТАША...
4. К ИСТОРИЧЕСКИМ КОРНЯМ
5. ИЗВЕСТНЫЙ, ПОЗАБЫТЫЙ
6. «МАРИНА Ц.» — ЧЕРЕЗ СЛОВО И МУЗЫКУ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ
7. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
8. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АНТИГЛОБАЛИЗМА
9. КАЛИНИНГРАД: РОССИЯНЕ, КОТОРЫМ ДО НАС БЛИЖЕ ВСЕГО
10. ТРЕТИЙ СЕКТОР И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
11. СТИХОТВОРЕНИЯ
12. МГНОВЕНЬЕ, КОТОРОЕ ДЛИТСЯ
13. В ПОИСКАХ ПОДАРКА НА СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
14. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАЛУЮ МОСКВУ
15. ОДНА ВОСЬМАЯ ХЕРСОНСКОЙ КРОВИ
16. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
17. КРАСНОЯРСКОЕ ЗЕРО
18. КУРПОВСКАЯ МУЗЫКА
19. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
20. АННА ДЫМНАЯ: «НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО»

УМЕРЛА НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Печальное известие о смерти Натальи Горбаневской потрясло всех, кто восхищался жизнью этой выдающейся женщины. Она была одной из самых видных диссиденток. В 1968 г. она приняла участие в малочисленной, но очень важной демонстрации на Красной площади, чтобы выразить протест против вторжения войск Варшавского договора во главе с Советской армией в Чехословакию; чехи и словаки боролись за человеческое лицо системы, господствовавшей на подвластных Кремлю землях.

Горбаневская была замечательной поэтессой. Теперь ее стихи, опубликованные после смерти Ежи Гедройца в последнем номере «Культуры», можно отнести к ней самой.

Она была голосом свободной России и поработенной в то время Польши. А в освободившейся Речи Посполитой, чьей гражданкой она стала, ее наградили медалью Благодарности Европейского центра солидарности. Горбаневская была почетным доктором люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской, многолетней сотрудницей и членом редакции «Новой Польши» — органа взаимопонимания польской и российской интеллигенции.

Она великолепно переводила произведения польских писателей — от Генрика Сенкевича до Чеслава Милоша, — ценя при этом всех, кроме московских и варшавских националистов. Ей принадлежат лучшие переводы важнейших голосов наших современников. Помимо всего этого она была председателем жюри Литературной премии Центральной Европы «Ангелус».

Наталья Горбаневская скончалась внезапно, и никто не в состоянии выразить скорбь польской и российской интеллигенции, чье будущее во многом обеспечили сила духа и творчество этой женщины.

Память о ее делах и свидетельство ее жизни навсегда останутся в наших сердцах.

Ежи Помяновский

Наталья Горбаневская

ПЛОЩАДЬ НЕСОГЛАСИЯ

1.

Эти ранние вставанья,
пока заперты кафе,
и со снами расставанья,
как от жизни отставанье,
отстаешь от жизни прошлой
с пол-оторванной подошвой,
с недорезанной ладошкой,
в сукровице и крове.

2.

Пока по этой площади искать
туристский порт, автобусную пристань,
собою быть возможно перестать
на радость футуристам.
Когда согласия нету ни в друзьях,
ни в недругах и ни в застолье пьяном,
себя возможно из себя изъять
на радость бюджетлянам.

3.

Мы куда-нибудь приедем,
мы куда-нибудь придем,
не к медведям, то к соседям,
не к соседям, то к себе.

Мы куда-нибудь прибудем,
перебудем, переждем,
не проснемся, так разбудим,
заиграем на трубе.

4.

А кто это с укором
как будто прокричал:
«Оставь свое игранье
и свой покинь причал».

А это просто ворон,
по польской кличке «крук»,
зовет меня за грани
и за Полярный круг.

5.

Где ж она, эта разница
между правдой и вымыслом,
между слезами и хохотом,
между явью и сном?

Взгрустнет ли кто-то, возрадуется,
слезами ли, кровью вымоется,
заахает или заохает
за стенкой ли, за окном...

6.

Войдите, не выйдите,
сделайте шаг.

Вкусите и видите,

как Господь благ.
И не он сотворил ГУЛАГ,
а XX век
и человек,
а значит, и я и ты.

7.

В ту же реку, в ту же Сену,
в ту же Вислу и Неву,
в те же сени-мои-сени
не во сне, а наяву
я ступаю и ступаю
Гераклиту вопреки,
но, реки не перейдя,
отступаю, отступаю...

8.

Ну давайте, ребята, не будем
сладкий сон навевать на веки.
Это сделали люди людям,
людям люди, зри: человеки.
Это сделали немцы евреям,
это сделали русские русским.
Отчего ж до сих пор не умеем
прошептать: это ты и я.

9.

Когда на площадь гонит стыд,
а не желанье славы,

в глазах миражем не стоит
величие державы,
и не томит, как сталактит
московского разлива,
разбушевавшийся синклит
родного коллектива.

10.

От тех дальневосточных азиатов,
их щелкающих фотоаппаратов,
да тоже и от этих наших русских,
их глаз прищуренных, таких же узких, —
если до горизонта страна Турстан
и некуда убегать,
уведи меня хоть в какой-то стан,
хоть за что-нибудь погибать.

11.

Тех, кому говорила «Свет мой», —
половины нету в живых.
С кем делилась тайной заветной —
превратились в полову и жмых
или пепел и прах как принято
говорить, когда сердце вынуто
у оставшихся, осиротелых,
одиноких в земных пределах.

12.

Там, где птицы едят из рук,

и вороны, и вороны тоже,
где цветут и укроп, и урюк,
где и вправду на розы похожи
наши рожи, где отзвук и звук
одновременны и на крюк
мы повесим кули и рогожи,
— там и встретимся...

13.

На двенадцатом французском этаже
в окна смотрит небо, солнце, но не лес,
хлорофилла впечатлительной душе
не хватает: высоко залез беглец.
Уведи меня куда-нибудь туда,
где звезда краснеет только от стыда,
где забвение стоячею водой
не сомкнется над вчерашнею бедой.

ДОРОГАЯ НАТАША...

Дорогая Наташа,

ты была великолепным редактором, пусть и не раз нам приходилось спорить друг с другом. Иногда из-за пустяков. Иногда на более принципиальные темы.

Мы никогда ничего не забудем. К примеру, часто попадавшуюся в электронных письмах формулировку: «Сколько раз я уже говорила, что...». Или что фамилию Херлинга-Грудзинского нужно на самом деле писать через «Г»: Герлинг-Грудзинский. Или что «этого переводчика нельзя подпускать к текстам на пушечный выстрел». Или замечание об авторе, пытающемся одновременно писать по-польски и по-русски — мол, это «человек совершенно безъязыкий».

Поэзия. Когда-то у тебя спросили, как тебя лучше называть — «поэтом» или «поэтессой», и ты ответила, что тебе больше подходит польское слово «поэтка». Ты жила, как и подобает поэту, рассеянно, махнув рукой на условности и комфорт, вечно в дороге, с рюкзаком за плечами. Писала стихи урывками, всегда вовремя отправляя отредактированные чужие переводы для очередного номера «Новой Польши», дома или в гостинице вставляя в тексты «переносы». А еще успевала читать современную поэзию, вести ЖЖ, работать в составе жюри литературных премий и учить молодых переводчиков. И при этом пристально следить за общественно-политической жизнью — как в те времена, когда ты редактировала «Хронику текущих событий».

Поэзия была для тебя самым важным делом. Делом жизни и смерти, а также любви. Любовь ко многим поэтам ты пронесла через всю жизнь. Ты была верна Ахматовой, но когда Иосиф Бродский значительно выше поставил Цветаеву, лишь спросила его: «Это всерьез?». Он ответил утвердительно, и ты больше никогда не возвращалась с ним к этому разговору.

Польша. Да, Польша была твоей страстью. Но прежде всего твоей страстью была свобода. Наша и ваша. То есть — свобода чехов, словаков, литовцев, украинцев. Свобода, и ничто другое. Когда мы уже во второй раз встретились в Париже в 1987 году, ты сказала мне, чтобы я немедленно сходил в кино и посмотрел фильм Джима Джармуша «Вне закона» — красивую историю о побеге из тюрьмы.

Ты интересовалась политикой и принимала ее близко к сердцу, поскольку это касалось живых конкретных людей. Часто эта самая политика делила их на воюющие стороны. Как-то в Варшаве, на вечере в твою честь, все о тебе вдруг на какое-то время забыли, поскольку началась яростная политическая дискуссия, грозящая перейти в ссору. А ты сидела в кресле, улыбалась и вдруг сказала: «Как же я вас всех люблю, хорошо, что я глухая и не слышу, что вы сейчас тут друг другу говорите».

Протест. Август 68-го. Тебя постоянно об этом расспрашивали, ты терпеливо отвечала. Как и положено участнику и свидетелю, но без пафоса и гордыни. Да, мол, это было важно, но вот было и прошло. Куда важнее — ненаписанные еще стихи и редакторские обязанности. И, конечно же, сама жизнь. Ну, и еще чтобы не заканчивались сигареты.

Я не знаю, что напишут на твоём памятнике. Не так давно ты пошутила — пусть, дескать, напишут: «Она отменно варила суп».

Впрочем, от кулинарии так легко сразу перейти к вопросам высшего порядка. Да примет тебя милосердный Господь в Свое Царство. Там тоже наверняка что-то нужно будет отредактировать.

Петр Мицнер

К ИСТОРИЧЕСКИМ КОРНЯМ

К началу «перестройки» относится завершение формирования у меня сильнейшей тяги к своим историческим корням. Родители моего деда Георгия Пятковского были беженцами Первой Мировой войны из Восточной Польши (из Западной Белоруссии), осевшими в Можайске, где в 1917 г. мой дед и родился. И в попытке найти хоть какую-нибудь отдушину в затхлой атмосфере застойного времени я потянулся к своим корням, связанным с Польшей.

Интерес к этой стране, ее людям, истории, языку и культуре формировался у меня постепенно и под влиянием многих факторов. Началось всё с того, что году, наверное, в 70–71 м мама выписывала мне выходивший на русском языке польский журнал «Горизонты техники для детей». Среди прочего в нем была рубрика, как это теперь бы назвали, международных знакомств. Однажды я решился воспользоваться ею и написал письмо одному польскому мальчику, который больше всего подошел мне по своей «анкете». На письмо я наклеил марку за четыре копейки (какие использовались для отправления корреспонденции только внутри страны) и бросил его в почтовый ящик. Не удивительно, что ответа я не получил.

В начале 70-х мой сосед и одноклассник выписывал польский журнал «Малый модельаж», где публиковались чертежи моделей различной боевой техники, к которой у меня тогда имелся повышенный интерес. По его примеру в 73-м году я выписал журнал «Молодой техник», где больше места было посвящено истории военной и всякой прочей техники, что меня интересовало куда сильнее, чем моделирование. К моему огромному огорчению, журнал этот оказался на польском языке. Делать нечего: пришлось читать его по-польски, угадывая значение каких-то слов и запоминая их в той неправильной версии, которая была мне доступна в силу незнания польской фонетики. Именно с тех пор знаю я слова: *siłnik, zuzycie paliwa, okręt, przedkosc, ziemniaki...*

В середине 70-х состоялось мое знакомство с польскими журналами «Фильм» и «Кино», где печатались на редкость откровенные для того времени фотографии (которые я с удовольствием рассматривал у наших друзей-вулканологов на Камчатке), и с самим польским кино (имеется в виду серьезная

его часть, очень высоко ценившаяся передовой советской интеллигенцией). Конечно, в детстве мне пришлось увидеть немало польских картин («Бич божий», «Четыре танкиста и собака», «Ставка больше чем жизнь», «Пан Самоходик и тамплиеры», «Приключения канонира Доласа» и пр.), но в то время никаких сантиментов национального толка они у меня не вызывали.

Между прочим, именно с польским кино связана та единственная публичная протестная акция, свидетелем которой я стал в застойные годы. Однажды в начале 80-х в Кинотеатре повторного фильма (что у Никитских ворот) я смотрел фильм Анджея Вайды «Пепел», в котором имеется следующая сцена: наполеоновские войска, осуществляя карательную акцию в испанском городе, стройными рядами продвигаются по узким улочкам, сметая на своем пути сопротивление плохо вооруженных повстанцев. Во время показа этой сцены из темноты кинозала прозвучал выкрик-ремарка: «Советские войска в Афганистане!»

Еще в школе моя оппозиционность коммунистическому режиму нашла свое внешнее выражение в том, что я прикрепил к лацкану форменного пиджака маленькую радиодетальку, называемую «сопротивление», узнав из «радиоголосов» о том, что таким образом в Польше во время военного положения обозначали свое сопротивление режиму. (Носил я этот «значок» и позже — наверное, до конца «перестройки».) И еще в середине 70-х я стал обращать внимание на встречавшихся мне носителей польских фамилий, ощущая с ними какую-то подспудную общность.

Важной вехой в моем знакомстве с польской культурой стала покупка в 1978 г. советской пластинки с записями Эвы Демарчик, на которой песни на стихи польских поэтов звучали по-русски, а русских — в переводе на польский. Одна вещь — «Имя твое» на стихи Марины Цветаевой — произвела на меня столь сильное впечатление, что я взялся на слух записывать ее текст фонетически, то есть русскими буквами. (О том, чтобы достать сборник стихов Цветаевой с оригиналом этого стихотворения, тогда можно было и не мечтать.)

Значимой вехой стало и прослушивание передач 3-й программы Польского радио, которое я начал в 1978 году. По этой программе передавали хорошую музыку (например, не звучавший в СССР совершенно потрясающий цикл зонгов Микаэла Таривердиева к спектаклю «Прощай, оружие»), новости из различных сфер жизни, развлекательные передачи, чтение художественных произведений, в том числе и русских

(«Мастер и Маргарита», «Отцы и дети»). Было интересно слушать неизвестную мне речь и угадывать значение каких-то слов. Этими своими веселыми открытиями я делился с приятелями, воспроизводя им запомнившиеся мне наборы слов типа фамилии радиоведущего (Марек Гашинский) или ежедневно повторяемого названия рубрики («Nasz rok siedemdziesiąty osmy», «Powtorka z rozrywki»). Вещание этой радиостанции прекратилось после введения военного положения.

В том же 1978 г. кто-то из моей семьи присутствовал на большом концерте по случаю открытия Дней польской культуры в СССР, буклет с программой которого я однажды вдруг взялся разглядывать. Содержащийся там текст о польских авторах и исполнителях (в первую очередь, Кшиштофе Пендерецком и Чеславе Немене) настолько увлек меня, что я страстно захотел познакомиться с их творчеством.

В связи с этим вспоминается такой анекдот... В музыкальном магазине около метро «Академическая» я увидел набор пластинок современной польской классической музыки и попросил продавщицу показать мне эту коробку. Та в ответ не сдвинулась с места. Я повторил свою просьбу, но ее реакция была совершенно такой же. Когда я обратился к ней в третий раз, она вымолвила: «Пендерецкого там нет». А увидев мое обалдевшее лицо, добавила: «Вы ведь это хотели посмотреть?» Видимо, все московские меломаны в те годы искали одно и то же.

А с творчеством Немена мне удалось познакомиться благодаря следующим обстоятельствам... В августе 1980 г. у нас гостила мамина подруга Галина Треумова, журналистка с Камчатки, после путча 1991 г. ставшая даже главредом областной газеты «Камчатская правда». Ее пребыванием в Москве решил воспользоваться для встречи с ней ее, скажем так, друг — журналист гданьского телевидения Яцек Мах, с которым она познакомилась на курорте в Румынии. В середине августа он прилетел в Москву по дороге домой со съемок на Шпицбергене, и я предоставил им свою квартиру для любовных свиданий.

Помню, что когда Яцек прибыл ко мне, то я выложил ему две «самых важных» новости: поляк Яцек Вшола стал олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту, а в Гданьске началась забастовка рабочих судоверфи. Помнится, что ни то, ни другое известие не привлекло его внимания. Видимо, его мысли тогда были заняты другим. Но через год наш Яцек вел на всю Польшу прямой телерепортаж об установке в Гданьске

памятника расстрелянным коммунистами рабочим Балтийского побережья — «Три креста».

Я попросил Яцека привезти мне в его следующий визит в Москву пластинку Чеслава Немена, что он и выполнил в феврале 81 го, когда опять остановился в моей квартире. Диск этот называется «Постскриптум». По моей просьбе привез он мне, по своему выбору, и книгу польской поэзии (ею оказался «Пан Тадеуш»), а также настенную карту административно-территориального деления ПНР.

К Яцеку я сильно привязался и пытался потом ему писать, однако после введения в Польше военного положения переписка наша прервалась. Разыскать его мне удалось только в 1998 г., когда я впервые добрался до Гданьска.

В первой половине 80-х у знакомого спекулянта мне удалось купить и двойной альбом Немена, который так и назывался — «Niemen». Некоторые вещи с него потрясли меня еще больше, чем предыдущая пластинка этого автора и исполнителя.

Когда в 1980 г. я работал на телевизионном заводе «Рубин», то с каким-то особым чувством наблюдал за польскими ТИРами, привозившими на наше предприятие, кажется, корпуса для телевизоров. С любопытной реакцией на польские забастовки 1980-1981 гг. я столкнулся через год, когда работал на другом радиоэлектронном производстве. Стоявший впереди меня в очереди в столовой мужчина (по виду — инженер) следующим образом объяснил своему собеседнику причину возникновения этих забастовок: «Поляки просто не хотят работать».

Вообще же создание «Солидарности» было восторженно встречено инакомыслящими в СССР, показав вдохновляющий пример смычки борьбы рабочих и интеллигенции. Еще в 80-е годы благодаря западным «голосам» я хорошо знал имена таких деятелей польской оппозиции, как философ Лешек Колаковский или представители «Солидарности» Лех Валенса, Рышард Бугай, Збигнев Буяк, Анджей Гвезда, Яцек Куронь, Богдан Лис, Адам Михник, Кароль Модзелевский, Владислав Фрасынюк...

Особое впечатление на меня произвела деятельность 21-летнего Анджея Колодзеля, про которого узнал из показанного по ТВ разоблачительного фильма. Будучи всего на год старше меня, он нелегально перешел польско-чешскую границу с целью установить отношения с оппозиционерами в ЧССР, где и был арестован. При этом держался он перед кинокамерой очень достойно.

В 1981 г. в турпоездку в Польшу удалось попасть нашему товарищу по околобогемному кружку молодых интеллигентов Наташе Шипицовой, которая из любопытства побывала там даже на стриптизе (что стоило больших денег — 25 рублей). Мы заинтересованно расспрашивали ее о Польше, за которой к тому времени уже закрепилась слава самого веселого барака соцлагеря, а я при этом символично курил оставленные Яцеком польские сигареты «Кармен». (Кстати, попросил я его оставить мне на память и другие сигареты — «Спорты» и «Клубове», а также польские спички. Все это я храню до сих пор.)

Введение военного положения я встретил со злорадством, считая, что оно означает начало конца коммунистического режима в Польше. По этому случаю я даже разыграл «поминки по коммунизму».

Если я не ошибаюсь, то именно в тот же день, 13 декабря 1981 г., я срочно пригласил к себе домой самых близких тогда моих друзей — брата Сергея, его тогдашнюю подругу и коллегу по филфаку Лену Войналович и, кажется, ближайшую подругу последней Миладу Кармазинскую, тоже учившуюся на филфаке, но только на вечернем отделении. Помнится, я встретил их в своем самом строгом костюме и с траурной повязкой на рукаве, которую перед этим наспех смастерил из кусков черной и красной ткани. Я попросил их стоя выслушать польский гимн, а потом поставил Шопена — разумеется, траурный марш. Мои гости не были готовы к участию в такой странной церемонии, были несколько сбиты с толку и смущены, из-за чего ее пришлось досрочно свернуть и перейти к обычному дружескому застолью.

Помню, что в середине 80-х я любил слушать передачи польской редакции Международного французского радио. Особенно запомнилась мне одна, прошедшая не позже лета 85 го и посвященная творчеству Жака Бреля. Благодаря ей я смог идентифицировать слышанные мною ранее некоторые песни Бреля, который с тех пор стал моим самым любимым западным шансонье.

Около того же времени я посетил в Манеже выставку польских художников, и выставленные на ней полотна произвели на меня очень хорошее впечатление. Используемый польскими художниками изобразительный язык оказался мне очень близок и заметно отличался от набившего оскомину соцреализма. Явно в расчете на продолжение знакомства с польской живописью я стал фиксировать в находившейся со мной карманной телефонной книжке №2 (которую использовал сначала в середине, а потом в самом конце 80-х

годов) имена художников и названия их работ и выставлять каждой оценку. Так вот, только одной из них я поставил «4—». Возможно, что именно к посещению этой выставки относится соседняя с оценками запись: 11 июня 1984 г. с 16 до 19.30.

Наверное, в 1986 г. я посетил на ВДНХ Московскую международную книжную ярмарку, на которой мой особый интерес к себе привлек изданный в том же году в Польше томик стихов Циприана Норвида. Я настолько балдел от песен Немена на стихи Норвида, что взялся прямо там, у польского стенда, переписывать от руки мое любимое стихотворение «Марионетки». (Уже в 90-е годы я пытался перевести его на русский язык и даже заставил своего друга — замечательного популяризатора польской литературы Андрея Базилевского — сделать мне подстрочник, однако с этой сложной задачей я не справился.)

Всё описанное выше привело меня к тому, что к середине 80-х я сформировался как законченный полонофил, и мое полонофильство стало с тех пор оказывать заметное влияние на образ моей жизни.

Очень кстати представляется мне в связи с этим процитировать здесь воспоминания Даниэля Ольбрыхского о Владимире Высоцком:

«Володя очень любил Польшу. Больше чем любил. В его любви к Польше было что-то от глубокого восхищения, изумления. Я знаю точно, это была не просто вежливость. Поклонникам Высоцкого известна анкета, которую он заполнил еще весьма молодым человеком. На вопрос, какую страну он любит более всего — разумеется, после России, любимой отчизны, — он без колебаний ответил: Польшу».

В 2005 году журналист Андрей Липский (ставший впоследствии моим добрым знакомым) написал в «Новой газете»:

«Польша для советского интеллигента-западника 60-70-х была форточкой в Европу. Вроде бы и строй тот же, да не совсем. Здесь всё вольтерьянство в политических анекдотах на кухнях, а там — политические кабаре. Здесь борьба с «абстракционистами», а там — журнал «Проект», в котором весь современный художественный авангард Европы. Здесь Лапин велит на ТВ стерильным отечественным ВИА стричь перед эфиром волосы, дабы не быть похожими на чуждо-опасную «бидлу», а там от этой вполне волосатой рок-«бидлы» тесно и в эфире, и на концертных площадках, и в молодежных клубах (о которых, кстати, в те времена в наших палестинах и мечтать

никому в голову не приходило). А польская мода, польское кино, а философ Лешек Колаковский, а Сартр, Пруст, Кастанеда в польских переводах в магазине «Дружба», что на улице Горького, а польский джаз с блистательным Намысловским и царство музыкальной свободы — международный фестиваль «Джаз-Джэмбори» в Варшаве? Когда же «Солидарность» там и перестройка здесь стали размывать циклопическую кладку большого социалистического дома, Польша и вовсе превратилась в магическое зеркало».

В итоге осенью 1986 г. я поступил на курсы польского языка. Украинский публицист Богдан Осадчук позже отмечал:

«Для Украины Польша (...) сыграла необычайно важную роль. Она была и остается школой интеллектуального сопротивления, свободы мысли, мировоззренческого плюрализма. Неслучайно молодые, да и пожилые украинцы в период «Солидарности» начали стихийно учить польский».

Меня хватило, правда, только на две недели регулярных занятий. Во-первых, мне как заядлому болельщику было трудно лишать себя самого святого на свете — просмотра хоккейных и футбольных матчей с участием моего любимого клуба и сборной СССР. Проблему составляло и то, что мне приходилось три раза в неделю ездить после работы на Вятскую улицу (что в районе Савеловского вокзала) и потом в четверть одиннадцатого вечера возвращаться домой. Дело это было непростое, потому что станция метро «Савеловская» тогда еще не была построена и мне приходилось добираться до курсов на автобусе от «Белорусской». Кроме того, по финансовым причинам я не мог себе позволить обедать днем и поэтому делал это только по возвращении с работы.

Словом, после двух недель занятий на курсах я решил, что фонетику польского языка я уже освоил, а знакомиться с грамматикой смогу и дома, самостоятельно. Так и получилось.

Я раздобыл четыре разных учебника польского языка с прилагаемыми пластинками (позже к ним присоединился пятый) и с переменным успехом занимаюсь с их помощью вот уже более четверти века — рекорд, достойный Книги Гиннеса! В ответ на удивленные замечания узнающих об этом моих знакомых я со ссылкой на авторитет Э.Бернштейна («Движение — всё, цель — ничто») говорю, что в таком приятном деле, как изучение польского языка, для меня важнее сам этот процесс, а не его результат.

Кроме собственно изучения языка процесс этот включал и заучивание польских стихов, чем я начал заниматься еще в 80-е годы. Источником моих знаний стал букинистический магазин иностранной литературы на ул. Качалова (Малая Никитская), где я покупал польские учебники и книги стихов. Среди последних особую мою любовь приобрели книжки детских стихов Яна Бжехвы (впервые с его творчеством я познакомился еще благодаря передачам 3-й программы Польского радио), которые как раз соответствовали моему если и не общему уровню развития, то точно что уровню понимания языка.

О том, как вдохновляли и придавали мне сил песни Яцека Качмарского в решающую ночь коммунистического путча 20 августа 1991 года, я рассказываю в другой главе этой книги. Здесь же отмечу, что его программа «Крик» была на протяжении целых трех лет единственной известной мне. Лишь около середины 90-х годов несколько его кассет дала мне переписать моя добрая знакомая — тогдашний замдиректора Польского культурного центра в Москве Наталья Ворошильская. Когда примерно с этого же времени я стал регулярно ездить в Польшу, то составил себе полную коллекцию записей как Качмарского, так и его совершенно потрясающего коллеги по уникальному бардовскому трио Пшемислава Гинтровского. Позже я познакомился (и записал воспоминания об истории этого трио) с третьим его участником — композитором и замечательным пианистом Збигневом Лапинским, а также с их первым продюсером Яцеком Петровским. Записи интервью с ними лежат в моем архиве и ждут своего часа.

Посчастливилось мне побывать и на одном концерте Качмарского, состоявшемся в польском посольстве в Москве в октябре 1994 года. Перед его началом мне повезло покурить вместе со своим кумиром и выпросить у него на память сигарету, которую он даже ухитрился мне надписать!

Я никогда не ограничивался одним только знакомством с польской культурой, но пытался внести свой скромный вклад и в ее популяризацию. Так, в 1993 г. Андрей Базилевский предложил мне принять участие в конкурсе дебютного перевода, и я попробовал перевести несколько стихотворений Яна Твардовского и Яна Рыбовича.

Но больше я с переводами не экспериментировал, зато отметился в библиографии киноведения. Так, в мае 1993 г. для газеты «Ступени» я сделал с Анджеем Вайдой интервью после московской премьеры потрясшего меня фильма «Перстень с орлом в короне», а в 1996 г. в «Белорусской газете» опубликовал

рецензию на новый фильм «Галоп» моего любимого зарубежного режиссера Кшиштофа Занусси, первое мое общение с которым состоялось еще в 1988 г. и с которым начиная с 1994 г. меня связывают самые добрые отношения.

Между прочим, пан Кшиштоф, сам совершенно замечательный кинодраматург, как-то в середине 2000-х годов неожиданно предложил мне написать для него сценарий художественного фильма. Обычно я не берусь за работу, в своей способности выполнить которую не уверен, но тут решил поэкспериментировать и в итоге состряпал на семнадцати страницах нечто из смеси реальных событий своей жизни и самых смелых фантазий. Когда я потом спросил пана Кшиштофа о его впечатлении от этого моего дебютного произведения, то он меня заверил: «Бывают и хуже».

Пытался я популяризировать и польскую музыку — после того, как у меня установились добрые отношения с моей любимой российской певицей Еленой Камбуровой. Между прочим, иногда для простоты я характеризую ее своим польским знакомым как русскую Демарчик (а русским, наоборот, представляю Демарчик как польскую Камбурову), но это, конечно, упрощение: они практически ровесницы и вряд ли творчество одной из них повлияло на формирование исполнительской манеры другой.

Во второй половине 90-х я давал Елене Антоновне переписывать имевшиеся у меня кассеты с записями Чеслава Немена, Яцека Качмарского и Антонины Кшиштонь, убеждая ее обязательно познакомиться с такой замечательной музыкой. Надо сказать, что одна вещь Кшиштонь настолько ей понравилась, что она попросила меня расшифровать для нее на слух текст этой песни. (В репертуаре Камбуровой есть несколько вещей на польском языке.) Тогда у меня как раз гостил мой самый близкий на протяжении всех 90-х друг — краковянин Богдан Ендрас, — который эту работу и выполнил.

Мне еще неоднократно приходилось нести (буквально на себе!) бремя книжного обмена между учеными обеих стран. Началось все в середине 90-х с просьб Андрея Базилевского захватывать для польского Института книги целые пачки издаваемых им переводов польской литературы. Потом, по мере укрепления моих личных связей с варшавскими и краковскими учеными, к этому стали добавляться тяжеленные тома филологических и исторических трудов. Причем в Москву мне приходится возвращаться тоже не с пустыми руками, благо научные контакты между нашими странами периодов охлаждения не знают.

Уже в 2000-е довелось мне и быть объектом съемок польских фотохудожников (проект «Я рядовой русский»), и стать автором колонок для ведущей польской газеты. Тогда же я нашел в Варшаве и свою последнюю на данный момент большую любовь.

Охотно выступал я и в роли бесплатного говорящего польски гида по Старой Москве — преимущественно для гостивших в столице родственников аккредитованных здесь моих друзей — польских корреспондентов, но однажды и для краковского профессора Александра Фьюта. Со временем я даже разработал для них специфический маршрут — по польским местам Москвы.

Конечно, мои тесные отношения с Польшей и поляками установились в 90-е годы и развились в 2000-е, однако это стало следствием того, что возникновение у меня потребности в них совпало с началом «перестройки».

Петр Мицнер

ИЗВЕСТНЫЙ, ПОЗАБЫТЫЙ

В одном из своих мемуарных очерков Алексей Пятковский вспоминает, как он слушал песни Эвы Демарчик, и в какой восторг привела его песня «Имя твое». Автор прислал свой текст к нам в редакцию как раз, когда я заканчивал частное литературное расследование, посвященное польскому переводу «Стихов к Блоку» Марины Цветаевой. А текст песни «Имя твое» стал, по сути, удачной компиляцией этих трех стихотворений. Переводы перед вами. Жирным шрифтом обозначены фрагменты, которые и стали песней.

Marina Cwietajewa

Z Wierszy do Bloka

I

Imie twe - ptaszyna w reku,

Imie twe - sopelek w reku.

Jedno jedyne ust poruszenie,

Piec liter - imie twe - drgnienie,

Pileczka w biegu schwytana,

Srebrna piesn dawno slyszana.

Kamien, rzucony w cicha glebine

Wyszlocha pluskiem twe imie.

W slabym odglosie nocnego biegu

Huczy twe imie, jak piesn w szeregu,

I zagra nam je w skron

Sucho trzeszczaca bron.

Imie twe, ach - czyz mozna!

Imie twe - pocalunek w oczy, z ostrozna,

W malenkie, glosno bijace serce...

Imie tve - pocalunek w sniegu kobierce...

Zrodlane, lodowate, blekitne potoki...

Z twoim imieniem sen *gleboki*...

III

Idziesz w strone zachodu *slonca*,

Zachodnie masz *swiatla* przed soba.

Idziesz w strone zachodu *slonca*,

Zadyma slad zamiata za toba.

Beznamietny - za mym oknem, caly w zorzy,

Po sniegu idziesz, ktory kroki gluszy,

Cudowny zeslanniku bozy,

Swiatlosci cicha mojej duszy.

Na dusze twoja nie nastaje

I nic ze mnie na twoj drodze nie stanie.

Reki, ktora przezroczysta sie zdaje,

Nowym gwozdzem nie zranie.

I po imieniu nie zawolam,

I rak nie wyciagne ku twoj stronie,

Przed swietoscia woskowego czola

Tylko z daleka sie poklonie.

Pod powolnym sniegiem stojac,

Klekne w zapatrzaniu pokornym

I w najswietsze imie twoje

Ucaluje snieg wieczorny.

W owym miejscu, po ktorym wyniosle

Ty przyszedles w ciszy smiertelnej,

Swiatlosci cicha - bozy posle -

Mej duszy wladco niepodzielny.

V

W mojej Moskwie - goreja kopuly.

W mojej Moskwie - dzwony glos rozsnuły,

I grobowcow stoi szereg nieczuły -

W nich cary drzemia i caryce.

I nic nie wiesz, ze na Kremlu o zorzy

Lzej oddychac niz na calej ziemi bozej,

I nic nie wiesz, ze sie modle do zorzy -

Do ciebie sie modle, bialolicy.

I przechodzisz nad swa Newa daleka

O tej porze, gdy nad Moskwa-rzeka

Stoje z glowa pochylona nad rzeka,

A latarnie slepna na ulicy.

Kocham ciebie calonocnym czuwaniem

I wsluchuje sie w ciebie tym czuwaniem,

W tej godzinie, gdy na Kremlu przed switaniem

Budza sie ze snu dzwonnicy.

Lecz nie spotka moja rzeka - twojej rzeki,

Lecz nie spotka moja reka - twojej reki...

Radosc moja tak dluga z laski bozej,

Poki zorza nie dogoni zorzy.

Przeklad: Salomea Galewska (I), Wacław Denhoff-
Czarnecki (III, V)

Марина Цветаева

Из «Стихов к Блоку»

I

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движение губ,
Имя твое — пять букв.

Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.

В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.

И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.

Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

III

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,

Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.

В руку, бледную от лобзаний,

Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,

И руками не потянусь.

Восковому святому лику

Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,

Опущусь на колени в снег,

И во имя твое святое,

Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой

Ты прошел в гробовой тиши,

Свете тихий — святые славы —

Вседержитель моей души.

V

У меня в Москве — купола горят!

У меня в Москве — колокола звонят!

И гробницы в ряд у меня стоят, —

В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Легче дышится — чем на всей земле!

И не знаешь ты, что зарей в Кремле

Я молюсь тебе — до зари!
И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.
Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...
Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся. **Радость моя, доколь**
Не догонит заря — зари.

Перевод Саломеи Галевской (I) и Вацлава Денхоффа-Чарноцкого (III, V)

О Саломее Галевской я знаю только, что она перевела для сборника «Новая русская поэзия» еще и стихи Александра Блока, Василия Каменского, Ивана Рукавишников и Ильи Эренбурга. А вот Вацлав Денхофф-Чарноцкий — фигура очень колоритная.

Он родился в 1894 году в Варшаве, в семье торговца, здесь же закончил гимназию. Начал изучать медицину в Лозанне, но потом вернулся в Варшаву, где участвовал в деятельности тайных молодежных организаций, в частности, был членом Стрелецкого союза. Кроме того, Денхофф-Чарноцкий стал одним из основателей существующего по сей день варшавского спортивного клуба «Полония» — тоже в конспирации. Во время Первой мировой войны сражался в польских легионах и активно участвовал в деятельности Польской военной организации: был комендантом школы курсантов, начальником двух округов, а затем и начальником отдела пропаганды этой подпольной военизированной структуры. Во время польско-советского конфликта возглавлял разведотдел (так называемый «отдел II») литовско-белорусского фронта, организовывал диверсии в тылу противника. Четырежды был

награжден крестом «За храбрость». Сражался на стороне силезских повстанцев. В 20-х годах Денхофф-Чарноцкий часто посещал Закопане, где лечился от туберкулеза, что не мешало ему самозабвенно заниматься альпинизмом. Тогда же он женился, у него родилась дочь.

В 1925 году он возглавил редакцию спортивного еженедельника «Стадион» и оказался превосходным журналистом. Умер Денхофф-Чарноцкий в 1927 году. Любопытно, что болельщики варшавской «Полонии» помнят о нем, а недавно в интернете появилась статья о Денхоффе-Чарноцком, подписанная «ойо». Этот самый «ойо», также будучи болельщиком «Полонии», дотошно изучил биографию основателя клуба и даже разыскал в Быдгоще его могилу. И так долго оставял на могиле записки, что в итоге познакомился с семьей покойного.

Денхофф-Чарноцкий очаровывал и увлекал всех, кто близко знал его или хотя бы имел возможность познакомиться с биографией этого незаурядного человека. «А всё потому, — с восторгом пишет его друг, Виктор Юно́ша, — что Денхофф-Чарноцкий был великим поэтом жизни, живой поэмой; он излучал солнечное обаяние, и этого тепла хватало любому, кто бы к нему ни приближался»^[1].

Как же случилось, что легионер, футболист и скалолаз одновременно оказался автором первого в Польше перевода стихов Марины Цветаевой?

Всё очень просто — он был поэтом. Сборник его лирических стихотворений «Бродяга» вышел за несколько дней до смерти автора. Во время войны он сочинял военные песни. В начале 20-х годов в Варшаве познакомился с поэтом Леонардом Подхорским-Околовым, который был немного старше его. Оба оказались поклонниками русской поэзии и стали завсегдатаями российского общества «Таверна поэтов», которым руководил критик и филолог Альфред Бем.

В результате этого сотрудничества в 1923 году ими была выпущена антология «Новая русская поэзия» (о ней писал Северин Полляк в очерке, который мы опубликовали в №11 «Новой Польши»). В этой антологии и были напечатаны первая, третья и пятая часть из «Стихов к Блоку» Марины Цветаевой. Первая публикация третьей части состоялась годом ранее в газете «За Свободу!» 15 октября 1922 года (№281).

А уже в семидесятые годы в краковском кабаре «Погребок под баранами» Анджей Зарицкий подобрал музыку к тексту, составленному из всех трех частей. Песня в исполнении Эвы

Демарчик стала очень популярной и до сих пор производит на слушателя сильнейшее впечатление.

Завершая наш короткий рассказ о Денхоффе-Чарноцком, хотелось бы заметить, что это была не первая встреча его слов с мелодией.

Во время войны, как я уже говорил, он писал солдатские песни.

Так Денхофф-Чарноцкий и оказался одним из авторов двух песен из классического польского репертуара — «Бутоны белых роз» и «О, мой розмарин». Как вообще часто бывает в подобных случаях, у этих песен были какие-то свои народные первоисточники, к которым автор потом добавлял оригинальные строфы. В данном же случае вклад Денхоффа-Чарноцкого был определяющим.

Первая песня начиналась так:

Rozkwitały pąki białych róż.

Wroc, Jasienku z tej wojenki juz,

Wroc, ucaluj, jak za dawnych lat,

Dam ci wtedy rozy najpiękniejszy kwiat.

Белых роз бутоны смотрят ввысь.

Ты с войны, мой миленький, вернись.

Расцелуй, возьми в ладони пламень щек —
самый лучший подарю тебе цветок.

А вторая заканчивалась следующим образом:

Powiodą z okopow na bagnety.

Bagnet mnie ukłuje, śmierc mnie pocałuje,

Ale nie ty.

Из окопа в штыковую мы идем, топча цветы.

Пуля приревнует,

смерть в губы поцелует,

но не ты, любимая, не ты.

Разумеется, стихи Цветаевой и эти песни принадлежат к совершенно разным жанрам, даже к разным поэтическим мирам. Но у них есть какой-то общий нерв, передающий похожие эмоции. В переводах «Стихов к Блоку» и в этих песнях отчетливо виден поэтический талант их автора, умеющего сталкивать слова между собой так, чтобы со страниц летели искры.

О Вацлаве Денхоффе-Чарноцком мало кто помнит, кроме болельщиков «Полонии», ему не хватило места в справочниках польских писателей XX века. Но, как минимум, три его текста живы и по сей день. Кажется, это и называется бессмертием.

-
1. В. Юноша, «Вацлав Денхофф-Чарноцкий», «Стадион», 1927, №16.

«МАРИНА Ц.» — ЧЕРЕЗ СЛОВО И МУЗЫКУ К МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

В марте прошлого года польский музыкальный коллектив «Марина Ц.» выпустил свой первый альбом с песнями на стихи Марины Цветаевой. Годом ранее у нас уже была возможность познакомиться с их творчеством, когда вышел сингл с первыми тремя песнями. Инициатором этого проекта стала вокалистка группы Паула Кинашевская, которая уже давно интересуется творческим наследием Цветаевой. Интерес к личности этой замечательной поэтессы довольно быстро трансформировался в работу над реальным проектом, получившим название «Марина Ц.» — настолько сильное впечатление произвело «мужество поэтессы, выразившееся в абсолютно бескомпромиссном подходе к жизни, любви и творчеству», сообщается в официальном интернет-блоге проекта^[1].

Это очень новаторский и смелый проект, и тем труднее оценивать его из дня сегодняшнего. Разумеется, серьезно усложняет дело синтез двух не уступающих друг другу по силе способов самовыражения. Жанр проекта «Марина Ц.» определяют по-разному. Поскольку музыканты принимали участие в фестивалях актерской песни и моноспектаклей, проект можно отнести к актерско-вокальным или даже к театральным. Его невозможно втиснуть в прокрустово ложе жанровой классификации, сами же музыканты называют свои выступления «концертами», а на вопрос о связи проекта с театром вокалистка отвечает прямо: «Театр здесь — это я»^[2]. Надо заметить, что Паула Кинашевская — в первую очередь актриса, выступающая на сценах различных варшавских театров. Благодаря своей основной профессии ей удастся на достаточно высоком артистическом уровне и при этом весьма экспрессивно передать переживания женщины, ставшие своего рода эмоциональным результатом работы с текстами Цветаевой. В группе, кроме Паулы, еще четыре участника: Бартломей Возняк, (электрогитара, классическая гитара, клавишные), его брат Хиполит Возняк (бас-гитара, акустическая гитара, HandSonic), Фабиан Влодарек (фортепиано, аккордеон) и Роберт Сивак (перкуссия). Музыку к

большинству текстов написали Бартоломей и Хиполит Возняки, на альбоме также представлено по одному музыкальному произведению Мартина Зелинского и Микаэла Таривердиева.

Цветаева была «поэтом стихий». Говорят, что она буквально обрушивала на людей лавину чувств и шквал эмоций. Она обладала потрясающей способностью бурно переживать и ярко передавать драматизм человеческого бытия^[3]. Ее поэтическая техника выражала этот трагизм не только на уровне содержания стихов, но и на уровне звучания, просодии. Тут надо отдать должное интуиции музыкантов и их умению понять и проинтерпретировать стихи Цветаевой. С помощью музыкальной аранжировки артисты смогли проникнуть в самую суть этих текстов. В рассказе «Мать и музыка» Цветаева писала: «Мать — залила нас музыкой. (Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли — на свет дня!) Мать затопила нас как наводнение», так что не исключено, что именно музыка привела в движение тот самый процесс, который в итоге обернулся у Цветаевой страстью к поэзии.

Когда имеешь дело с классикой мировой литературы, важно понимать, какую ответственность на себя берешь и чем рискуешь. Пример группы «Марина Ц.» убедительно демонстрирует, что такая игра стоит свеч. Слушаешь эти тринадцать песен и думаешь — до чего же по-разному сыграно. Тексты, написанные семьдесят лет тому назад, оказались органично соединены с самыми свежими музыкальными жанрами, а воздействие поэтического текста усилено цифровым звучанием различных современных музыкальных инструментов — от электрогитары до хэндсона.

Чтобы описать характер и стиль проекта «Марина Ц.», лучше всего прибегнуть к термину, изобретенному самими артистами: ПОЭТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА. Жесткое, энергичное, роковое звучание таких композиций, как «Сон» и «Чары», уступает место нежным и изящным гармониям («Колыбельная»). Их музыку можно отнести к стилю дрим-поп с вкраплением восточных мотивов («Над Нилом»). Есть на диске и блюзовые композиции («Блюз»), а также босса-нова («Пена»). Полные жизни, а зачастую и тревоги звуки аккордеона, а также звучащее в голосе Паулы эхо народных песен, придают этим песням отчетливый фолковый оттенок, что, в свою очередь, добавляет звучанию альбома естественности.

Паула Кинашевская исполняет песни на стихи Цветаевой страстно и самозабвенно, и благодаря ее пению слушателю легче представить себе сильный характер поэта и ее бурную жизнь. Свобода Марины, когда-то так вдохновившая Паулу, теперь находит свое выражение в пении, которое вряд ли можно назвать умиротворяющим. При исполнении многих композиций Кинашевская использует вокальную технику так называемого «белого голоса», когда основа пения — крик.

Интересен и образ женщины, который создают артисты. В песне «Чары», по которой уже снят видеоклип, героиня предстает в виде юной жены-убийцы, которая насылает заклятие на собственного мужа. Снимая с себя один элемент гардероба за другим, она демонстрирует свою силу, свободу и независимость. Это женщина очень чувственная, решительная и непокорная. Героиня Паулы Кинашевской борется с переполняющими ее эмоциями, зная при этом, чего она хочет и как добиться желаемого.

О ближайших концертах коллектива «Марина Ц.» можно узнать на их интернет-сайте и страничке в Фейсбуке:

<http://marynac.blogspot.com>

<https://www.facebook.com/MarynaCmusic>

-
1. <http://marynac.blogspot.com>
  2. Из интервью четвертой программе Польского радио.
  3. Елена Янчук. Поэтический язык Марины Цветаевой. Игра слов и текстов. Издательство Варшавского университета, Варшава, 2013.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «28 октября в Варшаве умер первый некоммунистический премьер-министр Польши после Второй мировой войны Тадеуш Мазовецкий. Почти 4,5 тыс. человек оставили свои записи в книге соболезнований в президентском дворце. Гроб был выставлен в часовне дворца. Чтобы лично попрощаться с покойным, приходилось ждать несколько часов, очередь перед президентским дворцом тянулась на сотни метров. В погребальном шествии, прощаясь с ушедшим премьером, приняли участие тысячи людей. Прибыл председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу. Президент Бронислав Коморовский заявил, что заложенный Тадеушем Мазовецким фундамент свободной Польши «устоял перед яростными политическими ветрами и даже ураганами. Благодаря Мазовецкому твердыня польской свободы продолжает строиться и укрепляться». Огромное впечатление на всех присутствующих произвела молитва боснийки Эмины Рагипович, представительницы «Матерей Сребреницы». Похороны прошли на расположенном посреди леса кладбище в Лясках, восточном пригороде Варшавы». (По материалам «Газеты выборчей», «Жечипосполитой» и «Суперэкспресса» от 4 ноября)

• «Уже в 1989 г. «он знал, что ему суждено увести Польшу из-под колпака Кремля. Он также отдавал себе отчет в том, что делать это нужно очень осторожно, не шокируя Москву и не нарушая сложившегося там хрупкого равновесия. Если бы Горбачев лишился своего поста, положение Польши изменилось бы в одночасье, а Запад не пошевелил бы и пальцем. Он рассказывал мне, как все влиятельные западные политики уговаривали его при каждом удобном случае — не навреди Горбачеву! Величие Мазовецкого заключалось в том, что он отлично понимал: в Польше находится около ста тысяч советских солдат, а на территории соседней ГДР — вооруженная до зубов 300 тысячная армия, готовая перейти нашу границу при первой же возможности. (...) У него все получилось. Время, когда польское правительство возглавлял Мазовецкий, стало легендарным. (...) Так оно и было. Мазовецкий переправил Польшу на другой берег. (...) И потому

так грустно наблюдать, что вытворяют с ней те, кто пришел ему на смену», — Роберт Валенцяк. («Пшеглэнд», 4-11 ноября)

• «Европейский суд по правам человека в Страсбурге по формальным основаниям отказался проверять добросовестность и непредвзятость российских следственных органов, занимающихся катынским преступлением, отклонив жалобу родственников жертв катастрофы на свое предыдущее решение». («Тыгодник повсехный», 3 ноября)

• «Во Владимире-Волынском «рядом покоятся жертвы двух тоталитарных режимов (в 1939-41 гг. там свирепствовала советская карательная машина, а в 1941 и, возможно, в 1942 г. немцы уничтожали еврейское население). При перезахоронении найденных останков археологи поделили кладбище на участки, чтобы павшие от рук НКВД и жертвы гитлеровцев не оказались в одной могиле», — Мацей Данцевич, начальник отдела международных связей Совета охраны памяти борьбы и мученичества. («Наш дзенник», 5 ноября)

• «Уче-ния «Стед-фаст джаз-2013», проходящие со 2 по 9 ноября, основаны на вымышленном сценарии. Они не направлены против какой-либо конкретной страны. (...) Мы проинформировали об учениях наших партнеров, в том числе Россию, и пригласили их наблюдать за маневрами», — Андерс Фог Расмуссен, генеральный секретарь НАТО. («Жечпосполита», 4 ноября)

• «Уче-ния «Стед-фаст джаз-2013» — это, быть может, важнейшее за последние несколько лет событие в НАТО. Впервые на практике было проверено, работает ли на нашей территории статья 5 Вашингтонского трактата о коллективной обороне. Конечно, НАТО не сообщает, от кого собирается защищаться, и всячески уклоняется от каких-либо комментариев на эту тему. Мы, тем не менее, прекрасно понимаем, что речь идет о России, поскольку поблизости нет другого противника, располагающего всеми возможностями атаковать нас», — (Павел Вронский, «Газета выборча», 2-3 ноября)

• «Сценарий учений предусматривает, что некое государство, не входящее в НАТО, захватывает часть Эстонии. Североатлантический совет принимает решение о совместной обороне и в качестве ответной меры направляет в район конфликта вооруженные силы НАТО. Вчера на Дравско-Поморском полигоне начались сухопутные учения. (...) Сегодня начинаются учения военно-воздушных сил над северной Польшей и Гданьским заливом. (...) Параллельно

организовываются командно-штабные учения. (...) Армия также отработает эпизоды, связанные с кибератакой. Основная часть учений пройдет на территории Польши. В учениях принимают участие 25 стран, в том числе не входящие в состав НАТО Швеция, Финляндия и Украина. (...) Через две недели на трех польских полигонах состоятся учения натовских отрядов специального назначения «Кобра-13», в которых примут участие спецназовцы из двадцати без малого государств. (...) В ближайшие годы НАТО планирует чаще проводить широкомасштабные маневры, в которых может быть задействовано 10–20 тыс. военных. С 2016 г. такие учения будут проходить регулярно». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 5 ноября)

• «На дравский полигон прибыли 55 немецких военных. (...) Поляки рассчитывали, что к участию в учениях удастся привлечь как минимум 15 тыс. натовских солдат. (...) Однако при проверке показатель, равный 12 тыс. военных, быстро снизился до 10, а затем и 8 тыс., остановившись в итоге на 6 тыс. (...) Но и эти шесть тысяч — фикция. На полигон планируется направить 3 тыс. военных. Вторые 3 тыс. займутся аналитической и штабной работой. Албания раздумала отправлять своих солдат чуть ли не за две недели до начала учений. (...) Американцы прислали 100 военнослужащих на вездеходах. Численность всех Вооруженных сил Эстонии — 3 тыс. человек. (...) Эстония прислала почти в два раза больше солдат, чем американцы. (...) Один из самых больших контингентов выставили французы (1200 человек). (...) С польской стороны в учениях приняли участие 3 тыс. военных. Часть союзников — англичане, голландцы, французы, страны Балтии и Украина — продемонстрировали серьезное отношение к учениям. Датчане же прислали на учения пятерых военных, а Словения — четверых». (Юлиуш Чвелюх, «Политика», 6–12 ноября)

• «37-летний капитан Гжегож Ницке (женат, сыну 9 лет) погиб, закрыв своим телом рядового, прослужившего два года. Во время интенсивных учений граната с оторванной чекой упала на бруствер окопа в каких-то сорока сантиметрах от солдата. Капитан Гжегож Ницке подбежал к солдату, накрыв его собственным телом и стащив в окоп. Солдат не получил ни царапины. Смертельно раненый офицер скончался спустя 11 дней, не приходя в сознание. Президент Бронислав Коморовский посмертно наградил Ницке Крестом Заслуги «За храбрость», а министр обороны Томаш Семоняк присвоил капитану звание полковника». (Кароль Долецкий, «Газета wyborcza», 30 окт.)

• «Прокуратура закрыла уголовное дело против нелегально установленной скульптуры, представлявшей советского солдата, насилующего женщину. (...) В субботу вечером эту инсталляцию возле танка Т-34 на проспекте Победы в Гданьске установил 26-летний студент Академии художеств Богдан Шумчук. (...) Прокурор не усмотрел состава преступления в действиях лица, установившего скульптуру. (...) Художник не нарушил ни одной статьи уголовного кодекса, в его действиях также не содержалось надругательства над общественным местом и памятником истории. (...) Свое возмущение по поводу скульптуры выразил во вторник посол России в Польше Александр Алексеев. (...) Арестованная скульптура во избежание дальнейших скандалов будет находиться в полиции». («Газета wyborcza», 18 окт.)

• «Нам, которым в советское время внушали, что во время войны мы, поляки, были только потерпевшей стороной, оказалось нелегко примириться с тем, что в действительности некоторые из нас — палачи, участвовавшие в еврейских погромах либо выдававшие евреев немцам», — Войцех Рогачин («Польска», 18 окт.)

• «В Румынии и Польше будут размещены противоракетные установки. (...) Как заявил вице-президент концерна «Рейсон» Вес Кремер, в Польше будут размещены точно такие же противоракетные установки, что и в Румынии. (...) Запланировано размещение трех мобильных батарей с 24 ракетами. (...) SM-3 — это технологическая новинка, трехступенчатая управляемая антиракета, способная маневрировать при поиске цели; после приближения к последней антиракета выстреливает боеголовку, которая и уничтожает цель за пределами атмосферы. (...) Решение об использовании SM-3 принимает американское, а также натовское руководство, но никак не польское или румынское». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 5 ноября)

• «Ракеты SM-3 II A, которые через несколько лет планируется разместить в приморском Редзикове, готовы к испытаниям, о чем вчера в Варшаве заявили представители концерна «Рейсон». (...) Концерн проведет испытание ракет в 2015 году». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 31 окт. — 1 ноября)

• «Какой танк в Польше самый новый? — Панцеркампфваген III, на таких танках немцы напали на Польшу в сентябре 1939 года. В пятницу этот танк добрался из Норвегии в Познань, где станет экспонатом Музея бронетанковых войск». (Агатон Козинский, «Польска», 6-8 сент.)

• «В понедельник, сразу после приземления, в десять часов вечера, госсекретарь США Джон Керри поехал возложить цветы на могилу Тадеуша Мазовецкого, первого премьер-министра Третьей Речи Посполитой, похороненного накануне под Варшавой. Во вторник после встречи с премьером Дональдом Туском и министром иностранных дел Радославом Сикорским, Керри отправится на авиабазу в Ласке, встретиться с находящимися там американскими летчиками. Иные цели визита Джона Керри в Польшу пока неизвестны». (Бартош Т. Велинский, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 5 ноября)

• «“Европа должна солидарно поддерживать Украину в ее противодействии давлению со стороны России, так же, как в 40-е годы помогала Западному Берлину во время советской блокады”, — заявил вчера Джон Керри во время встречи с Радославом Сикорским. Госсекретарь США прибыл в Польшу за две недели до вильнюсского саммита Восточного партнерства, на котором будет принято решение о подписании с Украиной соглашения об ассоциированном членстве в ЕС». (Павел Вронский, Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 6 ноября)

• «В «Украинной книге праведных», изданной Институтом национальной памяти, в которой описано, как украинцы спасали поляков, содержится 896 фамилий. (...) Описанные в книге случаи имели место лишь в 502 населенных пунктах. Всего же в книге представлены 882 реальные истории, в общей сложности было спасено 2572 поляка. Спасти их помог 1341 украинец, но установить имена примерно трети этих людей не удалось. Каждый четвертый «праведный» был убит боевиками УПА. Если исходить из того, что массовые убийства поляков произошли в четырех тысячах населенных пунктах Волыни и Восточной Галиции, все эти цифры следовало бы умножить на восемь. (...) Риск был огромен: каждый украинец, помогавший полякам, украинским националистическим подпольем рассматривался как предатель, подлежащий уничтожению. Таких людей убивали с особой жестокостью, часто вместе со всей семьей». (Анджей Федорович, «Фокус история», окт.)

• «Упорядочение археологических работ в Собиборе, а также организация увековечивания памяти людей, погибших в этом концлагере, согласованы четырьмя странами: Польшей, Нидерландами, Израилем и Словакией. (...) Большинство погибших в Собиборе — евреи голландского и словацкого происхождения. (...) 30% погибших составляли голландские евреи. (...) Археологические работы дали ясное представление о географии лагеря. Теперь мы знаем, где располагалась так называемая Химмельфахтштрассе, или Дорога Вознесения, по

которой доставленных в лагерь людей гнали в газовые камеры. (...) На месте, где сжигались останки жертв, археологи нашли железный медальон, который, как удалось выяснить, принадлежал семилетнему мальчику из Голландии, Дедди Заку. На медальоне выбит его амстердамский адрес и дата рождения», — Петр Жуховский, замминистра культуры. («Жечпосполита», 14 окт.)

• «“Обнаруженная Химмельфахтштрассе произвела на меня жуткое впечатление. Земля на ней плотно утрамбована, и даже сегодня видно, что по ней прошли тысячи людей”, — говорит Роберт Кувалек, историк Мемориального музея Майданек. (...) Тела сжигались на колосниковых решетках, сооруженных из рельсов местной узкоколейки. В отчете археологов говорится, что “в этом месте песок по-прежнему окрашен кровью и лимфой”, и до сих пор чувствуется “неприятный сладковатый запах”». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 15 окт.)

• «За антисемитские лозунги на матче кубка лиги суд приговорил 17 болельщиков к общественным работам, штрафу в пользу Союза еврейских общин, а также к просмотру фильма Изабеллы Цивинской «Чудо Пурима». (...) В фильме Цивинской рассказывается история Яна Кохановского, простого рабочего из Лодзи, антисемита, который узнает о своем еврейском происхождении и о том, что его родственники носили фамилию Коэн». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 15 окт.)

• «Писательница Малгожата Калицинская возмущается, что члены жюри отмечают литературными премиями исключительно книги мрачные и пессимистические, пренебрегая светлой и радостной литературой. (...) Извините, сударыня, но Холокост всё еще продолжается — в Биафре, Камбодже, Руанде, Сребренице, а теперь еще и в Сирии», — Юзеф Хен. («Пшеглэнд», 4-11 ноября)

• «Мартин Судер, фоторепортер, похищенный в Сирии, вернулся в Польшу. Как сообщает польский МИД, мужчине удалось бежать из плена, после чего польское консульство оказало ему необходимую помощь». («Наш дзенник», 2-3 ноября)

• «Профессор Мацей Шпунар, бывший замминистра иностранных дел, завтра приступает к исполнению обязанностей генерального представителя в Европейском суде юстиции в Люксембурге». («Жечпосполита», 22 окт.)

- «По данным пограничной службы, за полтора года Польша отказала во въезде 52 тыс. желающим пересечь восточную границу страны. (...) В Управление по делам иностранцев до середины октября поступило 14 тыс. заявлений о предоставлении статуса беженца. Это в два раза больше, чем в прошлом году. (...) 83% этих лиц составляют чеченцы с российским гражданством». (Изабелла Кацпшак, «Жечпосполита», 25 окт.)

- «В Бохониках во время исламского праздника Курбан-байрам местные мусульмане, потомки татар, находившихся на службе у польских королей, совершили ритуальное убийство барана. Защитники прав животных безуспешно пытались помешать этому. Общественники сообщили прокурору в Сокулке, что, возможно, имело место нарушение закона, не допускающего убийство животных без их предварительного оглушения». (Адам Шосткевич, «Политика», 23-28 окт.)

- «В Гданьске-Оливе неизвестные подожгли мечеть. По мнению местного имама, это последствия конфликта между защитниками прав животных и польскими татарами в Бохониках». («Тыгодник повсехный», 27 окт.)

- «В Варшаве состоялся саммит лауреатов Нобелевской премии мира, в котором приняли участие Далай-лама, Ширин Эбади, Фредерик де Клерк, Мухаммад Юнус, Лех Валенса и другие. За свою благотворительную деятельность в пользу больных СПИДом награду нобелиатов получила американская актриса Шэрон Стоун». («Тыгодник повсехный», 3 ноября)

- «Западная светская культура всё чаще обращается к евангельскому понятию «любви к ближнему», которое оказывается тесно связано с защитой прав человека, осуждением любых форм агрессии, охраной окружающей среды... Множество людей возлагают свои надежды на Франциска, нового Папу римского. У меня нет на этот счет иллюзий, Франциск не будет реформировать польскую католическую церковь сверху, но своим примером дает определенный «зеленый свет» переменам», — Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 14-20 окт.)

- «“Когда я начал работать с больными СПИДом, то твердо решил сделать всё возможное, чтобы так называемые «нормальные» люди, физически и морально здоровые, относились к этим «ненормальным» с уважением. (...) Священник не имеет права ранить человека словом. (...) Он может сказать, что то или это плохо с точки зрения морали, но нападать на другого человека, растаптывая его чувство

собственного достоинства, он не вправе. (...) Я не устаю повторять своим семинаристам, что самое главное — освободиться от предубеждений. (...) Когда я слышу молодого священника, с презрением отзывающегося о евреях, то всегда недоумеваю — кто же воспитал его таким? (...) Я — глава польской провинции ордена камилианцев, нас почти сто человек. Провинциальный настоятель выбирается демократическим путем, и сейчас я избран на третий, заключительный срок”, — о. Аркадиуш Новак. («Впрост», 21-2 окт.)

• «Малгожата Маренин, феминистка и мать-одиночка, обвиняет архиепископа Юзефа Михалика. Она считает, что своими заявлениями на тему разводов, феминизма и педофилии он нанес ей моральный вред. (...)“Перекладывать ответственность за педофилию в католической церкви на детей из неполных семей — это удар по тем родителям, которые часто решаются на развод именно для того, чтобы защитить ребенка от неблагоприятной и вредной атмосфере в семье”, — написала она. (...) Материальные искивые требования носят символический характер — Маренин требует, чтобы Михалика обязали перечислить 2 тыс. злотых в пользу Центра прав женщин». (Юстина Самолинская, «Дзенник Трибуна», 6 ноября)

• «Опросы показывают, что главной проблемой польской католической Церкви поляки считают сексуальные домогательства, которым дети подвергаются со стороны священников. (...) Речь не идет об окончательном падении престижа Церкви, однако, согласно данным соцопросов, с каждым годом доверие к священникам и епископам как публичным фигурам падает», — о. Яцек Прусак, иезуит. («Польска», 25-27 окт.)

• «В минувшее воскресенье кардинал Станислав Дзивиш попросил Христа помиловать журналистов, пишущих о проблеме педофилии в польской католической Церкви. При этом кардинал ни разу не произнес слова «педофилия», используя вместо этого выражение «ошибки Церкви». Педофилия же — никакая не ошибка, а преступление, наказуемое по закону, перед которым все равны, преступление тем более отвратительное, что совершается по отношению к слабым и беззащитным». (Павел Смоленский, «Газета wyborча», 19-20 окт.)

• «“Я лично знаю случаи, когда дети в десять лет и немного постарше уже нуждались в сексуальном удовлетворении. Они сами шли в постель со взрослыми, поскольку таковы были их

интимные потребности. И это был сознательный выбор ребенка”, — так считает о. Иренеуш Бохынский, ректор академического храма в Петркуве-Трибунальском. Беседа со священником, размещенная на портале ePiotrkow.pl, была авторизована. Лодзинская курия заявила, что Иренеуш Бохынский дал это интервью без согласия епископа и тем самым нарушил правила, установленные Конференцией епископата Польши, а также запретила священнику в дальнейшем высказываться на эту тему. Расследованием инцидента занялась прокуратура, вызвав священника на допрос». (По материалам «Газеты выборчей» и «Жечипосполитой» от 8 ноября)

• «Грязные танцы вокруг педофилии среди священников никак не закончатся, и конца этому не видно. В них участвуют почти все СМИ — государственные и частные, бумажные и электронные. (...) В обоих своих заявлениях на последней пленарной конференции польские епископы уведомили общественность, что внимательно следят за ходом расследования случаев педофилии среди духовных лиц», — епископ Адам Лепа («Наш дзенник», 2-3 ноября)

• «Духовные полномочия священника Иренеуша Бохынского приостановлены, он освобожден от исполнения обязанностей ректора академического храма. (...) Он также лишен права преподавать Закон Божий. (...) Такие же меры приняты в отношении о. Дариуша Мордаки — в связи с тем, что он подозревается в педофилии. О. Мордака служит настоятелем в гмине Кюки Белхатувского повета». (Михал Выберальский, «Газета выборча», 9-11 ноября)

• «Идет охота на преподавателей Закона Божия. По заявлению парламентской фракции «Твое движение» министерство национального образования поручило управлениям школьных округов сбор информации о случаях педофилии либо сексуальных домогательствах в отношении малолетних со стороны священников и преподавателей Закона Божия. Раздувание антиклерикальной и антицерковной истерии докатилось и до школ». («Наш дзенник», 2-3 ноября)

• «Я знал и знаю немало замечательных священников. Но после того, как узнаешь о многочисленных педофильских скандалах, тщательно скрывавшихся Церковью, а епископ Генрик Хосер заявляет, что не случилось бы ничего страшного, если бы пресса не предавала эти истории огласке, после того, как архиепископ Юзеф Михалик обвиняет детей в том, что они лгут и манипулируют священниками, я начинаю понимать людей, которые говорят “Богу — да, Церкви — нет”», — Кшиштоф

Люфт, член Всепольского совета по телевидению и радиовещанию. («Газета wyborcza», 24 окт.)

• «В Польше после 1989 г. римско-католическая Церковь получила всё, о чем только могла мечтать. (...) Борьба с Церковью происходила совсем в другие, страшные времена. (...) Поэтому меня так раздражают выражения «война с Церковью», «атаки на Церковь и религию», используемые, когда речь идет о ситуации в современной свободной и демократической Польше. И такие приемы я бы назвал не только нечестными, но и нехристианскими, поскольку это ложь с явными политико-идеологическими целями. (...) Как можно сравнивать преследования за веру с критикой в отношении глупых, безответственных и вредных заявлений, неправильных решений или бездействия? Нет у нас никакой «борьбы с Церковью», которую, якобы, начала государственная машина по указанию правящих кругов. Есть, скорее, политическая борьба против премьера и президента, ведущаяся под видом защиты Церкви», — Адам Шосткевич. («Газета wyborcza», 5 ноября)

• «Епископы и подчиненные им священники наступят на собственные грабли. За двадцать лет не было ни одной травли, к которой бы они не присоединились либо которую не инициировали. Охота на мифических коммунистов, призывы к люстрации (пока она не коснулась их самих), вытаскивание из прошлого фактов и домыслов, отравляющих атмосферу в стране — такова «евангелизация» в исполнении польского клира. По всей Польше в церквях без устали мусолят темы Катыни, Смоленска и Сибири», — Бронислав Лаговский. («Пшеглэнд», 14-20 окт.)

• «Депутат Анна Собецкая совместно со Всепольским комитетом противодействия сектам и насилию направили в прокуратуру уведомление в связи с надругательством над крестом и оскорблением чувств верующих на выставке в Центре современного искусства в Варшаве». («Наш дзенник», 5 ноября)

• «Четыре украденных с городской выставки полотна под общим названием «Искусственные фиалки» [«Искусственные фиалки», по-польски «Sztuczne fiołki» — популярный в Польше художественный сатирический проект. — Пер.] обнаружены в ченстоховской курии. (...) У оскорбленного католика есть легальный путь: звонить в полицию, обращаться в прокуратуру и суд. Но красть? (...) Курия через своего пресс-секретаря лаконично сообщила, что «работы были сняты и оставлены на проходной», поскольку «носят антирелигиозный характер и

были выставлены во время паломничества, став элементом антицерковной кампании». (...) Ни одна из похищенных «Искусственных фиалок» не призывала к насилию над католиками, не разжигала ненависти к религии. Не прозвучало ни одного аргумента, почему хотя бы одну из картин можно расценивать как «оскорбительную» или «антирелигиозную». (...) Прокуратура закрывает дело, и никто не возьмет эту историю на заметку». — Яцек Денель. («Политика», 16–22 окт.)

- «“Детям, появившимся на свет благодаря искусственному оплодотворению, грозят умственная отсталость и аутизм”, — заявил консультант епископата по этому вопросу проф. Анджей Коханский. Такой жестокий отзыв о детях, родившихся в результате искусственного оплодотворения, равно как и запугивание семейных пар, прибегающих к искусственному методу, подверг острой критике министр здравоохранения Бартош Арлукович». («Тыгодник повсехный», 29 сент.)

- «В течение четырех месяцев работы правительственной программы искусственного оплодотворения удалось с успехом осуществить семьсот таких оплодотворений, — сообщил министр здравоохранения Бартош Арлукович. — В министерство обратилось 6 тысяч пар, из них к участию в программе допущено около 4 тысяч». («Тыгодник повсехный», 10 ноября)

- «Учение католической Церкви об искусственном оплодотворении существенно расходится с тем, что думают об этом явлении католики. Опросы ЦИОМа за 2012 г. показывают, что большая часть общества — в значительной мере католического — поддерживает доступ к искусственному оплодотворению для бездетных семей (79%), для гетеросексуальных пар, находящихся в фактических брачных отношениях (64%), для одиноких женщин (48%)», — Иоанна Ружинская, секретарь Комитета биоэтики при президиуме Польской Академии наук. («Газета выборча», 5 ноября)

- «Сегодня каждый читает те газеты, смотрит то телевидение и входит на те интернет-порталы, какие ему более всего подходят. Образ мира люди создают из самых разных элементов, оперируя при этом совершенно разной фактурой. Словно бы они жили в параллельных реальностях, в непересекающихся вселенных. Когда-то у людей были разные воззрения по одному и тому же поводу. Сегодня они ссорятся по поводу фактов, а не их интерпретации. И в этой ситуации сложно найти компромисс». (Энн Эпплбаум, «Газета выборча», 19–20 окт.)

• «Только 14% поляков верят в то, что случившееся в Смоленске было покушением — это на 8% меньше, чем полгода назад. (...) Немного снизился процент поляков (до 36%), доверяющих выводам правительственной комиссии Ежи Миллера (снижение на 3%). Зато увеличилось число лиц, не определившихся со своей точкой зрения — с 34 до 45%», — согласно опросам TSN Polska. («Газета выборча», 26-27 окт.)

• «Каждый четвертый поляк считает, что президент Лех Качинский погиб в результате покушения под Смоленском, а свыше половины поляков придерживаются противоположного мнения, следует из опросов ЦИОМа. Количество людей, не верящих в покушение, в последнее время снизилось. Год тому назад эту позицию занимали 63%, а сегодня — 56%. (...) В течение последних семнадцати месяцев доверие к официальным объяснениям причин катастрофы несколько снизилось, считает ЦИОМ». («Жечпосполита», 30 окт.)

• «Целых 47% избирателей «Гражданской платформы» (ГП) не знают ни одного человека, который считал бы, что причиной смоленской катастрофы стало покушение. Каждый четвертый избиратель партии «Право и справедливость» (ПиС) не знает никого, кто рассматривал бы данное трагическое событие как случайную авиакатастрофу. 75% поляков не знают лично ни одного гомосексуалиста, хотя у каждого есть свое мнение по поводу однополый любви. (...) Опросы показывают, что при отсутствии человеческих контактов, мы перестаем видеть в наших оппонентах людей, относясь к ним как к животным. (...) Один из ведущих политических комментаторов еще три года назад требовал создания отдельных налоговых систем, отдельных школ и больниц для поляков, как он это называл, «рационально-светских» и «католико-национальных», чтобы состоятельным людям не приходилось содержать бедняков и вообще вступать с ними в какой-либо контакт. (...) Одновременно исчезает уважение к демократическим процедурам, а его место занимает вера в победу «своих» над «чужими». (...) Составленный в этом году Польский реестр предубеждений показал, что поляки по-прежнему считают государственные школы местом, где молодежь находится в более благоприятной среде, чем в школах частных или общественных. (...) Это вселяет надежду на успешную интеграцию поляков, которую не смогут остановить политические и материальные барьеры», — проф. Михал Билевич, директор Центра изучения предубеждений Варшавского университета. («Газета выборча», 24 окт.)

• «Национальные связи рвутся из-за высочайшего накала и ожесточенности политических дебатов. У политических противников не осталось общих ценностей, и это очень опасное положение. (...) Существует шкала неравенства, на самом верху которой расположена угроза свободе. У неравенства должны быть границы, о чем обязано беспокоиться так называемое «социальное государство». Однако социальное государство рассыплется, если национальное государство утратит возможность влиять на состояние экономики. Глобализация их погубит. (...) Экономическая политика остается вне контроля и влияния, и нет какой-либо наднациональной структуры, которая могла бы обуздать активность глобального финансового капитала», — проф. Кароль Модзелевский. («Новые ксёнки», ноябрь 2013)

• Национальный праздник независимости, 11 ноября.

«Есть официальный марш, который составляет часть государственной программы празднования, есть и другие марши в том же самом месте, отчасти совпадающие по времени. Каждый имеет право подать заявку на демонстрацию своего счастья по поводу 11 ноября. И все дела. Общего праздника нет, у поляков нет традиции совместного празднования. Различия между нами перекрывают этот, очень на самом деле низкий, общий знаменатель, который я бы определил как радость из-за того, что у нас есть собственное государство. И это очень нездоровое явление. (...) В этот день в стране пройдут десятки, а то и сотни манифестаций, связанных с 11 ноября. В самой Варшаве их будет без малого двадцать. На них выйдут представители разных социальных групп и слоев, люди с разными взглядами и с разным отношением к государству. (...) Мы просто немного анархисты, и нам трудно представить, что можно идти рядом под одним флагом. И я сожалею об этом, считая такой подход ошибочным. Я полагаю, что в такой день демонстрация должна быть одной, с одним, пусть низким, общим знаменателем политического единения, с чувством, что сегодня, один раз в году, мы вместе с нашим государством... (...) И я с ужасом вижу, как часть моих сограждан — к счастью, не слишком большая, и всё же — относится к собственному государству, как к чужому и вдобавок абсолютно не суверенному. Эту злосчастную операцию над их умами, их ментальностью сознательно и хладнокровно провели политики правого толка. Последствия — разрушительны и необратимы», — Бартломей Сенкевич, министр внутренних дел. («Тыгодник повсехный», 10 ноября)

«11 ноября, в день независимости, в Варшаве состоялось 11 самых разных демонстраций. Свыше десяти тысяч человек прошли вместе с президентом Брониславом Коморовским в марше «Вместе ради независимой Польши». Перед этим 12 тыс. человек, среди которых был и премьер-министр Дональд Туск, одетые в белые и красные футболки, приняли участие в десятикилометровом «Марафоне независимости». Бывший премьер-министр Ярослав Качинский организовал и провел собственный праздник 10 ноября, увязав его со смоленской катастрофой 10 апреля. Обращаясь к нескольким тысячам собравшихся, он говорил о внешних врагах, которые стремятся к тому, чтобы «Польша перестала быть суверенной державой в изрядно федерализовавшейся Европе». О. Станислав Малковский молился о том, чтобы президентский дворец покинул его нынешний обитатель. В демонстрации партии Пис в Кракове приняли участие 3 тыс. человек. Десятки тысяч участников приняли участие в «Марше независимости», организованном националистами, которые призывали к свержению «республики Круглого стола» и к «национальной революции». Марш, закончившийся беспорядками и беспрецедентным нападением на российское посольство, был разогнан столичными властями. Несколько полицейских было ранено, десятки людей задержаны. «Те, кто срывают наш праздник актами агрессии и насилия, действительно угрожают польской независимости», — говорит Дональд Туск. Премьер поблагодарил полицию за ее работу и извинился перед Российской Федерацией за инцидент». (По материалам «Газеты выборчей», «Польски» и «Жечпосполитой» от 12 ноября)

Из интервью с Кшиштофом Босаком, одним из лидеров «Национального движения»: «В последний год Движение в основном занималось созданием своих ячеек на местах. Сейчас они есть во всех воеводствах. (...) В июне состоялся конгресс «Национального движения». (...) Теперь мы проводим «Марш независимости» более профессионально, и это видно всем. (...) Время работает на нас, и сегодня национальные движения идут к своей цели на всех парусах». («Польска», 12 ноября)

• «Рейтинг доверия к политикам: президент Бронислав Коморовский — 69%, министр иностранных дел Радослав Сикорский — 41%, Лешек Миллер, лидер Со-юза демократических левых сил (СДЛС) — 34%, Ярослав Качинский, председатель Пис — 31%, Гжегож Схетына — 29%. Самым большим недоверием пользуются Януш Паликот — 54%, а также премьер-министр Дональд Туск — 51%. Опрос ЦИОМ». («Жечпосполита», 22 окт.)

- «Под-держ-ка пар-тий: ПиС — 35%, ГП — 28%, СДЛС — 9%, «Твое движение» — 7%, кре-сть-ян-ская пар-тия ПСЛ — 3%. Оп-рос Millward Brown от 27-28 окт. Из-би-ра-тель-ный по-рог со-став-ля-ет 5%». («Жечпосполита», 9-11 ноября)
- «Свыше 8 тыс. руководящих должностей на предприятиях с участием государства, а также в их дочерних компаниях — лакомый кусок, который начинают делить после каждых выборов». («Тыгодник повсехный», 10 ноября)
- «Как показывают опросы ЦИОМа, сентябрьские протесты в Варшаве привели к резкому росту популярности профсоюзов. Сегодня их поддерживают две трети поляков — 69% (рост этого показателя с сентября по октябрь составил 19%). Отрицательно отзываясь о деятельности профсоюзов четверть опрошенных — 24% (снижение составило 13%). (...) В октябре 59% опрошенных полагали, что профсоюзы представляют интересы таких же людей, как и они сами. Рост таких настроений составил 19%». (Артур Келбасинский, «Газета wyborcza», 25 окт.)
- «Союз польских учителей (СПУ) грозит забастовкой в защиту учительского устава. Однако в свои школы он принимает на работу учителей на основании «липовых» трудовых соглашений, заключая с ними договоры оказания услуг или поручения, что не дает работнику никаких преимуществ и трудовых прав. (...) 40% учителей в школах, которые курирует СПУ, работают именно на основании таких договоров». («Жечпосполита», 5 ноября)
- «Так называемый «индекс мобильности», отражающий готовность сменить место работы в ближайшие полгода, составляет в нашей стране 111 единиц, являясь самым высоким в Европе. Среднеевропейский «индекс мобильности» составляет 99 единиц. Таковы данные отчета «Монитор рынка труда», опубликованного агентством персональных консультаций «Randstad». (...) Целых 23% опрошенных работников в течение последних шести месяцев сменили род занятий. Чаще нас работу меняют только испанцы. (...) Онлайн-опрос проведен между 17 августа и 5 сентября 2013 г. (...) в 32 странах». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 16 окт.)
- «На каждого поляка в среднем приходится почти 30 тыс. золотых сбережений. Однако почти у 40% поляков сбережений нет вовсе, а каждому четвертому жителю Польши удалось отложить сумму, не превышающую двух собственных зарплат — таковы данные оп-роса, проведенного компанией Millward Brown. Более солидными сбережениями могут похвастаться не

только жители богатых европейских стран (сбережения голландцев и датчан составляют в среднем 118 тыс. евро, то есть примерно полмиллиона злотых), но также литовцы, чехи и венгры». (Мацей Беднарек, «Газета выборча», 22 окт.)

- «Правительство Дональда Туска сообщило о своих планах ограничить функционирование частных пенсионных счетов (речь идет об открытых пенсионных фондах — ОПФ), что должно помочь держать номинальный долг Польши под контролем. (...) Планируется, что если какой-либо банк решится на подобные «финансовые комбинации», то “кто-нибудь обязательно сядет в тюрьму”». («Газета выборча» по материалам «Wall Street Journal», 22 окт.)

- «Генеральная прокуратура Государственного казначейства (...): “Проект закона об ОПФ предусматривает изъятие доли собственности частного юридического лица в пользу государственной структуры, то есть классическую экспроприацию. (...) Конституция Польши допускает экспроприацию, но только при двух обязательных условиях: ради общественно полезной цели и с адекватной компенсацией”. Польский национальный банк: “Внедрение предусмотренных обсуждаемым законопроектом способов регулирования может повлечь за собой серьезные юридические риски”. Комиссия по финансовому контролю: “Предлагаемые поправки сомнительны как с юридической, так и экономической точки зрения”. («Газета выборча», 30 окт.)

- «В Польше действуют уже два крупнейших китайских банка — ICBC (Промышленный и коммерческий банк Китая) и Bank of China. (...) Фирма «Guangxi Liu Gong Machinery» купила часть металлургического комбината «Хута Сталёва-Воля». (...) У третьего в мире производителя телевизоров LCD — компании «TCL» — единственный европейский филиал находится в польском Жирардове. (...) Владельцем подшипникового завода «Красьник» стал лидер китайского автомобильного рынка «Xiangyang Automobile Bearing». (...) Концерн «Shuanghui International Holdings» заполучил «Animex», производящий такие известные марки колбасы, как «Кракус» и «Морлины». (Дорота Скробиш, «Газета Польска Цодзенне», 2-3 ноября)

- «В ежегодно составляемом Всемирным банком рейтинге «Doing Business 2014», показывающем, насколько легко вести бизнес в той или иной из 189 стран мира, Польша оказалась на 45 месте. Мы поднялись на десять позиций, опередив такие страны, как Испания, Чехия и Люксембург». («Газета выборча», 29 окт.)

• «Благодаря интернету мы не только имеем больший доступ к продукции масс-медиа, но и иначе делаем покупки. Согласно опросу, проведенному фирмой «Gemius», менее чем за год количество клиентов интернет-магазинов выросло на 20%. (...) Сегодня их уже 12 миллионов. Самая большая группа (6,5 млн. человек) — это те, кто заказывает через интернет одежду. Электронное же оборудование ищут и покупают в сети 5,2 млн. человек». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 17 окт.)

• «Как показывают результаты последнего «Общественного диагноза», каждый десятый малыш, достигший трех лет, и свыше трети польских детей четырехлетнего возраста уверенно пользуются интернетом, а более 90% 6-7-летних детей уже имеют богатый опыт общения с компьютером и всемирной сетью. Согласно опросам ITV (International Telecommunication Union) самыми технически подкованными подростками оказались исландцы. Польша тоже занимает довольно высокое, 18-е место. (Сильвия Чубковская, «Дзенник газета правна», 31 окт. — 3 ноября)

• «По данным нового опроса ЦИОМа, вульгаризмы в своей речи используют 8 из 10 взрослых поляков. Это худший результат, начиная с 1999 г., когда такие опросы стали регулярными. (...) Михаэль Флейшер, филолог и культуролог из Вроцлавского университета, один из авторов «Словаря актуального польского языка», ставит диагноз: в польской общественной жизни растет уровень хамства. По его мнению, частично это связано со слишком интенсивными переменами в стране. (...) Многие люди не выдерживают таких темпов, не вписываются в новую реальность, впадая в агрессию. Большинство из них, конечно, сразу по лицу не бьют, выбирая агрессию вербальную». (Рената Ким, «Ньюсуик Польша», 14-20 окт.)

• Несмотря на отрицательные отзывы экспертов, Сейм одобрил вчера законопроект о бессрочной изоляции осужденных, которые могут представлять общественную опасность. «Преступники, у которых во время отбывания наказания «установлено психическое заболевание в виде умственной отсталости, расстройства личности либо сексуальные отклонения», после отбытия наказания могут на неопределенный срок остаться в Центре по предупреждению асоциального поведения. Это будет возможно, если Суд по семейным делам решит, что существует опасность совершения таким лицом преступления, связанного с покушением на жизнь, здоровье и сексуальную неприкосновенность других людей, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет. (...) Против проголосовали

только трое депутатов, воздержались тридцать. (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 24 окт.)

• «Во второй половине прошлого века в сфере экономики преобладали две незыблемые на первый взгляд установки, которые очень сильно повлияли на поведение как индивидуумов, так и коллективов. Первая звучит так: ВВП страны — панацея от всех общественных бед, и его рост автоматически означает, что все болезни общества будут излечены. Вторая — чем больше человек потребляет, тем он счастливее. Эта иллюзия привела к огромным несчастьям и потерям — как материальным, так и духовным, также нанесла большой урон природным ресурсам нашей планеты», — Зигмунт Бауман. («Газета выборча», 26-27 окт.)

• «Каждый год в Польше выбрасывается около 7 млн. тонн продуктов. (...) Согласно опросу Millward Brown, 39% поляков признались, что периодически выбрасывают продукты. Это на 9% больше, чем в прошлом году». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 26-27 окт.)

• «Цельные туши поросят, замороженные несколько недель назад и запакованные в прозрачный пластик, торговая сеть «Макро» продавала с прошлого года. После того, как на это обратили внимание тысячи интернет-пользователей, фирма решила снять мороженых поросят с продажи». (Якуб Вонтор, «Газета выборча», 16 окт.)

• «Трески в Балтийском море мало, а та, что попадает в сети, хоть и длинная, но тощая. По мнению рыбаков, причина кроется в недостаточном количестве шпротов и сельди, которые составляют главный рацион трески. Таковы последствия промыслового лова рыбы, который иногда называют фуражным. (...) Это приводит к обрыву пищевой цепи трески, в результате чего рыба голодает». («Наш дзенник», 29 окт.)

• «11 ноября в Варшаве начнет свою работу климатический саммит COP-19. (...) Официальная позиция правительства такова: европейская климатическая политика в целом ошибочна, слишком обременительна для экономики ЕС, при этом сократить объемы выброса двуокиси углерода не удастся, и всё потому, что отсутствует мировой консенсус по поводу этой самой климатической политики. Без такого консенсуса ЕС просто не должен осуществлять какую-либо климатическую политику. По неофициальной версии, все эти разговоры об охране атмосферы являются уловкой европейских левых сил либо просто работой влиятельных лобби, стремящихся

подорвать польскую экономику, держащуюся на угле. Так что в интересах Польши сделать так, чтобы никакого климатического консенсуса достигнуто не было! И пока этого не случилось, мы будем блокировать климатическую политику ЕС. (...) А поскольку мы постараемся, чтобы мирового консенсуса по этому вопросу достигнуто не было, реализацию климатической политики можно будет отложить «до греческих календ». Так мы спасем польский уголь, польскую Силезию и получим энергетическую независимость. (...) Расплачиваться же за всё будут наши дети. (...) Тем более, что недавно Министерство окружающей среды подсчитало, что адаптация к климатическим изменениям в ближайшие годы обойдется Польше в 80 млрд. злотых, а то и больше. (...) Польский «климатический крестовый поход» — это война, объявленная модернизации страны», — Мартин Стоцкевич, член правления фонда ClientEarth Poland, объединяющего юристов-экологов. («Газета wyborcza», 26-27 окт.)

• «По сравнению с 2011 г. эмиссия CO₂ в Польше снизилась на 5% и составила 296,8 млн. тонн, из-за чего мы оказались на пятом месте в списке крупнейших эмитентов (после Германии, Великобритании, Италии и Франции). (...) За последние тридцать лет эмиссия CO₂ в Польше значительно уменьшилась. Ратифицированный нами Киотский протокол обязал нас ограничить эмиссию CO₂ до 6%, как в 1990 г., в результате мы снизили эмиссии CO₂ на 32%». (Юстина Пишчатовская, Bloomsbury Businessweek, 4-11 ноября)

• «Находящиеся под управлением дирекции Государственных лесов старые дворцово-парковые ансамбли представляют собой лакомый кусок для лесозаготовщиков», — Мариуш Познанский, глава Союза сельских общин. («Жечпосполита», 17 окт.)

• «Томек Дземянчук, вместе с другими активистами «Гринпис» попал в российскую тюрьму за попытку спасти Арктику. «Дземянчук принадлежит к элите «Гринпис»: он профессиональный скалолаз, умеет управлять понтонами, имеет многолетний опыт участия в протестных акциях. (...) Суд обвинил его и других активистов в пиратстве (за что им грозит до 15 лет лишения свободы) и поместил под двухмесячный арест. (...) Желая привлечь внимание мировой общественности к варварской эксплуатации природных богатств Арктики, Дземянчук наступил Кремлю на большую мозоль. Собственником добывающей платформы «Приразломная», около которой и был задержан Дземянчук, является компания «Газпром нефть шельф». Ее вице-президентом не так давно

стал Андрей Патрушев, сын Николая Патрушева, секретаря президентского Совета безопасности, одного из самых приближенных к Путину людей». (Яцек Томчук, «Ньюсуик-Польска», 21-27 окт.)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АНТИГЛОБАЛИЗМА

Я был прав, когда месяц тому назад писал в фельетоне, что голем радикального национализма вырывается из-под контроля лидера «старых» правых Ярослава Качинского. Сначала он его взрастил, выпестовал и вскормил, а теперь вынужден салютовать ему побегом из Варшавы в Краков.

11 ноября, в День независимости Польши, партия Ярослава Качинского «Право и справедливость» организовала торжества в Кракове. Столица Польши в этот день была отдана в распоряжение радикальным националистам, которые организовали свой традиционный Марш независимости с ритуальными дебошами, беспорядками и поджогами.

До 2009 г. Марши независимости были незначительными мероприятиями политических маргиналов, собиравшими по несколько сот человек, и никто не обращал на них особого внимания. Только в 2010 г. серьезные правые от ПиС решили использовать их в качестве политического двигателя и включились в их организацию. Им удалось раздуть это мероприятие, придать ему размах и политический вес. Не получилось только сохранить контроль над бьющими через край эмоциями и над толпами молодых людей, которые ежегодно в этот день, закрыв лица масками, атакуют объекты, символизирующие то, что, по их мнению, угрожает польскому народу в современном мире. Два года тому назад группы агрессивной молодежи нападали на представителей СМИ и поджигали передвижные студии телекомпаний. На этот раз жертвами стали варшавские коммуны, руководимые левыми группами, художественная инсталляция в форме радуги, которая у правых ассоциируется исключительно с движением гомосексуалистов, а также будка охранника перед посольством России.

Последний инцидент привел к тому, что приуроченный к празднику дебош отразился на польско-российских дипломатических отношениях. Посла Польши вызвали в МИД. Как президент, так и правительство Польши принесли Москве свои извинения. Однако наибольший интерес представляет не официальная реакция (это лишь политическая необходимость), а спонтанные высказывания групп граждан с

той и другой стороны. Именно в них нашел свое выражение глобальный дух современного мира.

Через несколько дней после беспорядков польское Общество журналистов, объединяющее известных публицистов и журналистов, направило российским коллегам открытое письмо, в котором написано:

«Хотя это не мы атаковали посольство России в Варшаве, мы просим у Вас прощения за этот инцидент, который уже был решительно осужден польскими властями. Те же националисты, которые напали на представительство Вашего государства, с такой же ненавистью атаковали поляков, которых считают своими идеологическими врагами. Это показывает, что конфликт, проявлением которого были нападения на оба диппредставительства, не имеет национального характера. Это не поляки воюют с россиянами, а враги свободы с ее защитниками. Мы считаем Вас, Коллеги и Друзья, союзниками в этой борьбе, и просим, чтобы и Вы относились к нам так же. Только вместе мы можем сдерживать сеющих вражду экстремистов».

Через несколько дней на интернет-портале польских националистов было опубликовано письмо, которое направила им организация «Русское имперское движение». В нем мы читаем:

«Русские националисты внимательно следят за сопротивлением белой Европы и приветствуют подъем национального духа европейцев, выражающийся, в том числе, в виде манифестаций и других политических акций националистических и ультраправых организаций, таких как "Марш независимости" в Варшаве.

Но мы обеспокоены антироссийскими провокациями, которые имели место на "Марше независимости" 11 ноября. Сожалеем, что поляки до сих пор воспринимают нас как врагов и ассоциируют русских с коммунистами, а Россию с Советским Союзом.

Националисты в России сегодня борются за создание русского национального государства, и русские не стремятся к захвату Польши или кого-либо еще. Наоборот, у нас сегодня общие враги – это сионистский и исламистский глобализм».

На это послание из Москвы последовал ответ с польской стороны. Редколлегия националистического ежеквартальника «Политика народов» написала: «Многие польские

националисты и патриоты с пониманием восприняли Ваше письмо. Мы согласны, что самые большие угрозы для европейских народов — это, в частности, либерализм, глобализация, секуляризация и декадентство. Мы, люди с твердыми принципами, сильной национальной идентичностью и искренними побуждениями, должны вместе противостоять им, независимо от разделяющих нас национальных различий и исторических событий. Этого можно достичь, только постепенно гася ненужные антипатии между народами».

Вот так над польско-российской границей создаются идейные союзы — демократический и антидемократический, либеральный и националистический. Сторонники одинаковых идей и систем ценностей с обеих сторон ищут поддержки друг друга. Это знак времени и, вместе с тем, доказательство того, что процессы интеграции и глобализации идут во всех сферах и политических сообществах, даже среди тех, чьи программы связаны с борьбой против интеграции и глобализации. Провозглашая для своих обществ необходимость замкнуться в тесных национальных рамках, они ищут союзников, невзирая на границы, и призывают к созданию интернационала националистов.

Даже антиглобализм сегодня глобализуется. Найдется ли более красноречивое доказательство краха архаичного национализма?

КАЛИНИНГРАД: РОССИЯНЕ, КОТОРЫМ ДО НАС БЛИЖЕ ВСЕГО

Большое малое движение

Кто бы ожидал, что невинный договор о малом приграничном движении с Калининградом может столько изменить между поляками и россиянами?

Калининградцы этим летом буквально толпами посещали польские пляжи — с их прибрежными забегаловками, пивом на расстоянии вытянутой руки, рыбой и сосисками. Сосиски-то и стали главным хитом этого нового польско-российского сближения. Россияне открыли всяческие их достоинства — вид, вкус и привлекательную цену. Автомобили с российскими номерами возвращаются после уик-энда с багажниками, набитыми сосисками. Это самый ходкий товар местной международной торговли.

Россияне полюбили польские супермаркеты, особенно «Бедронку» («Божью коровку»). Если не считать сигарет, бензина и нескольких лекарственных препаратов, всё остальное здесь для них намного дешевле, чем дома. Особенно с учетом того, что в Калининградскую область почти всё ввозится, в том числе и продукты (область самодостаточна только в энергетике).

Большим успехом среди жителей Калининграда пользуется гданьская ИКЕА. Шведы в конечном итоге не открыли магазин в области, так как не договорились с местной администрацией. Известностью пользуются также строительные рынки. Ведутся разговоры о строительстве дальнейших крупных магазинов в Эльблонге и Браневе. Польские территории обрели второе дыхание благодаря туристам из России. Только в первом полугодии, по официальным данным таможенной службы, они потратили в Польше 62 млн. злотых.

В свою очередь, поляки привозят из России топливо и сигареты, которые там в половину дешевле. И охотно ездят в Калининград подправлять руку Господа Бога — у здешних пластических хирургов хорошее реноме, а частные клиники

пользуются большим успехом у поляков и полек. Такие мелочи, как ботокс, делаются здесь с ходу, амбулаторно.

Карта многократного употребления

Когда Польша и Литва после вступления в Евросоюз ввели визы для соседей с востока, движение на границе с Калининградской областью почти замерло. Россия применила свои меры визового ужесточения по отношению к гражданам ЕС, Евросоюз — свои. Ситуация начала меняться лишь недавно. В 2009 г. польское консульство в Калининграде выдало почти 57 тыс. виз. Два года спустя — 112,7 тыс., в прошлом году — уже 134,3 тыс., или 600 виз ежедневно. А в этом году польская сторона выдает каждый день по 1500 виз, в общей сложности с января [до середины сентября, когда писалась эта статья] — уже свыше 120 тысяч.

Ключевую роль сыграл здесь, однако, договор о малом приграничном движении (МПД), заключенный между Варшавой и Москвой в июле 2012 года. Он позволяет лицам, прописанным в районах, которые расположены близ границы, многократно пересекать ее без визы. Упрощение контроля очень понравилось жителям обеих стран, уже свыше ста тысяч российских граждан обзавелись специальными картами МПД, напоминающими наш паспорт. Россия выдала полякам около 30 тыс. таких карт.

В результате на протяжении последних двух лет граница Польши с Калининградской областью стала одной из самых многолюдных в Европе. В 2012 г. ее пересекли 4 млн. раз, в этом году будет, возможно, даже 5,5 млн.

Людмила Шубина, обладательница стотысячной карты МПД, врученной в польском консульстве, работает в Музее океанографии Калининграда. Для нее эта карта означает прежде всего облегчение профессиональных контактов с коллегами по профессии из Тригорода [Гданьск-Гдыня-Сопот]. Поездка на конференцию в Гданьск перестала теперь быть проблемой. «Гданьск — красивый город», — говорит она с восхищением. И хочет показать его внуку.

Владелец карты не имеет права работать в Польше. Зато он вправе находиться у соседей 30 дней одновременно, а в общей сложности — 90 дней в течение полугода. Для начала карта выдается на два года, следующая — на пять. Стоит она 20 евро. Кроме того она практична: в заграничном паспорте не растёт количество пограничных печатей, и его реже требуется менять.

Брюссель отнесся к калининградцам в порядке исключения. Договор охватил всю область (ее длина — 205, а ширина — 108 км), а не всего лишь положенные по норме 30 км от границы, как это практикуется в Шенгенской зоне. Такое ограниченное решение не имело бы в данном случае смысла, потому что оно не охватило бы даже областной центр. На польской стороне договор тоже действует нестандартно — он распространяется на полосу от Гданьска до Пуцка вместе с прилегающими поветами, на Эльблонг, Браневский, Лидзбарский, Бартошицкий поветы и на Ольштын с Кентшинским, Мронговским, Венгожевским, Гижицким, Олецким и Голдапским поветами.

Как ошпаренные

Теперь польское консульство в Калининграде стало вторым (после львовского) представительством Польши на востоке, где выдается больше всего виз, которые предоставляют возможность въезда в ЕС и Шенгенскую зону, — половина того, что все остальные страны Евросоюза. Заявления заполняются и регистрируются электронным путем, но окончательное решение принадлежит консулу. В польском консульстве крутятся, как ошпаренные, семеро консулов, даже часть резиденции отвели под служебные помещения.

Как это происходило ранее на Украине и в Белоруссии, хакеры и здесь пробовали взломать электронную систему, блокировали места в списке, чтобы потом продавать их. «Мы быстро справились с этим, давая таким лицам отказы. Но борьба продолжается каждый день», — говорит консул Януш Яблонский. На предыдущем месте работы, во Львове, он тоже вел бои с местной визовой мафией. Сегодня документы можно подавать в визовый центр внешней фирмы, у которой есть договор с консульством: услуги здесь несколько дороже, так как в них учитывается посредничество, но российские граждане принимают это с пониманием. Можно также обращаться в туристические агентства. Чиновники не принимают оплату, этим занимается банк.

Вопреки опасениям, МПД не принесло роста преступности, через границу не хлынул поток нелегальных эмигрантов, не оказались заблокированными и перемещения, связанные с бизнесом.

Хотя летом в каждый уик-энд очереди на пограничных переходах — гигантские. Зимой тоже, потому что на праздничные закупки в Польшу приезжает весь Калининград. Это сенсация: в городе, насчитывающем около 900 тыс.

жителей, 750 тысяч имеют заграничный паспорт, и только 18% никогда не были за границей. Дозревает идея, что надлежит устроить два новых перехода, записанных в польско-российском пограничном соглашении. Об этом говорят областные власти и польский консул в Калининграде. Подъездные дороги уже существуют, надо только вложить деньги в строительство самих переходов.

В Польшу на пляж

Речь здесь идет не только о бизнесе, но и об отдыхе. Жители области полюбили поездки в Польшу на уик-энд — в Тригород, Эльблонг, Ольштын, Элк. Они стали хорошими клиентами морского причала в Сопоте, о котором говорят, что его построили в расчете главным образом на них. Сегодня российские яхты и лодки — одни из самых роскошных, которые там швартуются. Россиян носит на руках и прославленный сопотский «Гранд-отель»: они любят вкусно поесть, ценят хорошее спиртное. Не экономят, не считают каждый злотый.

Почему россияне выбирают польские пляжи? В конце концов, в Калининградской области то же самое Балтийское море, Вислинский [в России он называется Калининградским] залив, Вислинская [Балтийская] коса, даже две, поскольку есть еще красивейшая Куршская — национальный парк, внесенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Но россияне предпочитают польскую Прибалтику — по причине ее доступности. У нас солнечные ванны можно принимать на каждом лоскутке песка у воды. Российские пляжи часто недоступны для граждан, там по-прежнему господствует диктат военных, а приезжающие иностранцы обязаны раздобыть специальный пропуск. Изрядная часть побережья продолжает оставаться опасной, так как ее не полностью разминировали после войны. Специальные туристические и рекреационно-игорные зоны, которые пробовали создавать у российского Балтийского моря, оказались поражением, никто не хотел туда инвестировать, потому что льготы не побуждали к этому, зато коррупция была всеобщей.

Наиболее туристически развитый из российских прибалтийских городов, Янтарный, тоже лежит в зоне ограниченного доступа — свободно загорать на пляжах там нельзя, так как здесь находятся места добычи янтаря, самые крупные на Балтийском море, отсюда исходит 90% этого сырья в мире.

Брюссель и Москва много раз примерялись к тому, чтобы облегчить путешествия для жителей Калининграда. Идея малого приграничного движения вызывала, однако, разногласия, особенно отчетливо продемонстрированные Владимиром Путиным, тогда еще премьер-министром, который был против того, чтобы наделять привилегиями одну из областей федерации. Говоря прямо, Москва опасалась ослабления связей, ее пугала перспектива того, что Калининград — по причине своего расположения и отдаленности от столицы РФ — слишком отплывет в сторону Европы.

В конечном счете договор, подписанный министрами Радеком Сикорским и Сергеем Лавровым, открыл совершенно новый этап в межчеловеческих, а также политических и экономических контактах. «В России о Польше писалось редко, а если уж и писалось, то не наилучшим образом. Теперь люди могут удостовериться лично, как всё обстоит на самом деле. Увидеть уровень жизни, воспользоваться услугами, посещать интересные места, отдыхать. Образ стал теплее — если не в центральных московских СМИ, то наверняка в местных. Как известно, нет ничего лучше личных контактов», — подчеркивает генеральный консул Польши в Калининграде Марек Голковский.

Деревья из Вермахта

На протяжении десятилетий старое название Калининграда — Кёнигсберг — было запрещено. Судьбу города не назовешь легкой. Первый раз его бомбили англичане в августе 1944 г., а потом он оказался уничтоженным вместе с приближением советского наступления. Предыдущий глава области Георгий Боос распорядился спилить старые деревья вдоль улиц областного центра, убеждая, что это расправа с последними солдатами Вермахта. Скалывали и сбивали всё, что уцелело от военных разрушений, скульптуры и фрески.

В 1965 г. коммунистические власти приказали взорвать местный замок. На его месте воздвигли Дом Советов, который теперь стоит пустым, потому что ошибки в его конструкции грозят строительной катастрофой.

Сегодня мышление о городе меняется. Новые здания своим стилем обращаются к прошлому и отличаются от серых, мрачных кварталов блочных хрущевок. Быть может, еще наступят времена, когда на пересекающие город каналы вернутся речные трамваи. Сегодня эти трассы зарастают сорняками, а плавают по ним главным образом мусор и

пластиковые бутылки. Возможно, воскреснет Калининградский залив, который, правда, открыт для иностранных кораблей (возобновилось судоходство из Гданьска в Балтийск), но здесь отсутствует хоть какая-нибудь инфраструктура.

Через границу просачивается и культура. Всё больше людей посещают музеи, памятники старины, даже кладбища, где зафиксирована бурная история Калининграда. Среди жителей вырос интерес к прошлому их города и к истории Восточной Пруссии, которую до недавних пор старательно обходили молчанием, как если бы мир начал свое существование в 1946 году.

Даже название «Кёнигсберг» постепенно перестает быть табу, его первая часть появляется в наименованиях местных фирм. Хитом стали мотоциклетные пробеги в Бранево, где находится одно из крупнейших кладбищ советских солдат. В них принимает участие нынешний губернатор Николай Цуканов, очень способствующий хорошим отношениям с польскими соседями. Это не меняет того факта, что решения по всем самым важным вопросам принимаются в Москве. Калининград — это всё-таки Россия, хотя и совсем другая.

ТРЕТИЙ СЕКТОР И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Название польско-российской конференции «Современные требования межсекторного сотрудничества в России и в Польше», организованной фондом «Образование ради демократии», может показаться немного неточным в контексте обсуждавшихся на ней вопросов. В рамках трех панельных дискуссий, названных «Условия и возможности функционирования российских общественных организаций на местном и международном уровнях», «Город в Польше и в России — пространство общественной активности» и «Роль граждан в создании “прозрачного” государства», больше говорилось об опыте в сфере функционирования неправительственных организаций, в том числе о трудностях и проблемах, стоящих перед ними. Среди затронутых проблем отдельно стоит остановиться на двух вопросах: на новом российском законодательстве в сфере третьего сектора, а также на проблемах, связанных с контролем общества над властью как на местном, так и на центральном уровне. Обе эти сферы, как представляется, тесно взаимосвязаны. Возникающие проблемы и ограничения — удел не только России, но и Польши. Трудно себе представить демократический строй без независимых общественных организаций и гражданского общества, сознающего свои права и обязанности. Его неотъемлемое право — доступ к публичной информации. Неотъемлемость этого права и его проведение в жизнь должны служить барьером злоупотреблениям властей, таких как коррупция или кумовство. Однако не всегда это удается осуществить в полной мере, и дело здесь не только в отсутствии необходимого законодательства, но и в недостаточной практике в этой области. Таким образом, истоки проблемы — не только формально-юридические: нередко она становится следствием недостаточной сознательности граждан, не знающих своих прав и зачастую не имеющих опыта деятельности в духе сообщества.

В качестве вступления, прежде чем перейти к обзору докладов конференции, я бы хотел отметить, что представленные в тексте взгляды — это взгляды польских докладчиков. Они дают представление о том, как воспринимается ими третий сектор в России. Эти взгляды отражают также проблемы гражданского

общества в Польше, о котором часто говорят, что оно всё еще в зачаточном состоянии, по-прежнему находится в процессе развития. И еще один момент: я намеренно обошел дискуссию, посвященную городу в Польше и России. Несмотря на то что эта тема несомненно интересна, я хотел бы сосредоточить внимание на вопросах отношений власти и общества. Именно они стали главными на конференции, и, наверное, не случайно, когда говорят о недостатках демократии, указывают как раз на эту сферу как на область, в которой многое еще предстоит сделать и в России, и в Польше.

В России, как известно, на субъекты, участвующие в политической жизни и получающие зарубежные гранты, было наложено обязательство записываться в реестр так называемых «иностранных агентов». Эта политика ограничений, по мнению Дануты Пшивары, председателя правления Хельсинского фонда прав человека, бьет прежде всего по контрольным (watchdog) организациям. По ее словам, «для защиты прав и свобод человека, то есть для организаций, миссия которых — контроль над действиями властей, наличие независимых финансовых средств остается условием существования». В противном случае их честность как субъектов, контролирующих действия властей, сомнительна. Трудно представить себе ситуацию, в которой организация, финансируемая из бюджета государства, будет в состоянии сохранить беспристрастность по отношению к политике той же власти. Поэтому, как далее подчеркивает в своем выступлении Пшивара, немаловажно, чтобы финансирование осуществлялось из многих источников: «Если у нас будет, к примеру, двадцать разных источников финансов, независимость наша формально и фактически вырастет». В противном случае мы будем иметь дело с идущим на уступки третьим сектором.

По мнению Пшивары, проблема состоит не только в ограничении форм финансирования, но также и в отсутствии выработанной модели судопроизводства в отношении действующих НПО. Термин «политическая деятельность», употребляемый по отношению к третьему сектору, настолько общ и неточен, что влечет за собой опасность произвольных решений, а следовательно, инструментального истолкования закона в борьбе с неудобными организациями. Примером этого служат молодежные организации, проводящие научные исследования. Несмотря на то что они должны были быть исключены из содержания закона, практика в их отношении оказалась иной. Ссылаясь на выступление Дануты Пшивары, Анна Мария Дынер, аналитик Польского института

международных дел, добавила, что в России, помимо контрольных, функционируют общественные организации, которые не подвергаются гонениям. Свою деятельность они осуществляют в сфере социальной помощи, культуры, занимаются обменом молодежи и полностью способны проводить свою политику с опорой на средства, получаемые из государственного бюджета.

Подводя итог своему выступлению о контрольных организациях, председатель правления Хельсинкского фонда прав человека констатировала: «Всё же я надеюсь, что российские власти придут к тому же выводу, к которому уже давно пришли власти западных стран: контрольные организации составляют что-то вроде инструмента раннего предупреждения, и тот факт, что мы ведем мониторинг, фиксируем определенные нарушения, вслух говорим о них и формулируем рекомендации, на самом деле выгоден для обеих сторон. Контрольные организации, в особенности те, которые действуют в сфере прав человека, — это скорее союзник власти, если она стремится к выполнению своих международных обязательств, нежели ее противник».

В ходе этой дискуссии возник также вопрос о финансировании третьего сектора средствами бизнеса. Участники обсуждения единодушно пришли к выводу, что его роль невелика. Если же бизнес и принимает участие, то, как указывал ведущий дискуссии Мартин Войцеховский, он поддерживает организации благотворительного толка, не желая вмешиваться в вопросы политики, которые для него опасны. Так происходит и в Польше, и в России. В ответ на это замечание Данута Пшивара признала, что, конечно, возникают ситуации (особенно когда тот или иной предприниматель заботится о своих интересах в стране, где есть проблемы с соблюдением прав человека), когда бизнес отказывается финансировать какие-либо проекты, связанные со сферой, которой занимаются контрольные организации. Мотив такого решения — страх потерять рынок сбыта своих товаров или услуг. Но главная, по ее мнению, причина отказа от такого рода активности — отсутствие у предпринимателей сознания того, что это окупается. По-прежнему в этой сфере нет достаточного числа положительных примеров.

В следующей части дебатов была затронута тема роли граждан в создании «прозрачного» государства. Панельную дискуссию открыло выступление Алексея Плотникова, депутата Первомайского муниципального образования Краснокутского района Саратовской области. Говоря о функционировании

самоуправления в России, он отмечал низкую степень участия граждан в общественной жизни. Причины этого он усматривает во всё еще низком сознании общества относительно того, что такое местное самоуправление и какова его роль. По его мнению, до сих пор, особенно в российской провинции, бытует постсоветское убеждение, что от простого гражданина зависит немного. Поэтому общественный отклик на всякого рода инициативы снизу невелик, а те, кто участвует в общественной жизни, часто подвергаются остракизму.

Гражина Копинская (Фонд им. Стефана Батория, эксперт программы «Ответственное государство»), говоря о польском опыте в области строительства «прозрачного» государства, подчеркивала, что в течение нескольких последних лет в Польше наблюдается значительный прогресс в сфере борьбы с коррупцией. В подтверждение своих слов она привела рейтинг «Transparency International», иллюстрирующий уровень коррупции в среде чиновников и политиков. По данным за 2012 г. Польша набрала 58 из 100 возможных баллов, что поместило ее на 41-е место среди 174 государств, принимавших участие в исследовании. В 2005 г. результат Польши составлял 34 балла, что обеспечивало ей 71-е место в группе из 158 государств. Копинская считает, что прогресс в этой области не был бы возможен, если бы не ряд институциональных мер, таких как закон о доступе к публичной информации, а также создание Центрального антикоррупционного бюро. Важным фактором, способствующим этим изменениям, она считает деятельность контрольных организаций и позицию самих граждан, которые всё больше интересуются тем, как и на что тратятся общественные деньги. Но это, по ее мнению, не означает, что все проблемы решены.

По-прежнему острым вопросом остается проблема кумовства и сопутствующее ему назначение на управленческие должности людей, связанных с правящей партией. Проблемой остаются также торги, особенно те, которые касаются больших инфраструктурных инвестиций, связанные, например, со строительством автострад. В этой сфере также имеет место превышение должностных полномочий. Следующий вопрос — о том, как привести в исполнение законы, которые, по мнению Копинской, в Польше не так уж плохи. Копинская указала также на всё еще слишком слабый, несмотря ни на что, общественный контроль над государственными учреждениями. Поэтому она говорит о необходимости большего участия граждан в этой области. По поводу самой концепции «прозрачного» государства Копинская сказала: «Она кажется мне весьма несовершенной. Мы должны

говорить о том, что называется открытым государством, открытым правительством. Власть должна одобрить тот факт, что граждане хотят намного активнее участвовать в процессе принятия решений. Что дело не в обычном вопросе: „Чего вы хотите?“, а в реальном консультировании. Речь идет о действительном разговоре, диалоге между гражданином и властью. Это заставит обе стороны пересмотреть взгляды, потому что государство должно отдать часть своей власти, а мы, граждане, должны взять на себя часть ответственности».

Катажина Батко-Толуч («Гражданская сеть — Watchdog-Польша») в своем докладе обратила внимание на общественный контроль власти в местном масштабе, в особенности на уровне небольшой гмины. По ее наблюдениям, в течение 24 лет с момента политических преобразований в Польше меньше всего изменилась позиция власти по отношению к гражданам, контролирующим ее. «Люди, занимающиеся такой деятельностью, остаются одиночками на местном уровне», — отмечала она. По ее мнению, в узком местном кругу трудно сохранить независимость, которая бы позволила заниматься подобного рода деятельностью. Люди, способные на это решиться на самой низкой ступени территориального самоуправления, — это люди с необходимым интеллектуальным потенциалом, не боящиеся быть независимыми и не связанные с властями гмины, в частности не имеющие там родственников. Это могут быть земледельцы, гражданские журналисты, лица, ведущие хозяйственную деятельность, зарегистрированную в другой гмине. То есть люди, не испытывающие гонений от властей гмины. Однако, как следует из наблюдений Батко-Толуч, во всё большем числе гмин люди требуют гласности и знают юридические инструменты, позволяющие им добиваться соблюдения их прав. По ее мнению, общий рост гражданского сознания — это плоды деятельности неправительственных организаций. Прогресс в этой области стал возможен также благодаря кропотливой работе, в том числе и благодаря многочисленным судебным процессам, связанным с нарушением закона о доступе к публичной информации. Результатом этого стала применяемая многими субъектами территориального самоуправления практика размещения на своих сайтах копий заключенных договоров с именем и фамилией человека, с которым этот договор был заключен. «Наряду с тем, сколько денег было потрачено, важно также и то, кто их получил», — утверждает Катажина Батко-Толуч. Здесь же она пояснила, что заключение договоров-соглашений с физическими лицами очень часто имело целью обойти процедуру открытого конкурса на управляющую должность. А

значит, было проявлением кумовства. Места люди получали по родственному принципу либо из соображений их партийной принадлежности. «Таким образом, значительная часть общественных средств уходила без всякого контроля», — подчеркнула она в своем выступлении.

Если бы нужно было найти слово, лучше всего отражающее отношения, которые возникают между властью и обществом, то этим словом стало бы слово «контроль». С одной стороны, мы видим, как власть старается контролировать действия общества, ограничивать его деятельность теми сферами, которые не угрожают свободному функционированию власти. С другой — можем заметить, что общество предъявляет права на контроль над властью. Здесь следует отметить, что никакая власть — независимо от того, российская или польская, местного уровня или центральная, — не лишена соблазна господствовать по возможности безраздельно. Представляется, что в этом контексте необычайно важной оказывается роль общества, что также подчеркивали участники конференции. Однако чтобы общество было в состоянии в полной мере пользоваться своими правами, должен сработать фактор активности и ответственности за свои решения. Только в этом случае возможно формирование гражданского общества как неотъемлемого элемента демократической системы. Общества, не ограничивающегося исключительно ролью ревизора или безвольной марионетки, но, напротив, ответственного и создающего совместно с властью публичное пространство.

Организатором конференции «Современные требования межсекторного сотрудничества в России и Польше» был фонд «Образование ради демократии». Конференция была проведена 27 сентября в Варшаве в рамках проекта «Автономность и гражданственность — опыт сотрудничества польских и российских молодых лидеров», осуществляемого фондом «Образование ради демократии» совместно с Московской школой гражданского просвещения.

На конференции с докладами выступили:

Юлия Лебедева, Московская школа гражданского просвещения, специалист по работе с участниками проектов;

Сергей Маленко, директор департамента гражданских и специальных программ администрации губернатора Пермского края;

Данута Пшивара, Хельсинский Фонд по правам человека, председатель правления;

Анна Мария Дынер, Польский институт международных дел, аналитик;

Роман Фомичев, советник мэра Ярославля, координатор городского движения «Стратегия-76»;

Екатерина Кармак, региональный руководитель федерального проекта «Кадровый резерв — профессиональная команда страны», лидер общественных организаций;

Кацпер Поблоцкий, Институт этнологии и культурной антропологии, Познанский университет им. Адама Мицкевича, адъюнкт;

Иоанна Эрбель, социолог, городская активистка;

Илья Шуманов, Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International — Россия», руководитель Калининградской областной приемной;

Алексей Плотников, Первомайское муниципальное образование Краснокутского района Саратовской области, депутат;

Гражина Копинская, Фонд им. Стефана Батория, эксперт программы «Ответственное государство»;

Катажина Батко-Толуч, «Гражданская сеть — Watchdog-Польша».

Лукаш Ницпан

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мудрому моему телу

Привет тебе, о тело мудрое моё

ты кротко, знаешь всё, кричишь лишь иногда

ты бесконечно выше любых моих капризов

какой же максимой, каким пуантом

сравнюсь я с вдохновенной криптой мозга твоих
костей?

что мне сказать чтоб оказаться

на высоте твоих усердных безупречных жил?

как мне пришлось бы возвыситься умом

дабы достигнуть серой обыденности лёгких

не говоря уже об алтаре твоём

за витражами майских глаз

где спорят химия и видение звёзд

как перед зеркалом ремень и бритва

ведь я и в лучших-то своих стихах глупее

чем ноготь на мизинце твоей ноги

не дорасти мне, тело, до тебя

пусть даже добреду до краешка волос

открою тёмную загадку бытия

хваля тебя себя я не хвалю

в тебе я лишь бродяга

лишь турист

Повторение истории

Порой мне кажется
что я актёр из Львова
и что сейчас 1907 год
трогаю незнакомую морщину на лбу
ищу в памяти имя женщины
которая вот-вот войдёт в комнату
она лет на двадцать старше моей бабки
в платье до щиколоток с претензией (на что?)
поднимаю глаза к потолку отделанному под мрамор
(Ядвига? Богна? с пучком или без?)
конские копыта стучат по мостовой
дневная луна бледнеет над крышами
меня охватывает страх не помню роли
не знаю города не знаю последних новостей
где юг где север как дойти до театра
щупаю языком:
во рту ни единого зуба

Читающей с картины Вермеера

Пока ты жила
пока ты письмо читала
курчавились согретые щипцами для завивки
золотистые локоны на сосредоточенном виске
лёгкий пушок оведал твою шею
близился вечер
кончалось письмо

потом ты полнела
рожала детей
познавала морщины
и смерть
ты умерла
но умерла не вся
ибо читать ты так и не перестала
столетья прошли
а ты стоишь у окна
склонив над письмом ресницы
какие же вести
так медленно ты читаешь?

Поэзия

Порой подбежит как проворная белка
чаще однако расходятся наши взоры
два существа разных видов и разного пола
редко бывают благосклонны друг к другу
ей своих, мне своих дел хватает
тем больше радость когда при встрече
мы понимаем друг друга с полуслова
нам незачем даже говорить друг с другом
всё само тогда светится ясным светом
и зеркала и глаза и буквы и звуки
словно всем этим правит кто-то третий
кто-то высшего пола, необычайного вида
этот кто-то рождается и сразу умирает

потом его разве только в стихе увидишь
как под стеклом в витрине обломок кости
каплю крови звезду запёкшуюся в небе

Пьета

Умер под утро, в больнице, под кислородом
немного не вовремя, новогодней ночью
так что на надгробии ему будет годом больше
было ему шестьдесят, тридцать из них он провёл
в рассеянном склерозе, в камерке без окон
на попеченье жены, его обмывавшей
вместе с ним отодвинутой в тень из жизни
десять лет они не говорили друг с другом
он владел только речью правого века
а этого мало чтобы сказать хоть что-то
из всего того что надо бы было сказать
чего набралось в их жизни так много
за столько лет на кресте под крестом
когда только сон позволял им вспомнить
обручальные ласки без памперсов и клеёнок

Стоп-кадр

Вода в пруду – с неё и начнётся
потом поезд на мосту поперёк Вислы
самолёт над Беянами словно растоптанный на небе
всё остановится, окаменеет в бездвижности
нота хора замрёт на спевке в кафедральном соборе
зависнут спринтеры распятые над барьером

птица застынет в полёте в полуметре над дробью
молния застрянет в туче как иголка в прабабкином
рукоделье
всё остановится, окаменеет в бездвижности
ибо ты ушёл мой зритель, ибо ты закрыл глаза
ты уже не дышишь, не волнуешь город
не бродишь под пылающими облаками
ничего не приводишь в движение не возносишь и не
свергаешь
ну, вот видишь
до чего дошло дело

МГНОВЕНЬЕ, КОТОРОЕ ДЛИТСЯ

После почти тридцатилетнего молчания напомнил о себе новой книгой — «Послание к читающей письмо» — Лукаш Ницпан, который много лет возглавлял отдел поэзии в журнале «Нове ксёнжки» (пока не потерял работу во время военного положения, когда его изгнали из редакции). Это возвращение поэта вполне сформировавшегося, с отлично поставленным голосом, поэта, который знает, что поэзия — сущность, контакт с которой (поэтом ведь только «бываешь», как утверждал Пшибось) имеет довольно специфический характер, поскольку «ей своих, мне своих дел хватает / тем больше радость когда при встрече / мы понимаем друг друга с полуслова».

Если бы требовалось указать ближайшее родство этих стихов, я бы упомянул поэзию Виславы Шимборской: та же дистанция по отношению к объекту внимания, та же сосредоточенность, тот же спокойный тон. Разве не близка по своей атмосфере стихотворению Шимборской «Вермеер» интерпретация другой картины того же художника в тексте Ницпана «Читающей с картины Вермеера»:

столетья прошли
а ты стоишь у окна
склонив над письмом ресницы
какие же вести
так медленно ты читаешь?

Дело, конечно, не в самом Вермеере, а в способности запечатлеть «мгновение, которое длится» вне времени, ту непреходящую быстротечность, которая вновь и вновь возвращается при очередном взгляде на картину.

К новым стихам Ницпана можно прикрепить этикетку «классицизм», но это было бы столь же точно, сколь и обманчиво. Действительно, в них есть чувство меры, атмосфера раздумья, можно говорить и о замедлении времени. Но есть и альтернативные образы: «Может он герой ВиНа^[1] или

АК / а может гэбэшный палач / этот старик / в продолговатом вагоне метро».

Есть и метапоэтическая рефлексия: «ведь это не он сказал а сленг / пифия наша зачатая за углом». Тут уже не классицизм. Классицизм все же предполагал власть над языком, а здесь появляется сознание обратной зависимости. Это скорее отказ от всякой художественной доктрины во имя сохранения искренности пусть искусственного — то есть искусного — высказывания, но в полноте смысла, определенной и ходом рассказа, и тем, что устанавливает отношения между пишущим и читающим.

Такое высказывание позволяет утвердиться в убеждении, выраженном открывающим сборник стихотворением «Возвращение с каникул»: «я знал что когда-нибудь буду рожден / уже не женщиной а всей вселенной / и стану чем-то большим чем если б был рожден я матерью земной».

-
1. ВиН — «Вольность и неподлежность» («Свобода и независимость») — подпольная антикоммунистическая организация, действовавшая в Польше в 1945-1947 гг.

В ПОИСКАХ ПОДАРКА НА СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ^[1]

Во имя Отца, и Сына, и Духа Повествования. Аминь. Накануне моего пятидесятидвухлетия я принял решение познакомиться завтра с новой девушкой. Мысль сия уже давно колотилась во мне, но окончательную тональность приобретала постепенно.

Решил я так не ради пустой забавы или на спор. Да и с легкостью задачи не преувеличивал — у меня ведь было дерзновенное и серьезное намерение в течение двадцати четырех часов встретить умную, стройную и высокую (метр семьдесят, не меньше) девушку в границах тридцати лет. Встретить, познакомиться и закадрить.

Мне хотелось справить себе живой, бросающийся в глаза подарок и проверить, смогу ли я себе справить живой, бросающийся в глаза подарок. На вид я был еще вполне-вполне, но чувствовал, что обитающее во мне чудовище начинает издыхать. А репутация у меня на этой ниве всё еще оставалась «подмочена», и я, по сути, плыл по волнам этой славы. Наперекор кажущемуся, цинизм никогда не был моим сильным свойством; присущие моим рассказам о женщинах ирония и инструментальный ракурс имели своей целью скрыть нанесенные им обиды, но теперь остатками цинизма, поскребками иронии и видимостью инструментализма я пытался закамуфлировать свое личное отчаяние и тоску.

Вот уже год, если не больше, меня сжирали дурные предчувствия, сердце мое трепыхалось, а трансцендентное подавало всё более отчетливые сигналы. Я искал облегчения, кропя воспоминания и слушая музыку. Но воспоминания успокаивали нервы ненадолго, хотя и без последствий, зато музыка, даром что давала отдохновение глубокое и на длительное время, — ее последствия представлялись кошмарными: пустота после «Волшебной флейты» оказывалась трудно переносимой, а дурман после передоза арий Глюка пережить было невозможно. А всё-таки меня так и тянуло к этому высочайшему, ясен пень, искусству, тянуло так, как когда-то к выпивке. Тяга сия отражалась и на моей романтической жизни — преобладали в ней музыкальные музы.

Я по тем временам разрывался между начинавшей большую карьеру балериной, развивавшей большую карьеру оперной певицей и отрекавшейся от большой карьеры скрипачкой с бурным прошлым.

Кроме того (а как же иначе?!), я названивал всяким девушкам, клеил манекенщиц, официанток и лицеисток; под предлогом языковых курсов устраивал кастинги для преподавательниц; был рискованно фамильярен с аппетитной толстушкой — студенткой-медичкой; обожал разговоры с филигранной и абсолютно не в моем вкусе дамой-историком англосаксонской литературы; не мог устоять перед чарами волшебницы пунктуации с черными как смоль волосами (познакомился я с ней совершенно случайно); ждал, когда некая молоденькая наемная работница вернется из Дублина с заработков (на телефонные разговоры с ней я просаживал уйму денег); известная в свое время спринтерша, с которой я в 1999 г. крутил безумную любовь, жила неподалеку и всё еще была для меня искушением (да еще каким!); не раз возвращался мыслями к Майке (высокая, стройная брюнетка) и Магде (массивная, приземистая альбиночка), которые навещали меня в прошлое лето и в одинаковой степени клевали как на меня, так и друг на друга; вполне серьезно размышлял о женитьбе на некой эстонской миллионерше; не сторонился и ночных бабочек — но неизменно шевелились во мне усиливавшие хаос предчувствия: дескать, жизненно важное знакомство — у меня еще впереди.

Однако певица, балерина и скрипачка были тремя столпами моего замешательства. Связь с певицей (музыкальные критики называли ее Ангельским горлышком) была самой длительной, самой интенсивной и самой запутанной. Балерина просуществовала недолго: кроме оргазма, ни одно из человеческих чувств не было ей доступно. Скрипачка появилась всего лишь год назад и источала неземное очарование. Пристроиться в домене глубоких чувств у нее скорее всего не было шансов, но видневшаяся в вырезе блузки тень между грудями имела силу больших общественных движений.

Из всей троицы была она самая старшая, самая красивая и самая шальная. Было ей сильно за сорок, цвет лица — блистательная сепия, тонкие черты лица и фигура тренерши фитнес. Порой казалось, что она — самое умное на земле создание, но в другой раз не возникало сомнений — не понимает ни бельмеса.

Она утверждала, что получила от Святого Духа дар читать чужие мысли; ходила к психотерапевту и во время

изматывающих сеансов добивала его психически; пять дней в неделю питалась ростками пшеницы, по вторникам и четвергам тренировалась на силовых тренажерах; в уик-энды не вставала с постели, пила прямо из горла горькую «Жолондковую»^[2] и обжиралась как свинья.

По телефону несла убойную похабщину, высылала порнушные эсмэски и непристойные мейлы, но могла также целыми неделями не позволить себя поцеловать.

А кроме всего прочего, она обожала японские забегаловки и договаривалась о встрече исключительно там. Самое простое на свете: пойти в кино, театр, на концерт или погулять — в ее случае отпадало. Вечно выкручивалась, говоря, что нет времени, хотя, по идее, чем она была занята — непонятно: год или даже больше уже не играла, не упражнялась, не расширяла свой репертуар, не ходила на репетиции, не давала уроков. Была замужем, но уже давно в сепарации; даже если с отсепарированным супругом ее и связывала какая-то потребность, так ведь она же не занимала много времени. Однако, так ли, сяк ли, поле маневров у меня было ограничено: в расчет принимались лишь эсмэски, мейлы и японские забегаловки.

Переписывался я с ней вдохновенно, а японские забегаловки ненавидел всей душой. Даже если б я и умел орудовать дальневосточными палочками, то всё равно не был бы в состоянии ими орудовать: руки у меня тряслись как у Иоанна Павла II под конец жизни.

Одной трясущейся рукой я тыркался в тарелку, а другой щупал скрипачку под столом.

— Очень мило, виконт, то, чем ты занимаешься, — говорила она, — но я еще не готова; по мнению моего психолога, я еще не готова.

И тогда я осторожно вытирал о передок стрингов жирные от суши пальцы и забирал руку.

Расставались мы с ней с заученным, хотя и непринужденным холодком; я клятвенно обещал себе, что больше ни за что на свете с ней не встречусь и никогда не отзовусь. Спустя несколько дней на моем мобильнике высвечивалась эсмэска, плавающая во всевозможных интимных выделениях — через час я отвечал, через неделю сидел в японской забегаловке, сырая рыба стояла у меня поперек горла.

«Дальневосточный какаду — вот кто ты», — шептал я беззвучно и совал руку под юбку.

— Святой Дух видит, чем ты занимаешься, — улыбалась скрипачка не без сбивающего меня с толку одобрения.

Деликатность, с какой я вытирал пальцы о передок стрингов, ослабевала, руку я убирал с растущим высокомерием; история продолжалась, но не развивалась в положительном направлении. Виделись мы всё реже, мейлы она писала всё более сдержанные, я отвечал ей кое-как.

В последнюю нашу встречу она уже не страшила меня ни психологом, ни Святым Духом и не отпугивала моих пальцев, даже наоборот, разрешила им многое, если учесть место действия (оригинальный, ни фига-се! «бездымный японский гриль» на Добрай), — разрешила им всё. А потом, сглотнув слюну, сказала:

— Твоей, мой служивый, я не стану никогда. Пока.

Раз «пока», так «пока». Ранят — раненые. Унижают — униженные. Изменяют те, кому изменили. В последнюю минуту — чтобы уязвить ее, спровоцировать, возбудить ревность, а может, и от отчаяния, дабы спасти лав-стори, которая угасала, еще не начавшись, — я хотел ей рассказать о своем намерении насчет дня рождения. Правда, тогда еще мое намерение созрело не полностью, а его тональность была довольно-таки минорной — но, находясь в депрессии, я готов был говорить о нем торопливо, поминутно возвышая голос, с беспощадными подробностями. Но не успел. Тем лучше.

* * *

В день рождения я проснулся с замирающим сердцем — о ночных кошмарах молчок, были, как обычно. Меня так и искушало пустить начало «Ариоданта» Генделя или какой-нибудь танец, лучше всего «Траурный вальс» Шуберта, но я притормозил. Успокоение нервов втягивает, а время торопит. Вопреки тому, что нам кажется, мы не живем в эпоху непомерного разврата. Только простачки считают, что сегодня, чтоб заполучить девушку, достаточно выйти на улицу и поманить пальцем.

Я отводил себе двадцать четыре часа, но, помилуйте, без опереточной же ортодоксии! Я предусматривал реалистические припуски. Если матч должен состояться на самом деле, то надо ведь учесть и потерянное время, и даже доигрывание. В

глубине души я давал себе на знакомство с новой красавицей такой же срок, как Христос на Воскресение: весь уик-энд. Но это не значит, что не надо спешить со стартом. Как бы не так, надо.

Со стиснутыми зубами я брился, стоял под душем, надевал льняные брюки, джинсовую рубашу, замшевые полуботинки. Брючины, рукава, пуговицы, шнурки и молнии сроду не были особо подвластны моим трясущимся рукам, теперь же в них будто злой дух вселился. А привычка сидеть дома до четырех дня оказалась посильнее любого вурдалака. Вдобавок я, как теперь говорит молодежь, начинал хватать шизу из-за того, что нарушаю принципы и что за это меня постигнет страшное возмездие: вместо рождественского охмурежа случится нечто ужасное. Короче, утро, особенно если учесть мои лихие планы, шикарно не складывалось. Однако я не мог отступить: мой дух держал меня на крючке. Знал, что я боюсь, и еще больше искушал. Играл на самолюбии. Соблазнял большим выигрышем.

— Наверняка последним в жизни.

— Разве что до этого я откину копыта.

— Не парься.

Наконец-то я был готов. На содрогающемся доисторическом лифте я съезжал вниз, на землю, время близилось к девяти, грязно-желтая петля жарыщи была уже захлестнута.

Начинался день — когда-то он был бесконечностью; начинался день — когда-то он был безбрежностью времени, а теперь стал мгновеньем. Начинался мой день рождения — когда-то он пах флоксами, теперь же над улицей Хожей возносился смрад плавящегося асфальта.

Я внимательно осмотрелся, посмотрел налево, посмотрел вперед, посмотрел направо. Ближе всего было до некой продавщицы из круглосуточного. Честно говоря, я знал ее в лицо, что несколько нарушало чистоту идеи «познакомиться с кем-то новым», но ведь уже веками установлено, что знакомые в лицо могут входить в расчет, правда, при условии, что имена их нам неизвестны.

Не я придумал сие святое правило уличного охмурежа. Не я поместил эту преамбулу в начало конституции всех охмурителей света. Сделал это замечательный библейский, а может, древнегреческий классик. Имя его позабыто, но дело — живо в веках.

Жарища взорвалась с силой северных широт. Улавливаете, о чем я? Палящий зной в Риме или в Барселоне — ну какая же это парилка!? Настоящая остервенелая жарынь бывает в Петербурге. Варшава в тот день вполне напоминала петербургские тропики.

Продавщица из круглосуточного сошла бы вполне. Если подойти к делу по-джентльменски, то: несомненно в районе тридцатника. Наверняка высокая. Вопрос стройности — тут можно договориться. Когда-то, во времена круглосуточного отоваривания горькой «Жолондковой», я перекинулся с ней двумя-тремя фразами алкогольного содержания: *горькая — она же сладкая; она ее тоже любит; может, когда-нибудь по стопарику и так далее*. Чистая риторика. Чистая, поскольку, само собой, никогда и ничего *далее*. До сегодняшнего дня. А сегодня может быть *далее* и даже очень *далее*. И не только потому, что в отношении соблюдения правил я был безукоризненно честен: я тысячу раз впивался глазами в висящий у нее на тяжеловесной груди бейджик и мне ни разу не удалось сложить воедино видневшихся на нем букв.

Я повернул налево, миновал переплетную мастерскую, букинистический магазинчик мага и волшебника Роха, у которого совсем недавно приобрел «Приглашение на казнь» (обложка в идеальном состоянии), а также «Вспоминая моих грустных шлюх» (первое предложение не без значения)^[3]. Миновал итальянское кафе-мороженое, которое в недалеком будущем расширит свой ассортимент за счет борща и пельменей, обойную мастерскую (шефа которой презирал, я вызвал его для починки дивана, а он меня подвел). Миновал парикмахерскую «Дорис», где уже мелькали обнаженные плечики самых смазливеньких соплячек с Хожей; миновал известного сапожника, к которому с целью внесения корректив в высоту каблука съезжались звезды фильма и голубого экрана; миновал не менее, а может быть, даже куда более известную прачечную; «Секонд-хенд-Ландию», которая в скором времени станет кулинарией; пекарню с лицензией на продажу легких алкогольных напитков; галерею нижнего белья; и был уже возле круглосуточного, рядом с которым, на краю тротуара, покачивалась троица не просыхающих в последние годы бездомных.

— Сосед, — молвил самый трезвый и самый предприимчивый, — я бы обратился к вам с сакраментальной просьбой, да уж больно у вас сегодня какое-то недружелюбное выражение лица. Нынче у вас такая невыразительная мина, будто Институт

национальной памяти^[4] отказал вам в статусе потерпевшего. Верно угадываю?

— Совершенно неверно, — проворчал я.

— Ну а так, по большому счету, хоть какие-то старания в этом направлении сделаны? Подали соответствующее заявление?

— Нет, не подал. А вы?

— Подали, а то как же. И не далее как вчера получили списочек агентов, которые на нас стучали.

К моему крайнему удивлению вся троица принялась вытаскивать из-за пазухи документы, испещренные печатями.

— Так вот, — продолжал предводитель терцета, — получили мы списочек агентов, тех, что во времена военного положения на нас доносили, и присутствие некоторых там фамилий сразило нас наповал. И теперь мы в нужде, в еще большей, чем когда бы то ни было.

Я полез в карман. Успокоенные, а быть может, оживленные моим жестом, они принялись трясти ипээновскими бумагами, придавая лицу мученическое выражение и перекрикивая друг друга:

— Впечатляющее чтение! Безотрадное! Душераздирающее!

— Вот спасибо. Но я б себе не простил, если б не поинтересовался: откуда такая щедрость? Откуда такое благодеяние при столь пессимистическом выражении лица? — Самый трезвый из них, кого я спонсировал не первый год, присматривался ко мне с неподдельным сочувствием.

— Сегодня мой пятьдесят второй день рождения, — объяснил я.

Бродяги поклонились и в тот же миг умолкли, будто мой возраст лишил их дара речи.

* * *

Начались золотистые холмы, меж ними бежала полевая дорога. Я остановился под огромной придорожной ивой, выросшей неожиданно, в полном смысле как из-под земли.

В буйной и настолько зеленой, что даже черной кроне слышен был гам всяческой божьей твари — да какие же твари, должно

быть, там бушевали! — на землю сыпались листья и крошки, что-то перескакивало с ветки на ветку, мне показалось, что я разглядел свиное крыло, шерсть лесного кота, лисий хвост. О Боже, неужто меж сучьев мелькнула босая нога?

За ивой начиналась белая стежка, выводила она к находящемуся в двухстах-трехстах метрах дому, окруженному каменным ограждением, настолько хлипким, что непонятно, каким чудом держались на нем огромные, массивные железные въездные ворота.

Вдруг ворота распахнулись, из них выкатился человек на велосипеде и что есть духу рванул в моем направлении. Гнал он как сумасшедший, крутил педалями яростно, но еще яростней что-то кричал, иногда отрываясь от руля и размахивая руками, будто о чем-то предупреждал, иногда же тревожно оглядываясь по сторонам — но вокруг ничего не происходило и никого не было.

Мчался он прямо на меня, стежка была широкая, скорее даже не стежка, а полевая дорога, но я на всякий пожарный отступил на обочину, даже два шага дальше, вглубь какой-то высоченной азиатской травы; однако он, когда уже был близко-близко, резко затормозил и прямо-таки на ходу спрыгнул с несущегося велика, а тот пролетел еще несколько шагов и грохнулся оземь, вздымая клубы белой пыли.

Чокнутый или же просто взбалмошный велосипедист, не обращая на меня внимания, подбежал к дереву, схватился за мощный ствол так, будто хотел его сотрясти, а был он в таком бешенстве, что, клянусь, это ему почти удавалось; он напрягал силы и поднимал голову, пробивая взглядом тяжелую засасывающую крону, и остервенело кричал:

— Дамиан! Дамиан! Слезай немедленно! Немедленно домой! Кончай жрать! Снова куратор был у матери! Дамиан! Слезай!

Всяческое движение наверху замерло, в воздухе закружился последний облетающий листик, последняя крошка опадала медленней, чем предыдущие, колеса валяющегося на земле велика перестали крутиться.

— Сколько же хлопот с этим монстром! — Человек под деревом наконец-то обернулся ко мне; на нем был грязный джинсовый костюм, покрытое пылью лицо рассекали ручейки пота; в глаза бросалась старомодная прическа а-ля Джимми Хендрикс — длинные, до смешного разросшиеся кудри были, учитывая их густоту, неприлично седыми, да еще и полевая пыль

прибавляла седины: вот уж точно: прах ты^[5]. — Монстр монстром! До смерти нас доведет и хорошо, если только голодной. Слезай, говорю! Отдай все, что осталось! Осталось что-нибудь?

— Там кто-нибудь есть? — я, как настоящий союзник, поднял голову, давая тем самым понять, что готов помочь, и с притворным напряжением вглядывался в листву. Похоже, не в первый раз за этот день изображая из себя наивного.

— Конечно же есть. Еще как есть. Как слезет, сами увидите, как много его есть. Легко заметите. Представляете, одиннадцать лет и сто семь кило живого веса. И как еще на дерево влезает? Как не сверзится? При такой-то массе даже с малой высоты энергия огромна. Дамиан, слезай! Дамиан, слезай, иначе представлю окончательный аргумент!

Будто неуловимое дуновение шевельнуло ветки. Невидимая тень промелькнула меж них.

— Окончательный аргумент представлю, — кричал велосипедист всё уверенней, уже голосом победителя. — Два окончательных аргумента представлю! У тебя три минуты! Три минуты по часам в руке! Если через три минуты не слезешь — представлю окончательную аргументацию!

Надо думать, он был убежден в действенности «окончательной аргументации», ибо отошел от дерева и обратился ко мне приглушенным голосом:

— Ну ничегошеньки этот сопляк не боится. Абсолютно. За исключением одной вещи. Только от одной вещи весь дрожит и трясется до невозможности. Достаточно крикнуть, что евреи его на мацу пустят, — и сразу он как шелковый. Ничего не боится, зато евреев — пуще огня. Но как в нынешнем столетии применять такие аргументы? Вот ведь где закавыка. Это ж варварство! Бог с ней, с Катастрофой, а март шестьдесят восьмого? Помните? С виду мы вроде ровесники...

— С виду вы, пожалуй, намного помоложе будете.

— Это я только так молодо выгляжу. Говорят, чтоб иметь хорошую форму, надо быть из хорошей семьи. Мы — потомственные кузнецы. Ковалевичи — значимая фамилия, в полном смысле. Деды наши, выходцы с Кресов, силой своей слыли. Подковы гнули, цепи рвали, пара Ковалевичей известными циркачами заделалась. Много сезонов подряд выступали. Не могли вы о них слышать — история давнишняя,

да и в атлетических анналах не записанная. Но так или иначе — династия силачей. Сегодня уже не то, что раньше, но всегда — молот и горн. Подковать лошадь, отбить косу. А если учеба в вузе, то исключительно обработка металлов или что-нибудь в этом духе. Огонь и железо в генах. Уже шестой год как мне шестой десяток пошел.

Меня так и подмывало рассказать ему о своем дне рождения, но по его лазоревым глазам было видно: хороший он человек. Готовый искренне и с превеликим удовольствием радоваться чужой радостью. Относился он к обременительному племени экстатиков. Узнай о моем дне рождения, он с таким бы азартом набросился на меня, с каким преследовал Дамиана. Я бы погиб от его отзывчивости.

— Пятьдесят шесть годков стукнуло, и март шестьдесят восьмого хорошо помню. В кузнечный техникум я в ту пору ходил, и в один прекрасный день мой дружок, с которым я за одной партией сидел, говорит, что уезжает. Старики его уезжают, и он, мол, волей-неволей тоже уезжает. Уезжает, так уезжает. А чтоб вы знали, фамилия-то его Бадылек. Бронек Бадылек. Тоже мне еврейская фамилия нашлась, смех да и только. Но уехал, и все тут. А мне хоть вешайся — самому пришлось матч смотреть.

— «Гурник» (Забже) — «Манчестер Юнайтед». Ничья на покрытой замерзшим снегом траве Силезского стадиона. Любанский забивает решающий гол, но из-за проигрыша 2:0 в первом матче мы в чемпионате отпали. Не хватило одного гола.

— Я сразу понял: общность интересов нашего поколения никуда не денется. А все-таки, только не сердитесь, матч, о котором вы говорите, мы еще вместе с Бронекком Бадылеком смотрели. Мартовские события продолжались, но до массового исхода было еще ох-хо.

— Что, спутал «Манчестер Юнайтед» с «Манчестер Сити»?

— Exactly. Я тоже в свое время путал, но этого делать нельзя, не положено. Видите ли, в том-то и всё дело, чтоб не путать «Манчестер Сити» с «Манчестер Юнайтед»! Бронек Бадылек не путал. Я не говорю, что превосходство евреев в том, что они не путают «Манчестер Юнайтед» с «Манчестер Сити», но Бронек Бадылек не путал.

— Не путать «Полонии» с «Легией».

— Это уж точно. Если уж такое путать — мир соскочит с орбиты.

Показалось или действительно в его голосе послышалась угроза?

— Только сейчас у меня в мозгах прояснилось! Что за триумфальный путь в финал был тогда у «Гурника»! В венский финал с «Манчестером — конечно же! — Сити»! А до этого драматический матч с «Ромой», с «подачи» Эленио Эррера гаснет свет на стадионе! Бросание монетки в Страсбурге^[6]! — я вроде бы как щеголял эрудицией, вроде бы как экстатически что-то выкрикивал, но, в сущности, в приливе довольно-таки странной паники старался любой ценой удержать разговор на чисто спортивном поле.

— Как раз матч с «Ромой» я смотрел уже один. Семейка Бадылека довольно поздно уехала, в начале семидесятого. Телевизор у них был намного меньше и намного хуже нашего, но матчи мы смотрели только у них. И тут никаких других вариантов не предвиделось: тесная, заставленная мебелью и книжками квартира, дым коромыслом (отец Бадылека прикуривал одну сигарету от другой), перед экраном дымина, на экране снег, сам экран крошечный, но никогда никаких иных идей насчет того, чтоб посмотреть матч в другом месте. Хотя бы у меня, на «Нефрите» нового выпуска. Да и вообще никогда никаких иных идей; Бронек все решал сам и делал это вполне естественно. Даже не столько решал, сколько первым сообщал о нашем общем желании. Между нами было глубокое, я бы даже сказал, любовное понимание. Без разных там непристойностей. Конечно, сейчас нас бы сочли геями. Мир ведь пошел вперед, и сегодня бы сказали: о, еврей да гомик. Хорошо, что до тыща девятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова в наших головах царилла благая неграмотность и первое не имело значения, а второго никак не было. Да ладно, проехали... Знаю, заносит меня... Но я только хотел... Просто я осознаю свое варварство. Стыжусь, что своего племянничка вынужден стаскивать с дерева с помощью антисемитских выкриков. Стыдно мне, очень стыдно. Вы — так еще куда ни шло, вы свой. А если б иностранец услышал?! Это ж какая для Польши пощечина! Позор-то какой! И без того о нас в мире дурная слава идет.

— Польша и так не отмоется да ты еще, сопляк чертов! — рывкнул он неожиданно, поднял кулак вверх и через минуту успокоился. — А что делать, если только оно и помогает. Выходит, что евреями ребенка страшат. Ничего себе ребенок.

Монстр, гигант и мутант. Бандит, извращенец, обжора. Девчатник. Гаргантюа из-под Лимбовиц. Неустрашимый ковбой и забияка. Ничего не боится, никого не уважает, а скажешь «еврей» — сразу по струнке ходить начинает. Ну и как тут не применить тайное оружие? Ясно, пригодилось бы больше смирения: земля наша — она ведь океан еврейской крови выпила. Ведь Польша — одно сплошное еврейское кладбище, а некоторые добавляют: и ничего больше. Ваши города, говорят, населяют души евреев. Ваше становище на могилах и еврейских пепелищах. По костям детей еврейских ступаете. А между прочим, мировая литература, мировая музыка, мировая инженерия, медицина, мода... да что угодно... Если б не Катастрофа, все выглядело бы иначе. Об этом думаешь только в категориях резни. А какой погром духа! А сколько среди этих еврейских мальцов было будущих композиторов, писателей, изобретателей! А какие романы можно было бы прочитать! Какие концерты послушать! Большое поле для плача. И для размышлений. И для дискуссий. А что самое интересное, антисемитам это как раз на руку. Казалось бы, их неправота раз и навсегда доказана, а им только того и надо. Тут же оживляются, всегда готовы к бесконечному спору. Я на собственной шкуре познал их правоту. Ей Богу, несколько номерков мне на руке выжгли. Тут у нас по соседству еще недавно большая семья антисемитов жила; Дамиан с ихними ребятишками играл, вот и набрался у них известного страху. Порядочные люди, но антисемиты^[7]. Отец — жидоед, мать — антисемитка, тетка — антисемитка, дед — жидоед, бабка — антисемитка, даже прадед, несмотря на донимающий его геморрой, готов был всех евреев загнать в газовую камеру. Да чего там «несмотря», как раз наоборот, ведь и в геморрое виноваты евреи. Говорить с ними бесполезно, иначе надо было бы двадцать четыре часа в сутки давать отпор. И все равно без толку. Вот и кончалось хорошо известным польским поддакиванием. Да-да. Конечно. Чего же тут скрывать. Да. Да. Да. Ну да. Вот именно.

— Отсутствие польской ассертивности.

— Не в этом дело. Ассертивность тут ни при чем! Известно, что евреи виноваты не во всём, но ведь кушать-то и они должны! Другое дело: мы не приняли во внимание исключительную восприимчивость ребенка к расовым вопросам. А когда поняли, что да как, поезд уже ушел. Стоит только в нейтральном разговоре произнести слово «еврей», как пацан наш бледнеет и бьется в судорогах. Слишком поздно вышло ксенофобское шило из антисемитского мешка. Даже запрещать ему водиться с теми не имело смысла. Да и уехали они. В Варшаву. Дети, что

старше Дамиана, выросли и, говорят, в Варшаве в специальную гимназию с антисемитским уклоном пойдут... Не знаю... Дамиан! — рыкнул он в очередной раз. — Дамиан! Три минуты прошло! Дамиан, слезай. Если не слезешь, знаешь, кто за тобой...

В середине фразы, как раз между словами «знаешь» и «кто», из зеленой гущи спикировал мощный, похожий на буксирный, канат. Откормленный сорванец в одних малиновых плавках съехал по нему с обезьяньей ловкостью. Ловкость та была тем более завидной, что всё это время он пользовался только одной рукой, второй же осторожно придерживал набитый доверху полиэтиленовый пакет со всякими сладостями, в который запускал руку, доставал один батончик за другим, сдирал обертку (все время той же самой рукой) с «марса», «сникерса», «кит-ката», «твиста», «киндер-буэно», «принц-поло», «милки-вэй», «баунти» и чего-то там еще, совал его в рот и, жмурясь от счастья, неспешно пожирал.

Недурственный экземпляр, хотя после стольких жалоб и предупреждений я ожидал большего. Но соврал, если б сказал, что был разочарован. Грешно жаловаться. Мальчонка был впечатляющий и пышнотелый, туша еще не расплзлась по нему совершенной бесформенностью, ноги были ногами, руки — руками, торс — торсом. Бюст, правда, уже чуточку женский, но еще в границах мальчишеских. И не только призраки евреев, приправляющих свои разносолы христианской кровью, пришли бы от него в восторг, но и не один из ныне множащихся в страшном темпе педофилов, плоть от плоти нашей и кровь от крови нашей, имел бы о чем помечтать.

— Домой! Сейчас же домой! Не жри всё! Это на две недели! Дамиан! Любящий дядюшка тебя просит.

Подваршавский фавн с пакетом в руке еще какое-то время постоял перед нами, потом развернулся и с неожиданной прытью припустился домой.

— Удалось. Как сказал один хирург: еще раз удалось! — любящий дядюшка, как он сам себя называл (с издевкой ли или на полном серьезе), с облегчением улыбнулся, стирая со лба пот. — Удалось, но надолго ли? В сумме мне его жаль, не его ведь вина, что такой вырос и что чудовищный голод его терзает. Всё на почве этих ароматов. Чувствуете? Чувствуете эти райские запахи?

Я вдохнул воздух полной грудью. Боже ж ты мой! Пока я дышал нормально, ничего не было, а теперь всего меня, с головы до

пят, залило воспоминание: поток струился из Партечника^[8] — я чувствовал запах камней, по которым он журчал, бабка Зузанна сбегала с Яженбатой, березовый листочек прицепился к ее платку — я чувствовал запах листочка и платка; пахло первое скошенное сено и последний снег; Анита шла по Рыночной площади в Кракове — я чувствовал запах ее плеч, земля расступалась на Сошовском хребте — пахла поросшая травой глина, пахли свежепобеленные стены, открывшиеся гробы, шерсть нашего кота Дуралея, дождь, обмывающий порталы Дворца Культуры, голубая клеенка на столе, букет флоксов на клеенке; я чувствовал запах Барселоны и запах Рима. Чувствовал запах спектаклей Кантора и запах вислинских весел; запах бойни, казни и оргазма; запах центральноевропейских чернилниц, запах вечера на предместьях черногорской Будвы, запах «Марша Радецкого». Отец стоял над моей кроватью и играл его на губной гармошке; пора просыпаться, пора просыпаться. Пора.

Сновидению пришел конец, но ничего не изменилось — из-за холмов доносился «Марш Радецкого», а любящий Дамиана дядька стоял, опершись о велосипед, и внимательно приглядывался ко мне.

— Не плачьте. Все помрем. И не поддавайтесь запаху — он искусственный. За помещьем Подлого^[9] один беспартийный сенатор держит гигантский завод по переработке падали. Каких-нибудь два километра отсюда. Перерабатывает падаль на моделирующие фигуру гели, на омолаживающую пудру, на кремы, которые целлюлит как рукой с задницы снимают, и разную другую невидаль. Во всяком случае продукция нарасхват, конъюнктура неслыханная, ну и крутые бабки. И вонища невообразимая. Все годы невообразимая вонища. С момента, как мы отвоевали независимость, непрерывно валит эта вонища. А говорят, что только дураки тоскуют по Народной Польше; нет, мы тоже тосковали, тогда же ведь вонищи не было. А тут независимый нос, независимый рот, независимое горло — все в желтом налете от сероводорода. Буквально ощущаешь заразу. Бесчисленные петиции, протесты, демонстрации. А Король-Вонючка (вполне заслуженное погонялово для беспартийного сенатора) защищался как мог, и надо признаться, над нейтрализацией работал. Специалистов привлек, большие средства на эксперименты предназначил, отдельный лабораторный корпус поставил, иностранных химиков, в том числе двух лауреатов Нобеля, на консультации залучил, и в конце концов удалось. Мало сказать, удалось. Такое изобретение вышло, что он свою фирму перепрофилировал и занялся только этими нейтрализующими вонищу

устройствами. Бабки стали еще круче, обороты еще больше, конъюнктура на десять очков вперед. Миру — то ведь очень нужны средства против амбре, какой он из себя выделяет. Ведь мы кто? Вонючие муравьи, что обсели планету. И нужны средства против вонизма. Против целлюлита тоже, но в большей степени, а точнее, в первую голову — против вонизма. Что даст отсутствие целлюлита, если не продохнуть, верно? И удалось. Да еще как! Будто какой наркотик в атмосферу ввели! Стойкий! Вечно в воздухе висит! Сами видите, что тут творится. Вдохнешь поглубже — и неизвестно, то ли в раю ты, то ли в аду. А в придачу всё в рост пошло. Раньше младенцы от вони задыхались, а теперь пошли здоровяки. Один в одного. Если новорожденный весит шесть кило, говорят: дохлятина. И не только Дамиан в наших окрестностях кладовки опустошает. Ведь и растения буйно разрослись. И скотина как из Книги Гиннеса. Падаль в земле плюс наркотический газ в воздухе — вот вам и элэфантиазис. Все гигантских размеров: люди, животные, деревья, предметы. Каждый свой крест несет — но наши кресты по-слоновьи раздуты. У Иисуса Христа на распятых дополнительные муки от гиперболичности. Матерь Божья на иконах — как на девятом месяце. Ангелы — будто сборная команда по спортивной борьбе. Кошки — как на картинах Ботеро. Зайдите к нам, сами увидите.

— Не с руки мне, я опаздываю, — я показал рукой в сторону холмов, за которыми уже, пожалуй, третий или пятый раз все оркестры мира начинали играть «Марш Радецкого».

— Да чего там «опаздываю»! Чего «опаздываю»! Ну и сказанули же! У Подлого гулянки не прекращаются ни днем, ни ночью! Никогда не кончаются! Дойдешь через два часа — и будет вовремя. Дойдешь через неделю — тоже пунктуально. Хотя аккуратно на этот раз я бы посоветовал отказаться от визита. Начисто. Не время развлекаться. Одному Богу известно, что произойдет. Народ бунтует. Справедливое племя головы свои поработанные поднимает. Парламентеры взад-вперед снуют. Недоброе время пришло. Особенно для развлекающихся. Некоторые говорят, что с них-то все и начнется. Будут первыми. А так, на всякий случай: не от меня вы это слышали. Я ничего не говорил. Зайдите к нам, в уединенном месте и поговорим спокойненько. Гермина сметаной угостит, сметана хороша на то, что там предвидится. Ведь вижу: не отговорю вас от дурного намерения, а стаканом сметаны подкрепиться никогда не помешает. Садись, пан! На раме подвезу...

Перевод Ольги Лободзинской

— Вы физик? Молодой человек потряс головой.

— Математик?

Вновь только мотает головой, будто его кто-то осуждает.

— Антисемит?

— Не думаю, этого я еще не пробовал.

Герман Брох. Невинные.

1. Заголовок дан переводчиком. — Здесь и далее примечания переводчика.
2. «Zoladkowa» («Желудочная») — одна из лучших польских водок.
3. Книга Габриэля Гарсии Маркеса «Вспоминая моих грустных шлюх» начинается словами: «В день, когда мне исполнилось девяносто лет, я решил сделать себе подарок — ночь сумасшедшей любви с юной девственницей» (пер. Людмилы Синянской).
4. ИНП (Instytut Pamięci Narodowej) — историко-архивный институт, занимающийся изучением деятельности органов госбезопасности Польши в период 1944-1990 гг., а также органов госбезопасности Третьего Рейха и СССР с целью расследования преступлений в отношении польских граждан в этот период. В настоящее время каждый гражданин Польской Республики со статусом потерпевшего имеет право познакомиться со своим досье.
5. Прах ты и в прах возвратишься. Быт. 3:19.
6. В 1970 г. «Гурник» (Забже) был финалистом Кубка обладателей Кубков УЕФА. К сожалению, на венском стадионе он уступил (1:2) команде «Манчестер Сити». Но до этого в отборочных играх в Страсбурге выиграл (22 апреля) у «Ромы», тренером которой в то время был выдающийся Эленио Эррера Гавилан (1910-1997). Польские футболисты помнят не только тактические разработки Гавилана, но и приемчики с использованием «длинных рук». Считается, что это по сигналу Эрреры в голевой момент, при нападении поляков, на стадионе погас свет. В результате ничья и бросание монетки для определения победителя. Повезло «Гурнику».
- 7.
8. Правый приток Вислы в Силезских Бескидах. В этих окрестностях прошло детство автора.
9. Прототипом Подлого послужил автору Ежи Урбан (1933 г.р.)

— одиозная личность, политик, писатель, журналист, миллионер, главный редактор довольно несимпатичного еженедельника «Не» («Нет»). В 80 е годы, будучи пресс-секретарем в правительстве Мечислава Раковского, пользовался в обществе дурной славой. Был прозван «Геббельсом военного положения».

Зузанна Грембецкая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАЛУЮ МОСКВУ

16 сентября 1993 года последний представитель бывшей Советской Армии, размещавшейся в Польше и, в частности, в Легнице более полувека, покинул город, что подвело черту под непростым польско-советским сосуществованием в Малой Москве. А ровно за пять месяцев до того, 16 мая 1993 года, в легницком городском парке состоялся праздник «Легницкая весна», организованный городским Центром культуры и городским самоуправлением совместно с командованием Северной группы войск. Первоначально польская сторона предлагала назвать мероприятие «Прощай, Легница», что отвечало чувствам поляков, которые таким образом хотели проститься со своими многолетними соседями. В течение целого дня по всему городу проходили концерты оркестров обеих стран, проводились дегустации блюд региональной кулинарии, показывали владение боевыми искусствами российские спецназовцы и польские каратисты, прошла ярмарка русских книг. По закрытой для поляков территории Квадрата — коттеджному поселку Тарнинов — ездили автобусы, из окон которых можно было посмотреть на этот анклав, неведомый большинству польских легничан. Легица стала единственным польским городом, который таким образом расставался со своими советскими жителями.

Прошло 20 лет. С 2012 года власти города, учреждения культуры и общественные организации стали готовиться к проведению годовщины. Мероприятия начались уже 10 мая 2013 года открытием в Музее меди выставки «Обретенный город. К двадцатилетию ухода из Легницы частей Советской Армии». Экспозиция строилась преимущественно из стендов со снимками и экспликациями, планов и карт. Одновременно был открыт туристский маршрут «По следам Малой Москвы». Основное празднование состоялось 13-15 сентября. Мероприятий было много: от презентации специального номера «Легницких заметок» со статьями, посвященными временам Малой Москвы, и воспоминаниями польских и советских жителей города — до масштабной, с богатым использованием пиротехники реконструкции немецко-советских сражений на подступах к Легнице.

Галерея искусства представила два проекта под общим названием «Оттенки красного». Первый, «Следы присутствия», был разработан и осуществлен Этнографическим кооперативом, группой исследователей-краеведов, организованной участниками проводимого мною с 2010 года изучения советского прошлого Легницы. Инициатор проекта, Майя Добяш, предложила заинтересованным жителям города встретиться возле бывшего советского госпиталя в Злоторыйской роще. Здесь на стволах деревьев советские солдаты вырезали имена и фамилии, названия своих родных мест, даты, сердца и кресты. Участникам проекта, а среди них были и гимназисты, и люди зрелых лет, и пенсионеры, раздали бумагу, пастель и уголь, чтобы срисовать избранные знаки. Зарисовки, дополненные комментариями, были выставлены в галерее. «„Русские” с лесных деревьев были приглашены жителями — авторами рисунков — в Галерею искусства. Таким образом мы показали, — пишет Майя Добяш, — что советская Легница — это у нас тема для размышления, для творческих поисков. [...] Посредством такого символического художественного акта виртуальной встречи русских и поляков давайте попробуем взглянуть на себя со стороны. Давайте освободимся от дурных воспоминаний. Это уже история».

Второй проект, «Призраки», осуществила живущая в Лондоне польская художница и перформансье Алиция Рогальская. «Это двухчастный проект, посвященный памяти. Призрак — плод воображения, обман зрения, плохое воспоминание или перспектива чего-то неприятного, но это также слово, которым начинается «Коммунистический манифест». Проекты «Призрак I» и «Призрак II», подготовленные мною по случаю двадцатилетия ухода советских войск из Легницы, имеют много общего с собственно призраками, картинами воспоминаний, теми едва уловимыми, несущественными подробностями откуда-то с периферии ощущений и памяти», — пишет Алиция Рогальская. «Призрак I» — это попытка оживить визуальные впечатления: художница заклеила окна галереи распечатками «Правды» от 16 сентября 1993 года. «Призрак II» обращается к обонятельной памяти. Рогальская купила настоящие советские духи «Красная Москва» (флакончик 70-х годов удалось раздобыть на Украине), а затем, обильно ими окропившись, прохаживалась по городу и заговаривала с людьми. «Словно ушли только вчера», — сказала, понюхав флакон, одна из жительниц Легницы. А потом, еще глубже ощутив аромат, добавила: «Нет, словно вообще не уходили!» Художницу сопровождали фотограф и оператор, которые фиксировали реакцию горожан.

Наиболее масштабные мероприятия, связанные с круглой датой, были организованы легницким Театром имени Хелены Моджеевской под руководством Яцека Гломба и местным издательством «Editor» Францишека Гживача, который, кстати сказать, был главным инициатором прощальной «Легницкой весны» двадцать лет назад. Мероприятия в театре открылись конференцией «Войдут, не войдут?» с участием ученых (д р Анджей Граевский, проф. Алексей Миллер, д р Йорг Море, Корнелиус Охманн, проф. Анджей Пачковский), а также дипломата и военного корреспондента Кшиштофа Мрозевича, генерала Здислава Островского, который вел переговоры по условиям вывода советских войск из Польши, и Мартина Войцеховского — корреспондента «Газеты выборчей» на Украине и в России.

Среди художественных мероприятий, помимо принятого с огромным энтузиазмом концерта легендарной российской группы «Ленинград» и показов фильмов «Восточная Европа выходит на свободу» (реж. Мирослав Ясинский), «Баллада о Закачавье» и «Малая Москва» (реж. Вальдемар Крыстек) и «Рассветы и закаты города» (реж. Яцек Гломб), особый интерес вызвал спектакль «Вещи», подготовленный московским «Театром.doc» по специальному заказу легницкого Театра имени Моджеевской. В результате поездок с целью изучить и собрать необходимый материал артисты создали сентиментально-ироничное повествование о советской Легнице. В основу легло несколько историй поляков, имевших тесные контакты с советской стороной, — приторговывавших одеждой, участвовавших в совместных мероприятиях, таких как концерт Эдиты Пьехи, принимавших подкрепленные валютными рублями предложения фиктивных браков, которые могли бы помочь гражданам СССР остаться в Польше. Дополнительные козыри спектакля — безупречное музыкальное сопровождение и прекрасная игра актеров.

Стержнем мероприятия «Двадцать лет спустя» стал общий банкет польских и (пост)советских легничан. По приглашению Яцека Гломба приехали более ста бывших советских жителей города — преимущественно из России, Белоруссии, Украины, но не только. Специально для гостей была устроена встреча за дружеским столом. Ей сопутствовали воспоминания, которыми делились приглашаемые Яцеком Гломбом на сцену участники банкета. Такая форма встречи едва ли оказалась идеальной: трудно одновременно слушать воспоминания и знакомиться с соседями по столу. Можно, кстати, добавить, что лишь в самой малой мере был представлен голос женщин. Так, участниками конференции и «мемуаристами» на банкете

были исключительно мужчины, — а дамам выразили признательность за организационную работу. Даже среди сценических рассказов «Театра.doc» была лишь одна женская новелла. А мои четырехлетние легницкие исследования показывают, что женское слово строит иную, более полную картину прошлого.

Отмечаемая дата вызвала сильные эмоции, особенно среди крайне правых групп, которые заявили о протестном пикетировании мероприятий. Протест, на фоне энергичных самоуверенных заявлений, получился, пожалуй, ничтожным. Как обычно, под покровом ночи облили красной краской расположенный в центре города, на Славянской площади, памятник в знак признательности Советской Армии (переименованный в 80-е годы в монумент «Братство по оружию», а в обиходе называемый «памятником дружбы»). На этот раз краска не достигла даже статуи, заглязлив только постамент и брусчатку вокруг монумента, — обычно националистам удавалось попасть в фигуру польской девочки, которую держат польский и советский солдат. От памятника группа более чем в сто человек из «Всепольской молодежи», футбольных фанатов и других персон отправилась на Центральную площадь к входу в здание театра, где открывалась конференция «Войдут, не войдут?» Националисты, отделенные от входа барьером и кордоном полиции, выкрикивали: «Раз серпом, раз молотом по красному сброду!» и «Честь и слава героям!» Яцек Гломб, осведомленный о пикете, пригласил на ступени театра группу «Нештоегоре». Динамичные ритмы, сплетаясь с выкриками протестующих, породили удивительный эффект, особенно когда вокалистка вставляла скандируемые лозунги в тексты песен, одновременно призывая к совместному исполнению. Националисты не сумели ответить на художественный вызов, и пикет сам собой рассеялся. Несколько националистов появилось на концерте «Ленинграда», но они ничем себя не проявили, разве что выкрикивали вслед за вокалистами характерные для текстов группы вульгаризмы, по большей части похожие звучащие по-польски и по-русски.

В числе сомнений, высказываемых во время подготовки к юбилею, наиболее серьезное касалось его общего звучания. Готовить ли радостное празднование годовщины окончательного обретения города и ухода оккупационных войск или же дать выход ностальгии по минувшим временам польско-советского сосуществования? Даже о том, приглашать ли бывших советских жителей города, велись серьезные споры. Как бы то ни было, период юбилея стал временем для

совместных бесед и радостей, когда советские легничане посещали свои старые дома (а нынешние, польские хозяева часто приглашали зайти в гости) или школы. Нашлось время и для того, чтобы поделиться воспоминаниями, к чему располагали, пожалуй, все мероприятия. Когда я представляла результаты этнографических исследований, проведенных мною и моей группой, гости из России, Украины, Белоруссии многое дополнили своими рассказами. Мемуарный характер приобрело также посещение созданного Михалом Сабадахом частного Музея Советской Армии и Народного Войска Польского в Унеёвице. В музее в числе других экспонатов хранятся мундиры генерала Дубинина и памятник маршалу Рокоссовскому. И хотя в коротеньком, трехминутном сообщении российского телеканала «Звезда» юбилей постарались представить как акт благодарности поляков советским освободителям, никто из участников события — ни из Польши, ни из стран бывшего СССР — не усомнился, что это, скорее, был повод для ностальгии, которую могут себе позволить бывшие оккупанты и оккупированные. Они смотрят на общую историю сквозь очищающий фильтр двадцати лет и наконец могут о ней говорить на партнерских условиях.

ОДНА ВОСЬМАЯ ХЕРСОНСКОЙ КРОВИ

Ее звали Мелания. Это имя в переводе с греческого значит «черная». Жившая на рубеже IV и V веков святая Мелания (Младшая) Римляныня, дочь римского сенатора, была замужней женщиной, но после смерти двоих детей стала воздерживаться от жизни с мужем, за которого, впрочем, ее выдали против воли, и начала проповедовать жизнь в аскезе. Она отдала свое состояние на богоугодные дела и, путешествуя от Сицилии до Северной Африки, Иерусалима и Константинополя, основывала монашеские общины, в том числе монастырь на Елеонской горе, под которой она в конце концов схоронила мужа. Мелания считается покровительницей рожениц, что кажется странным, поскольку сама она потеряла детей. Так свет ее святости распространялся с востока на запад.

Пока не дошел до Херсона, где родилась Мелания Пархомова. У ее польских потомков, из которых почти никого уже нет в живых, осталось о ней мало сведений. Не сохранилось ни одной ее фотографии, поэтому трудно себе представить, как она выглядела. Точных данных — тоже крупницы, ни даты рождения, ни даты смерти. Она скончалась около 1916 года. Детей у нее было пятеро: две дочери и трое сыновей. Обрывки воспоминаний сохранила о ней ее младшая дочь, тоже Мелька, которая на момент смерти матери едва входила в подростковый возраст.

До Херсона я ни разу не доехала, хотя иногда мне и хотелось. За всю свою жизнь я ни разу не пересекла восточной границы Польши, так уж получилось. Город на Днепре, основанный по указу Екатерины II вскоре после первого раздела Польши, был крепостью и базой Черноморского флота — ведь Крым совсем рядом. Поляки должны была играть здесь немалую роль с самого основания города. В том числе следует упомянуть помещика Эдмунда Дзержинского, учителя в местной гимназии (одним из его учеников был Антон Чехов), который во время частных уроков соблазнил свою ученицу. Его заставили на ней жениться, результатом чего стали многочисленные дети, в том числе хорошо (но не с хорошей стороны) известный нам Феликс. Почти столетием раньше его предприимчивые земляки основали в Херсоне Польскую

торговую компанию, первое польское судоходное товарищество. Впрочем, просуществовала она не так уж долго.

Мелания, видимо, происходила из семьи мелкопоместных дворян, у которой было какое-то именье, а может быть, и просто большое хозяйство под Херсоном. Или кто-нибудь из родственников приписал ей это убогое дворянство из снобизма. Потому что с той же вероятностью она могла происходить из еврейской семьи (этот презрительный корень «парх» в ее фамилии не дает мне покоя), а в период Гаскалы, еврейского просвещения, освобожденные от оков ортодоксального иудаизма девушки часто выбирали себе в спутники жизни пламенных социалистов. Ей попался активист ППС (Польской социалистической партии), сосланный в Херсон на исходе XIX века. Что ее в нем прельстило? Мужская красота? Смелость? Черты соблазнителя? А что ему приглянулось в этой русской или украинской девушке? Говорят, что поляки не выносят России, но любят русских. Эта пара могла бы быть наглядным тому примером. Родители, могу поспорить, были не в восторге от жениха — с таким одни проблемы: бунтарь, ссыльный, конечно, без гроша в кармане. Ну и иностранец к тому же.

Во всяком случае молоденькая Мелания Пархомова и Людвик Чарнецкий в этом Херсоне обвенчались, к тому же по православному обряду, как предписывал закон. Православная невеста не могла принять веры мужа, и их дети тоже должны были быть крещены в православие. Венчание, как я полагаю, состоялось не в одном из усыпанных золотом соборов, а в какой-нибудь скромной церковке, которых там, наверное, достаточно. И в Херсоне же 21 ноября 1892 г. появилась на свет их старшая дочь Мария, крещенная в православную веру. Когда срок ссылки Чарнецкого наконец подошел к концу, супруги переехали в Варшаву, его родной город. Вместе с прибавляющимся потомством они поселились на улице Твардой, в отчасти рабочем, отчасти еврейском северном квартале. После Марии родились по порядку: Стефан, Антоний, Мелания, Влодзимеж. Людвик, видимо, был хорошим литейщиком, потому что получил высокооплачиваемую должность мастера на заводе Норблина, который находился тут же рядом, на Железной. Завод производил знаменитые на всю Европу столовые приборы, посуду, а также стал монополистом в Царстве Польском в области прокатки цветных металлов и производства медных труб. В конце XIX века на заводе Норблина трудилось более 400 рабочих, он был развивающимся предприятием, одним из главных в стране. При этом Людвик продолжал подпольную деятельность. До ссылки в Херсон и после нее он постоянно замыслил что-то против монархии;

вместе с младшим братом Станиславом он принимал участие в нападениях на царские поезда, перевозившие золото или оружие. Они конструировали бомбы, которые использовались в покушениях на царских офицеров и высокопоставленных чиновников. Иначе говоря, сегодня мы бы назвали их террористами. Интересно, что в наше время существует около сорока определений понятия «терроризм», и в этой путанице смыслов трудно разобраться. И это свидетельствует о том, насколько сложно нам с ним справиться. То террористы действуют во имя благородных целей, то мы снова кричим «смерть террористам». Во всяком случае, оба брата унаследовали идею «ответа насилием на насилие», то есть, с точки зрения польской стороны, принадлежали к «хорошим» террористам. О Станиславе я расскажу ниже.

Тем временем Мелания из Херсона по собственному выбору стала пламенной польской патриоткой, и дома не говорили по-русски, хотя дети, учась в школе на территории, принадлежавшей Российской империи, должны были осваивать предметы на этом языке. Говорят, по-русски она только ругалась, когда на плите сбежало молоко. Стыдно знать о ее жизни так мало, когда хотелось бы знать гораздо больше. Должно быть, это была необыкновенная женщина.

И Людвик, и Мелания были, видимо, хороши собой — об этом свидетельствуют сохранившиеся фотографии их детей, большинство которых болело — а как же иначе — чахоткой, передававшейся из поколения в поколение. Наделенная актерским талантом, темноволосая Мария с глазами цвета пива и малюсеньким «китайским» размером ноги по семейному преданию была похожа на отца. Но что интересно, варшавские торговки-еврейки обращались к ней на идише, отвечая громким смехом, когда она говорила, что не понимает. Людвик, по рассказам, был элегантным красавцем с буйной шевелюрой с проседью. Дома хранились листовки, которые Марке приходилось носить в школьном ранце, то и дело являлись проверки. Она рано — в 17 лет — вышла замуж за литейщика Феликса Ракочи, члена Революционной фракции ППС, который был не намного старше ее. Он написал в своей биографии запоминающееся «я отливал с детства». Первого сына Мария назвала в честь отца.

Людвик Чарнецкий, по слухам, был довольно влюбчив и занимался попеременно то своими тайными планами, то сердечными делами, если только не отсиживал очередной срок. Наверняка его русская (украинская) жена не раз сходила с ума от страха за него. Вдобавок она заболела чахоткой. Когда

началась Первая Мировая война, Мария Ракочи с мужем и годовалым ребенком поехали в глубь России в эвакуацию вместе с рабочими завода, где Феликс был литейщиком, а Людвик с Меланией и маленькой Меланкой добрались до полученной в наследство усадьбы — или большого хозяйства — под Херсоном. И там Мелания умерла. На каком-то из местных кладбищ лежит ее прах, но остался ли спустя почти сто лет хоть какой-нибудь след от надгробного памятника? Вряд ли. Если у нее были братья и сестры, а скорее всего были, то их правнуки живут сейчас в России или на Украине. Например, был Михаил Пархомов, писатель, в том числе автор переведенного на английский романа «Мы расстреляны в сорок втором» («I speak from the grave») и воспоминаний о Викторе Некрасове, но родственник ли он Мелании? Другой Пархомов, активно интересующийся эзотерикой, учредил мистический календарь, в котором сообщает послания от иной, более совершенной, чем наша, цивилизации. Их однофамилец Владимир был авангардным художником и литографом. Пархомовы разъехались по миру. Много Пархомовых живет, например, в Германии. Существует также многочисленная группа американцев Пархомовых, проживающих в Иллинойсе и Техасе.

Но самым удивительным открытием я обязана некому Эндрю (ник «ludwih»!), который несколько лет назад попросил пользователей сервиса Genealodzy.pl помочь с редактурой перевода на русский язык свидетельства о браке Влодзимежа Чарнецкого, сына покойного Людвика Чарнецкого и Мелании Пархомовой, 22 летнего холостяка, торговца по профессии, который в 19.00 4 июня 1924 г. в варшавском костеле Всех Святых обвенчался с 21 летней Юлианой Вандой Рангенау из Жирардова. Из свидетельства о браке следует, что венчание состоялось по римско-католическому обряду и что для этого жених получил специальное разрешение, выдаваемое в редких случаях варшавским митрополитом, — то есть до этого времени он оставался православным.

По стечению обстоятельств в этом самом костеле меня крестили. Я могла бы рассказать Эндрю, что Влодзимеж, как и его брат Антоний, был кондитером. Кроме того, Влодек уже во времена Второй Речи Посполитой стал хозяином кинотеатра в Рембертове под Варшавой, который назывался, кажется, «Чайка». По слухам, красавец Влодзимеж умер в расцвете сил в конце 20 х годов, то есть довольно скоро после свадьбы. Мне не удалось установить, дождался ли он детей.

Интересно, зачем это свидетельство потребовалось Эндрю. Хотел ли он разузнать что-то о своих польских предках? Гипотетически он мог бы быть внуком или правнуком Людвика, возможно, родственником Влодзимежа, если его так интересовало это свидетельство о браке. Но причин своего интереса он не объяснил, написав «Języka polskiego nie wiem» [«Польского языка не знаю» — искаж. польск.]. Неизвестно даже, из какой он страны. Судя по имени, из англо-саксонской? Так или иначе, благодаря его любопытству Мелания из Херсона спустя долгие годы после смерти попала в пространство интернета. Чудеса, да и только.

Кульминационной точкой ее боязни за мужа должна была быть акция освобождения «десятерых из Павяка». Дело было так: 25 апреля 1906 г., на рассвете, в варшавской Александровской крепости должна была состояться казнь десяти политзаключенных, осужденных в Павяке (тюрьме на Павьей улице, получившей от улицы свое название, построенной по проекту знаменитого архитектора Генрика Маркони). Накануне казни, сильно за полночь, к воротам тюрьмы подъехали две коляски, из одной выпрыгнули пятеро якобы царских жандармов под командованием якобы генерала жандармерии, барона фон Будберга, и потребовали выдачи заключенных, которых они лично должны отвезти в X корпус Цитадели. Они предъявили соответствующие бумаги, снабженные сургучными печатями.

Заместитель начальника тюрьмы, который дежурил этой ночью, выполнил приказ, тем более что перед тем с ним уже связался по телефону человек, назвавшийся обер-полицмейстером Майером, и предупредил, что скоро придут его люди и увезут заключенных. Однако сначала заместитель должен выписать соответствующие документы. «Барон Будберг» сел напротив него и ждал, спокойно куря папиросу. Неожиданно появились бюрократические проблемы: одного из заключенных нужно отправить завтра утром в здание суда. Фон Будберг настаивал, утверждая, что займется этим сам. Наконец он убедил дежурного, и тюремная карета галопом отъехала, но не в направлении Цитадели, а к саду на Окоповой улице в районе Воля, где заговорщики усыпили кучера хлороформом, скинули тюремные робы, а от сообщников, сидевших в кустах, получили гражданскую одежду. В обмен на нее они передали им конфискованное у полицейских оружие — 15 браунингов и сабли. Курьеры дали им чужие паспорта, и, разделившись, они немедленно отправились дальше на Венский вокзал на углу Маршалковской и Иерусалимских аллей, чтобы оттуда продолжить бегство на запад Европы.

«Будбергом» (что за стечение обстоятельств — эту фамилию коллеги-профессора из балтийских немцев упоминает в своем замечательном стихотворении «Волшебная гора» Чеслав Милош) был на самом деле Ян Гожеховский, псевдоним «Юр», товарищ Юзефа Пилсудского, позднее — генерал Войска Польского, с 1922 г. — первый муж писательницы Зофьи Налковской. В этой смелой акции принимал участие и Людвик Чарнецкий, а одним из освобожденных был его брат Станислав. В мае нынешнего, 2013 г. — в частности на основе воспоминаний Станислава Чарнецкого, члена подпольной партии ППС-Пролетариат, запрещенной указом №279, грозящим немедленной смертной казнью, — Влодзимеж Калицкий написал свою еженедельную колонку, исторический фельетон в «Газете wyborчей».

По свидетельству Станислава, весь план отважного бегства составили в Павяке двое заключенных там активистов ППС: Максимилиан Горвиц и Павел Левинсон. Поэтому остальные заключенные, которые решились на риск (в конце концов, их так или иначе ждала петля), были изначально посвящены в досконально разработанный сценарий. Ян Флеминг со своим Бондом отдыхает. И к тому же все это произошло на самом деле.

Не удивительно, что в начале 1930-х в Польше был снят игровой фильм «Десятеро из Павяка» режиссера Рышарда Ордынского по сценарию Фердинанда Гётля, основанному на воспоминаниях Юра Гожеховского. Премьера фильма состоялась в Варшаве 19 сентября 1931 г., то есть в то время, когда Юр был комендантом пограничной службы, Станислав Чарнецкий жил в Сан-Паулу, а след его брата Людвика пропал. Герой фильма — Януш, молодой архитектор, который переживает моральное потрясение, видя казнь молодого польского революционера. Под влиянием своей возлюбленной, Хани, он вступает в секретную боевую организацию, предводительствует которой овеванный тайной Юр. Без ведома начальства он стреляет в провокатора, по приказу бросает бомбу в генерала жандармерии и тяжело ранит его. Более того, кажется, что он украдкой заводит роман с Ольгой, любовницей того же генерала, давая повод к обоснованным подозрениям Хани. Ханю, Януша и их товарищей арестуют. Ольга навещает Януша в тюрьме и предлагает ему сделку: свободу в обмен на выдачу предводителя секретной организации. Януш отказывается. Вместе с девятерыми подозреваемыми он предстает перед судом. Их защищает Юр, адвокат в обычной жизни. Несмотря на это все десятеро получают смертные приговоры. Тогда Юру приходит в голову спасительная идея: товарищи по организации переоденутся в полицейских, он сам

— в ротмистра жандармерии, и так они вызволят осужденных. В финале Ханя и Януш выясняют все недоразумения и бросаются друг другу в объятия, а раненый царский генерал умирает, сраженный известием о побеге.

Копия фильма сохранилась, так что я с удовольствием бы его посмотрела. Актерский состав был блестящий. Януша играл Адам Бродзиш, а Юра — Юзеф Венгжин. Больше всего меня интригуют две роли — брата приговоренного в исполнении Стефана Рогульского и самого приговоренного, сыгранного Юзефом Малишевским. Это и есть братья в кинофильме.

В главной женской роли снялась 25-летняя тогда дебютантка Каролина Любенская. Спустя два года после роли Хани-революционерки она сыграла, наверное, в самом скандальном польском довоенном фильме — в «Детях греха», а полвека спустя в его римейке режиссера Валериана Боровчика воплотилась в мать Эвы Побратимской. Я так углубляюсь в эту историю потому, что актриса и ее муж Збигнев Пастушко, завлит Польского театра, дружили с моими родителями. Я с детства бывала у них на служебной квартире за Камерным («Камеральным») театром, навещала Каролину-Лялю, которую называла тетей, у нее в гримерной, из-за кулис смотрела репетиции, затаив дыхание. Я тогда мечтала стать актрисой. Если бы я тогда знала, что она снималась в «Десятерых из Павяка»! Конечно, о своей роли в «Детях греха» она рассказывала в моем присутствии, так что в девятилетнем возрасте я впервые прочла первый том этого романа Жеромского (второй том потерялся в военной неразберихе), чтобы спустя годы написать о нем диплом. Но о своем дебюте в кино актриса как-то при мне не вспоминала.

И по сей день меня не перестают удивлять разнообразные стечения обстоятельств, неожиданное влияние на дальнейшую судьбу прочитанных книг, встреч, даже мимолетных, фраз, брошенных на ходу. Впоследствии оказывается, что мы делаем что-то, что решает нашу судьбу по велению таинственных импульсов, причин которых мы не в состоянии себе объяснить.

Во всяком случае, я с малых лет слышала от своей мамы рассказы о десятерых из Павяка, об этом героическом поступке, который оказался невероятно важным для поднятия духа поляков — первая победа над агрессором после восстания 1863 г., после провала революции 1905 г., событие, описанное на первых полосах галицийской прессы. Именно поэтому спустя столько лет я решила удовлетворить любопытство и разыскать какие-нибудь документы на эту тему в Институте Пилсудского в Нью-Йорке, когда был еще жив его президент Вацлав

Енджеевич. Этот удивительный человек, в свои девяносто с лишним прямой, как струна, с ясным умом, тут же вытащил нужную мне папку. Станислав Чарнецкий, избежавший виселицы, пользуясь паспортом, полученным от литовского аристократа Жонголловича, видимо, сторонника ППС, поехал в Брюссель и так и оставил себе новую фамилию. Кроме того, он был поэтом или, скорее, стихоплетом, и выпустил сборник под названием «Из-за решетки». После 1918 г. он писал в польские и эмигрантские издания статьи о бегстве десятерых из Павяка на годовщины этой беспрецедентной акции. Когда началась Первая Мировая война, он вызвался добровольцем на фронт, но его не взяли из-за застарелого туберкулеза. Из его папки в Институте Пилсудского я узнала также, что в конце концов он эмигрировал в Бразилию.

Я загорелась желанием поехать туда, ведь это был всё-таки соседний континент. Однако не долетела, несмотря на то что посвященная в предварительный план Зофья Романович уже собиралась звонить из Парижа своей приятельнице в Сан-Паулу, чтобы та меня приняла. Она так же загорелась идеей, как и я.

Я обещала себе, что о Пархомах-Чарнецких напишу что-нибудь более объемное, но никак не могла собрать достаточно достоверных данных. Их следовало бы искать, в том частности, в варшавском Главном архиве древних (или новых) актов. Мне вечно не хватало времени, а исследовательница, которую мне рекомендовали, исчезла вместе с авансом, установив только, что родина Чарнецких была где-то неподалеку от Сохачева. Когда после возвращения из США я переехала из Варшавы в Гдыню, до предполагаемых мест хранения документов стало еще дальше. В середине 90 х, во время моей работы на Польском радио, коллега, который занимался вопросами заграничной Полонии, познакомил меня в коридоре с предводителем бразильской Полонии, приехавшим на всемирный съезд. Я спросила его о Жонголловиче-Чарнецком. К моему удивлению, он прекрасно знал, о ком идет речь, несмотря на то что был относительно молодым человеком.

Я затащила его в студию и записала с ним интервью. Как оказалось, Станислав в Париже женился на девушке по фамилии Лесман (тут я воскликнула, что ведь это настоящая фамилия двух великих поэтов, Лесьмяна и Бжехвы) и, мыкая беду по парижским улицам, решил вместе с несколькими товарищами, также избежавшими виселицы, эмигрировать в штат Парана, потому что там переселенцам давали землю и материальную помощь. В обмен на это они должны были

корчевать джунгли под будущие уголья. Станислав уже тогда был немолодым, больным человеком, поэтому работа первопроходца ему не особенно давалась. Он с женой переехал в Сан-Паулу, где открыл лавочку, кажется, с обувью и канцелярскими принадлежностями, участвовал в польском любительском театре, пописывал статьи и наконец скончался, не оставив потомства, и был похоронен на местном кладбище. Его вдова, как рассказал мне предводитель бразильской Полонии, находясь в трудном материальном положении, после октября 56-го обратилась в консульство ПНР с просьбой назначить ей пенсию как жене героя. И получила ее. После смерти ее похоронили рядом с мужем.

Председатель обещал мне, что, как только вернется в Бразилию, пришлет мне ксерокопии документов, связанных со Станиславом, копии его сочинений и фотографию могилы. Несколько недель спустя от коллеги на радио я узнала, что почти сразу после возвращения он умер от инфаркта. И снова ниточка потерялась.

Что касается дальнейшей судьбы Людвика Чарнецкого, то здесь у меня тоже серьезные пробелы. После смерти Мелании он женился второй раз, но о его второй жене мне ничего неизвестно, даже о ее национальности. Он решился сразу, но, как говорит моя русская знакомая старой школы, вдовца надо завоевывать прямо на похоронах жены. Может быть, от нового брака у него были дети, и Эндру с сайта Genealodzy.pl как раз и есть их потомок? Людвик пропал или погиб на чужбине. Когда в России разразилась революция, естественно, первая, Февральская, он тут же бросился в бой, хотя был уже не молод, ему было 46-47 лет. Его сын Антоний был взят в армию.

Могло выйти и так, что Людвик успел сразиться по обе стороны баррикады. Антоний уцелел и вернулся в Польшу, чтобы в конечном итоге погибнуть в Варшавском восстании. Несмотря на усиленные поиски в течение всех 20 лет между двумя войнами, ему не удалось узнать ничего о судьбе отца. Говорят, он прибегнул даже к помощи известного варшавского ясновидящего, который сообщил, что Людвик Чарнецкий жив и живет припеваючи. Жаль, что не сказал, где именно. Единственный сын Антония, еще один Влодзимеж в семье, погиб в Дахау. Стефан трагически умер молодым — он был электриком, и его ударило током на высоковольтном столбе. Его единственная дочь, Янка Чарнецкая, получила в наследство семейный бич — чахотку — и перед смертью, болея у нас дома, заразила мою маму. Мелька, мой главный информант в деле Пархомовых-Чарнецких, умерла в день моего отъезда в США в

феврале 1975 года. Ее единственный сын Станислав, солдат АК, тяжело раненый в Варшавском восстании, умер от столбняка сразу после капитуляции. Племянник Людвик, сын Марии, умершей в 1948 г., участник боев повстанцев в варшавском Старом Городе, тоже был ранен, но выжил. Спустя годы его похоронили на военном кладбище на Повонзках. Обоих его сыновей и внука тоже уже нет в живых. Могилы некоторых Чарнецких находятся где-то в Брудно.

Осталась я — правнучка по прямой линии Людвика Чарнецкого и Мелании Пархомовой, внучка их старшей дочери Марии, дочка ее второго ребенка, Алиции. Когда я много лет тому назад читала «Авессалом, Авессалом!» Фолкнера, меня там поразило одно неизвестное мне прежде слово — окторонка. Оказалось, что и я — окторонка, если во мне одна восьмая херсонской крови.

Этот небольшой текст я посвящаю памяти моих родных, отважных людей, родом из обоих славянских народов, и обещаю написать его расширенную версию. Так что по мере нахождения новых фактов из прошлого последует продолжение.

Перевод Анастасии Векшиной

Рената Горчинская, выехав в 1975 в США, работала в редакции газеты «Новый дзенник», была секретарем Чеслава Милоша, под псевдонимом Эва Чарнецкая опубликовала книгу бесед с Милошем. Автор ряда книг и многочисленных публикаций в периодике, лауреат премии парижской «Культуры» им. Зигмунта Герца.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

11 ноября, в День Независимости, президент Бронислав Коморовский вручил Большой крест ордена Возрождения Польши Яцеку Бохенскому, бывшему президенту Польского ПЕН-клуба, автору известных книг «Божественный Юлий», «Назон-поэт», «Состояние после коллапса». Писатель награжден «за выдающиеся заслуги перед польской культурой, за выдающиеся достижения в литературном творчестве». Томасу Венцлове президент вручил Большой крест ордена «За заслуги» — «за выдающиеся заслуги в укреплении межкультурного диалога и распространение идей гуманизма, за популяризацию культурных достижений Польши».

— Мы сегодня празднуем 11 ноября 1918 года, когда необходимо было саблей прорубаться к независимости, достичь ее, часто в соперничестве, со взаимными травмами своими и соседей. Поэтому моя мысль особо обращается к Томасу Венцлове, литовцу, нашему литовскому другу. Именно сегодня, 11 ноября, помня о том, что та, первая независимость в принципе нас разделила, — сказал президент.

Среди награжденных есть также проф. Ян Кеневич, историк. Отмечены его «выдающиеся заслуги в развитии польско-российского сотрудничества в научных исследованиях».

Традиционно 11 ноября в варшавском Доме литературы вручается литературная премия имени Юзефа Мацкевича. В этом году ее получил Вацлав Холевинский за роман «Я расскажу тебе о свободе» (издательство «Зыск и К°»). Это история «проклятых солдат», а более точно — женщин в подполье. Героини книги — Мария Нахтман и Валентина Стемпковская. Во время гитлеровской оккупации они участвовали в сражающемся подполье, выполняли опасные задания, за что первая попала в застенки госбезопасности, вторая — в концлагерь Равенсбрюк, а по возвращении ее ждала тюрьма строгого режима в Равиче для врагов «народной» власти.

Отмечены еще две книги: «Писатель во время войны и в эмиграции. Фердинанд Гётль и его творчество в 1939-1960 гг.» Кшиштофа Полехонского (издательство Вроцлавского университета) и «Пакт Риббентропа — Бека, или Как поляки на стороне Третьего рейха могли победить Советский Союз» Петра Зыховича (издательство «Rebis»).

Лауреат премии получил 8 тыс. долларов и золотую медаль с портретом Юзефа Мацкевича и девизом «Только правда интересна», а авторы двух других книг получили денежный приз по тысяче долларов.

Впервые присуждалась поэтическая премия имени Виславы Шимборской. Лауреатами стали ex aequo Кристина Домбровская за сборник «Белые стулья» (издательство WBPiSAK, 2012) и Лукаш Ярош за сборник «Полная кровь» (издательство «Знак», 2012). Торжественную церемонию в Малопольском саду искусств в Кракове вела 16 ноября актриса Агата Кулеша.

Премия имени Шимборской — сейчас самая крупная в денежном выражении литературная премия в Польше. Лауреаты получили по 100 тыс. злотых и статуэтки, напоминающие коллажи работы Виславы Шимборской.

Кристина Домбровская (род. 1979) свой первый сборник «Агентство путешествий» издала в 2006 г., а «Белые стулья» были уже в этом году отмечены премией Костельских. Живет в Варшаве.

Лукаш Ярош (род. 1978) — поэт и музыкант, автор шести поэтических книг (в том числе «Сома», «Белая неделя», «Мимикрия», «Свободный огонь»). Он также вокалист, перкуссионист и автор текстов групп «Lesers Bend» и «Chaotic Splutter». Живет под Олькушем.

На премию были выдвинуты авторы пяти поэтических сборников, изданных в 2012 г.; помимо лауреатов, это Юстина Баргельская, Кшиштоф Карасек и Ян Польковский.

В состав международного капитула премии входят шведский переводчик польской литературы Андерш Бодегард, американская славистка и переводчица Клэр Кавана, французская исследовательница литературы и культуры XIX и XX века Мари Делаперьер, полонист, критик и переводчик из Италии Луиджи Маринелли, испанский поэт Абель Мурсия Сориано, немецкая переводчица Рената Шмидгаль, а также критик и историк литературы Мариан Сталя. Капитул возглавляет президент польского ПЕН-клуба, литературный критик, эссеист, переводчик и поэт Адам Поморский.

Над мероприятием принял почетный патронат президент Польши Бронислав Коморовский.

Еженедельник «Ньюсуик» присудил премию имени Тересы Торанской, выдающейся польской журналистки, умершей в

2012 году. Лауреатом в категории «литература факта» стала Малгожата Реймер за книгу «Бухарест. Пыль и кровь» (издательство «Чарне») — очень личное и красочное повествование о Бухаресте, «обглоданном Париже».

— Я ревную автора к ее связи с Бухарестом, — сказал известный репортер Мариуш Щигел. — От нашего имени она сближается с его жителями — например с людьми, которые едят шоколадки, рекламируемые «сладким Чаушеску», и мечтают, чтобы он вернулся. В трактовке Малгожаты Реймер Бухарест «слегка кичливый, слегка причудливый, прыщеватый на окраинах и густо припудренный в центре». Мне больше всего нравится прыщеватый. Малгожата Реймер была до этого способным молодым прозаиком, а оказывается, что она еще более способный репортер и эссеист.

Тадеуш Ружевиц отмечен в нынешнем году почетным званием Великого посла польского языка. Этот титул был установлен Советом польского языка по инициативе вице-маршала Сената Кристины Бохенек, которая погибла в катастрофе президентского самолета под Смоленском.

— Трудно переоценить заслуги Тадеуша Ружевица перед польским языком, — сказал 10 ноября в Катовице председатель Совета польского языка Польской Академии наук проф. Анджей Марковский. — Он революционизировал польский литературный язык, польский поэтический язык. Сделанное им в польской литературе — это значительный вклад в развитие нашего языка.

92-летний лауреат не смог лично получить награду, но известие о ней воспринял с воодушевлением.

Первый раз конкурс состоялся 10 ноября 2008 года. Великим послом польского языка был признан тогда Тадеуш Конвицкий. Второй раз конкурс прошел в 2011 году, почетный титул был посмертно присвоен Кристине Бохенек.

С 17 по 23 ноября в Варшаве прошел праздник современной музыки, организованный по случаю 80 летия Кшиштофа Пендерецкого. В нем приняли участие мировые знаменитости: Анн-Софи Муттер, Валерий Гергиев, Шарль Дютуа.

На открытии Фестиваля Кшиштофа Пендерецкого в Королевском замке в Варшаве выступили знаменитые польские и зарубежные артисты, среди них российский альтист Юрий Башмет. Были исполнены камерные сочинения композитора: «Три миниатюры для кларнета и фортепьяно», Струнный

квинтет, Сюита для виолончели соло, Секстет для кларнета, валторны, трех струнных и фортепьяно.

Масштабное завершение фестиваля состоялось в субботу 23 ноября в Большом театре — Национальной опере в день 80 летия композитора. Программа заключительного концерта включала «Плач по жертвам Хиросимы», Duo Concertante для скрипки и контрабаса, Concerto Grosso для трех виолончелей с оркестром, а также «Credo» для пяти солистов-вокалистов, детского и смешанного хоров и оркестра.

В тот же день утром в соборе св. ап. Иоанна была отслужена торжественная месса, которую провели примас Польши Юзеф Ковальчик и кардинал Казимеж Ныч. В ходе службы была исполнена «Missa Brevis» Пендерецкого.

По случаю юбилея и фестиваля композитор получил много поздравлений. В том числе специальные письма от канцлера Германии Ангелы Меркель, президента Франции Франсуа Олланда, председателя Европейской комиссии Жозе Мануэля Баррозу.

Дебют на рубеже 50-х — 60-х годов принес Пендерецкому признание как выдающемуся представителю польского музыкального авангарда. Со временем, однако, композитор порвал с радикализмом авангарда в пользу поисков, связанных с традицией. Переломом стали «Страсти по Луке», сочиненные в 1964 г. к 700 летию кафедрального собора в Мюнстере («Без «Страстей» Баха я не смог бы написать своих»).

Новый стиль нашел признание в широких кругах меломанов. В Польше после военного положения особый интерес вызывали произведения, связанные с политическими событиями («Польский реквием»). С огромным успехом была принята симфония-оратория «Семь врат Иерусалима» (1996), которую композитор написал к трехтысячелетию города.

Для мировых оперных сцен большими удачами стали постановки опер Пендерецкого: «Дьяволы из Лудена», «Потерянный рай. Sacra rappresentazione», «Черная маска», «Король Убю» — опера-буффа по мотивам драмы Альфреда Жарри.

Композитор недавно осуществил свою заветную мечту. В Люславице под Трановом, где у Пендерецких усадьба и прекрасный сад, создан Европейский центр музыки Кшиштофа Пендерецкого, задуманный как кузница молодых талантов.

Присуждены «Варшавские Феликсы». Триумфатором стал Национальный («Народовый») театр. В номинации «лучший режиссер» «Феликса» получил Гжегож Вишневицкий за спектакль «Королева Марго» по Александру Дюма в этом театре. Виктория Городецкая (Маргарита в этом спектакле) награждена за создание лучшей женской роли первого плана, а Мартин Хыцнар — за лучшую мужскую роль первого плана (роль Карла IX).

Беата Фудалей победила в номинации «лучшая женская роль второго плана». Она сыграла Марину в «Прощаниях» по Станиславу Дыгату в постановке Агнешки Глинской в том же театре. За лучшую мужскую роль второго плана «Феликса» получил Бартоломей Бобровский — Ариэль в «Буре» Шекспира (реж. Игорь Горковский, Театр-студия «Коло/Театр Охоты»). «Феликс» для начинающего актера присужден Давиду Огороднику за роль Лукаша в спектакле «Летучая мышь» в постановке Корнела Мундручо («TR Варшава»). Специальным «Варшавским Феликсом» отмечен режиссер и директор Современного («Вспулчесного») театра Мацей Энглерт — за «умение выйти за рамки театра», — указывается в решении о присуждении премии.

Как всегда, в ноябре в Варшаве стартовал самый крупный показ российского кино. В программе нынешнего года свыше 140 фильмов. 7 й фестиваль российских фильмов «Спутник над Польшей» продолжится до марта 2014 г. и охватит до 50 городов: от Гайнувки до Кракова, от Познани, Лодзи и Гданьска до Нового-Сонча.

В конкурсной программе «Спутника» было представлено 16 фильмов. «Гран-при» получила комедийная драма «Географ глобус пропил» режиссера Александра Велединского. Фильм награжден «за равновесие между социальным диагнозом современной России и любовью к героям, за полное понимание их проблем, мудрый и юмористический подход», как отмечается в решении фестивального конкурсного жюри, в котором участвовали актер и режиссер Анджей Северин, режиссер Ксаверий Жулавский, критик Лукаш Мациевский.

Второй премией жюри отметило фильм «Майор» Юрия Быкова — «за универсализм и удавшуюся авторскую попытку открыть новые эмоциональные и формальные горизонты российского кинематографа».

Почетный патронат над «Спутником» приняли, в частности, с польской стороны маршал Сената Богдан Борусевич и министр культуры Богдан Здроевский, а с российской — советник

президента России Владимир Толстой и министр иностранных дел Сергей Лавров.

В середине ноября на экраны польских кинотеатров вышел уже увенчанный зарубежными премиями фильм «Папуша» в постановке Иоанны Кос-Краузе и Кшиштофа Краузе. Это основанная на фактах жизни Брониславы Вайс — первой цыганской поэтессы, женщины, осознавшей свой авторский голос. Ее большой талант заметил Ежи Фицовский, уговорил ее записывать произведения и перевел их на польский язык. Ее поддерживал Юлиан Тувим, и благодаря этому уже после его смерти, в 1956 г., вышел первый сборник ее стихов «Песни Папуши».

«Краузе открывают перед зрителями мир всё еще малоизвестный, близкий и, однако, отдаленный, — пишет о «Папуше» Дагмара Романовская. — Авторы обращаются к прошлому, рассматривая отрезок истории с 1910 до 1971 года. Рассказывают о народе, который всё еще окружен густым флером стереотипов, если не сказать предрассудков, который сам изолируется и вместе с тем его отталкивает большинство, о народе, верном своим принципам. Они говорят о поэзии и поэтессе, которая, хотя и принадлежит к числу самых выдающихся польских женщин, остается личностью чрезвычайно таинственной (сколько зрителей только сейчас услышало о ней в первый раз?). Наконец, они показывают женщину, которая, последовав зову сердца и внутреннему голосу, любопытству и потребности в творчестве, оказалась проклята, отвергнута своим народом».

Музыку к этой киноимпрессионистской картине, построенной на черно-белых грубоватых кадрах, написал Ян Канты Павлюскевич. Замечательно сыграли актеры — профессиональные и непрофессионалы. Образ Папуши создала Иовита Будник. Как пишет Тадеуш Соболевский, «молчаливая, задумчивая, она несет черты святой мученицы».

Популярный актер Ежи Штур работает над фильмом «Гражданин», вдохновленным «Косоглазым счастьем» Анджея Мунка и фигурой его героя — Пищика.

— Я намереваюсь рассказать о судьбах моего поколения. О тех, кто вступал в жизнь, декламируя стишки возле бюста Сталина, а завершает в свободной Польше, — говорит Штур.

Он подчеркивает, что хочет рассказать об исторических событиях с точки зрения заурядного обывателя. Перипетии бытия Яна Братека (молодого сыграет Мацей Штур, пожилого

— Ежи Штур) — это 60 лет жизни «простого человека» на фоне переломных событий, например марта 68 го, декабря 70 го, выборов 1989 го и до 2014 года. Премьера запланирована на следующую осень.

Прощания

31 октября в Кракове умер проф. Генрик Маркевич, историк и теоретик литературы, исследователь польской литературы, которого называли «последним человеком Возрождения», профессор краковского Ягеллонского университета. Ученики отзываются о нем как о нравственном авторитете, человеке большого сердца и широкого ума.

Маркевич был автором значительных для польского литературоведения теоретических работ, знатоком литературы периода позитивизма и модернизма, автором более тридцати книг и множества публикаций в научной и литературной периодике, редактором «Польского библиографического словаря».

«Профессор Маркевич — автор нескольких десятков книг и сотен научных статей по теории и истории литературы, составивших основополагающий корпус польского литературоведения. Научное наследие профессора — такие труды, как «Главные проблемы науки о литературе», «Измерения литературного произведения», «Теория романа за рубежом», «Польская теория романа», «Прус и Жеромский», «Традиция и пересмотр», «Литература позитивизма», «Позитивизм» и многие другие, — входят ныне в главный канон знаний адептов полонистики», — написано на интернет-странице факультета польской филологии Ягеллонского университета.

Маркевич издал также сборник цитат «Крылатые слова», над второй частью работал в соавторстве с Анджеем Романовским. Избранные труды Генрика Маркевича опубликованы в шести томах издательством «Universitas» в 1995-1998 гг. Маркевич написал также автобиографическую книгу «Мое полонистическое жизнеописание — с историей на фоне» («Выдавництво литерацке», 2002), дополненное интервью, которое профессор дал Барбаре Лопенской.

Маркевич собрал библиотеку более чем в 40 тыс. томов. Его отличала необычайная память, он был кладезем цитат. Писал лимерики. Свою любимую жизненную максиму сформулировал так: «Когда не знаешь, как поступать, поступай прилично».

16 ноября профессору Маркевичу исполнился бы 91 год.

КРАСНОЯРСК ЗЕРО

Когда я зашел в один из варшавских книжных магазинов, я обратил внимание на полку с репортажами о Сибири, на которой насчитал десяток книг. И не только польских, но и иностранных авторов — из Германии, Чехии, Великобритании. Я понял, что у поляков есть большая потребность в знаниях об этом регионе России. Среди этих названий я выбрал «Красноярск Зеро» Бартоша Ястшембского и Енджея Моравецкого. В 2012 г. эта книга получила премию им. Беаты Павляк (польской писательницы и журналистки, которая погибла 12 октября 2002 г. в числе жертв террористического акта на острове Бали), присуждаемую публикациям на темы других культур, религий и цивилизаций. Моравецкий известен прежде всего как автор книги «Лузганье света. Российские репортажи» (см. «Новую Польшу», 2012, №2), в которой описал свое увлечение, а затем разочарование сектой виссарионовцев, жителей нескольких деревень в районе Абакана. «Красноярск Зеро» стал продолжением религиозно-социологических интересов этого автора, изучающего феномен религиозных различий в России.

Моравецкий и Ястшембский основывались на том, что богоискательство — это определяющая черта русского национального характера. Оно обусловлено самой природой, пейзажем этой страны, пустой и угнетающей своей громадностью, вызывающей метафизический ужас. Оригинально интерпретируя концепции семиотики пространства Николая Бердяева и Юрия Афанасьева, авторы приходят к выводу, что единственный способ бежать от поработавшей бескрайности этого пространства заключается в движении, выражающемся в интеллектуальном кочевничестве и религиозных странствованиях.

Искания героев репортажей напоминают головокружительный слалом. Они пробуют найти Бога в православии, католичестве, протестантских направлениях, религиях Востока, эзотерике и шаманстве. А если добавить к этому, что в жизни большинства из них был период комсомольско-партийного атеизма, то ситуация, с точки зрения поляка, который свою религиозную принадлежность основывает на семейной и национальной традиции, становится действительно интересной. Судьбы собеседников польских репортеров так же извилисты, как их

поиски. Среди обращенных в христианство встречаем бывшего офицера КГБ, ветерана афганской и чеченской войн. Преступника и убийцу. Оккультистку, обращение которой сопровождалось борьбой с демонами и бесами, а также мистическими видениями и знаменами.

Красноярск предстает в книге настоящим плавильным котлом религии — около 300 зарегистрированных организаций и почти в три с половиной раза больше незарегистрированных. Двенадцать течений одного только старообрядчества: беглопоповцы часовенного согласия, беспоповцы поморского согласия, дырники... «К Богу лучше входить с черного хода», — пишут в заключении книги авторы. С ними следует согласиться, потому что в этом сибирском городе им удалось уловить сущность русской религиозности, которая представляется открытой беспрестанным поискам Бога.

Много места уделили авторы описанию жизни католиков в Сибири. Католичество появилось здесь вместе с польскими ссыльными. В период 1807—1870 гг. за Урал отправилось 200 тысяч повстанцев. До революции число прихожан католического прихода в Красноярске превышало 24 тыс. человек. Однако сейчас католическая Церковь в России старается избавиться от ярлыка этнической религиозной общины. Особенно среди священников авторам книги встретилось много русских по рождению. Их привлек интеллектуально-философский аспект католического богословия, отсутствующий в православии, либо они желали быть меньшинством, в некоторой степени отторгаемым большей частью общества, чтобы ощутить в себе миссионерский порыв. Репортеры беседуют с участниками альфа-курсов, то есть экуменических встреч, призванных углублять веру, на которые приходят и православные. Свое участие они объясняют тем, что в их церковной жизни не хватает подобных форм встреч прихожан с духовенством.

Тексты Ястшембского и Моравецкого можно назвать интеллектуальными репортажами. В книге мы встретим пространные цитаты из трудов преимущественно русских авторов, в том числе Соловьева, Достоевского, Толстого, Пастернака, Шестова, Евдокимова. Однако если в области изучения феноменов религиозной жизни интеллектуальный багаж, которым располагают вроцлавские ученые, дал впечатляющий результат, то в последующих главах, описывающих историю России и ее современность, знание, к сожалению, очень часто заслоняет им действительность. На примере этой книги мы наблюдаем эволюцию польского

репортажа к открытой форме, включающей в себя разные виды литературы — эссе, трактат, очерк, интервью. Это явление соответствует предложенному профессором Рышардом Нычем понятию «современных силъв».

Интересной зато выглядит предпринятая авторами попытка демифологизации Сибири, которая со времен романтизма была представлена в польской литературе как «белый ад», Голгофа, место казни и мучений польских патриотов, сосланных за участие в восстаниях. Такой образ мы найдем прежде всего в поэме Юлиуша Словацкого «Ангелли». Авторы рисуют альтернативный этому образу собирательный портрет сибиряка — миролюбивого, терпимого и настроенного на сотрудничество с другими. Представляя традиционную вольнолюбивость Сибири, авторы апеллируют к теории утопического анархизма Кропоткина, которую мыслитель сформулировал, наблюдая жизнь животных в тайге. Читатель узнает интересные факты, связанные с заговором российских революционеров и польских ссыльных в 1834 г., который трагически завершился забайкальским восстанием, а также об утопленной в крови революции 1905 года.

Красноярск представлен в книге как Город-Ничто, Город-Призрак. До недавнего времени он был закрытым городом ввиду близости объекта Красноярск-26, где производились элементы для атомных бомб. В его урбанистике господствует архитектура соцреализма, на каждом шагу встречается коммунистическая символика, которая, лишившись идеологической сути, производит впечатление мертвечины. Авторы задумываются, как в таком месте, практически с нуля, возрождается религиозная жизнь. Вообще образ России в этой книге основан на дуалистическом восприятии. Страна представляется полной противоречий, не поддающихся рациональному объяснению. Авторами отражена «поэзия этой земли и ее реалистический ужас. Духовность и низость, приземленность. Красота и заразное уродство. Внимательный взгляд всегда обнажает двойственность».

Весьма интересна глава, название которой — «Уже давно между собою...» — отсылает к стихотворению Пушкина «Клеветникам России». Ястшембский, пользуясь примерами из литературы XIX века (Пушкин, Мицкевич, Достоевский) смело сталкивает стереотипы русских в отношении поляков и поляков в отношении русских. Жители берегов Вислы предстают воинственными, наглыми, бунтовщиками и гордецами. Поляки же воспринимают своих соседей как дикарей и варваров. Но часто, если мы примем во внимание

дополнительный контекст, в котором появляются эти стереотипы, они играют роль компенсации, а демонстрируемое презрение выступает как маска скрытого увлечения или зависти. Русские завидуют тому, что поляки принадлежат Европе и никогда, кроме случаев поражений, не подчинялись навязанной им власти. А поляки видят в русских, как в зеркале, те черты, которых недостает им самим: гордости имперской силой, веры в себя и свой народ, формирование самосознания прежде всего на основе собственных традиций. Авторы критикуют существующую в нынешней Польше склонность отворачиваться от стран, лежащих за восточной границей, считая, что ее геополитической миссией веками было посредничество между Западом и Востоком.

«Красноярск Zero» — это дебют дуэта Ястшембского и Моравецкого. Авторы всё еще находятся в поисках адекватных форм совместной работы. Несомненно, в будущем они удивят читателя не одним сборником интересных репортажей о России. Собственно, уже сейчас они анонсировали выход своей новой книги «Четыре западных старца» — о российском буддизме и шаманизме.

Bartosz Jastrzębski, Jędrzej Morawiecki. *Krasnojarsk Zero*. Warszawa: Sic!, 2012.

КУРПОВСКАЯ МУЗЫКА

«Радости моей не было предела, когда я услышал печальную, как может быть печальна только Курповская пуца, и протяженную, как леса и чащобы, но такую милую и родную, и так странно берущую за душу мелодию песни “Лети, голос по росе...”. Боже мой! как же я Тебе благодарен, что Ты уготовил мне место в такой интересной области».

Ks. Władysław Skierkowski. Puszcza Kurpiowska w pieśni. Cz.I. Płock, 1928.

Обращение к фольклору, к музыке региональной, народной, песне и напевам, говорам и обычаям, возрождение мира народных инструментов — тенденция, набирающая в последние годы в Польше всё большую силу. Можно говорить о моде, о возрастающей популярности, спросе на фольклор, наконец, о желании расширить сознание, связанное с региональным самосознанием нынешнего поколения. Радио, учреждения культуры, узкие круги энтузиастов-этнографов стараются сохранить в информационном пространстве наиболее существенные сведения. Причина, по которой учреждения культуры стремятся вернуть фольклору подобающее место в культурной традиции, заключается в вымирании последних исконных жителей региона, тех, для кого первым языком был диалект (знакомство с ним опережало формирование умений, связанных с употреблением общепольского варианта языка), для кого соблюдение обычаев было обязанностью, а пение и исполнение музыки — формой художественного выражения. Одной из самых значительных личностей в стране, которой мы обязаны знакомством с музыкой Курповской пуцы, был о. Владислав Скерковский.

В 1928 г. была опубликована первая тетрадь с записанными о. Владиславом песнями. Работа продолжалась год за годом вплоть до начала войны, жертвой которой он пал в 1941 г. в немецком концлагере в Дзялдове. Его увлечение фольклором началось в 1913 г., когда он стал викарием в Мышинце — центре курповской Зеленой пуцы.

Одним из первых музыкантов, заинтересовавшихся работами свящ. Скерковского, был выдающийся композитор Кароль Шимановский (1929 — «Шесть курповских песен», 1930–1932 — «Двенадцать курповских песен»). Известный музыковед и

исследователь наследия Шимановского — Тадеуш А. Зелинский, точно подытожил огромную художественную ценность сочинения:

«“Курповские песни” принадлежат к числу наиболее ценных и оригинальных произведений во всем наследии Шимановского и достойно венчают его яркое, богатое и разнообразное песенное творчество. В своем мастерском соединении народной самобытности с глубиной и экспрессией «высокого» искусства они стали феноменом, которому нет равных: в музыке XX века нелегко найти аналогичное им произведение» (Tadeusz A. Zieliński. Szymanowski. Liryka i ekstaza. Kraków: PWM, 1997).

Другими представителями классической музыки, вдохновленными курповским фольклором, были Генрик Миколай Гурецкий, Витольд Лютославский, Анджей Пануфник, Мартин Лукашевский, Богдан Кондрацкий, Роман Мацеевский.

В 2011 г. возник проект, названный «Etnofonie Kurpiowskie / Tribute to Szymanowski and Skierkowski» («Курповская этнофония / Приношение Шимановскому и Скерковскому»), ставший соединением классической музыки, вдохновленной сочинениями Шимановского, современной импровизации и народной музыки. Произошла встреча разных культурных традиций, совершенно различных в плане звучания. Благодаря этому народная и высокая культура — миры на первый взгляд художественно различные — вступили друг с другом в творческий диалог. Эффект этой встречи превзошел ожидания — альбом вышел за обычные рамки такого рода проектов, оказался нестандартным и, прежде всего, свежим взглядом на народную музыку. Он стал «собранием мимолетностей» даже для тех, кому отлично известен широкий контекст, вдохновивший создателей проекта. Замысел принадлежит музыковеду Веронике Гроздев-Колачинской; на диске можно услышать, среди прочих, песни в исполнении выдающейся (к сожалению, уже покойной) курповской певицы Валерии Жарноховой. Альбом выпущен Польским радио, Курповским союзом и Музеем курповской культуры в Остроленке.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

На страницах польско-немецкого ежеквартальника «Диалог» (2013, №3) поднимается тема, сегодня особо интересная, — усиление националистических тенденций не только в посткоммунистических странах, но и во всей Европе. Причины этого явления можно изыскивать в различных сферах, но в любом случае едва ли можно забывать о том, чем оказался в истории пароксизм национального государства в XX веке и связанный с этим цивилизационный кризис. Поэтому нарастающие ныне националистические настроения вызывают и нарастающее беспокойство, выражением которого стала статья председателя польского ПЕН-клуба Адама Поморского «Новая волна национализма», в которой, в частности, говорится: «Явление, с которым мы имеем дело по всей Европе, то есть рост националистической волны, несомненно недемократического характера, вызывает в памяти старое немецкое понятие «консервативная революция» со всем ее романтически-модернистским багажом». Здесь прервем цитату, так как необходимо напомнить, что и когда происходило. А именно: в Веймарской республике, несогласной, как, впрочем, и Советский Союз, с политическим порядком после Первой Мировой войны, сформировалось интеллектуальное движение, действовавшее в 1918–1933 гг. и получившее название «консервативная революция», наиболее известными представителями которого были юрист и политолог Карл Шмитт (его сочинения в последнее время всё чаще цитируются и обсуждаются), после прихода Гитлера к власти глава объединения национал-социалистических юристов (до 1936 г., когда был отстранен от руководящих функций), и выдающийся, как бы то ни было, писатель, автор, в частности, экспрессионистского романа «В стальных грозах», Эрнст Юнгер, в эпоху нацизма сохранявший по отношению к власти определенную дистанцию.

Поморский далее пишет:

«В мире политики это означает, прежде всего, навязывание мировоззрения в давнем и скверном смысле немецкого понятия «Weltanschauung» — комплекса моноцентрических убеждений, коннотаций и представлений о мире, не

подлежащих ни рациональной верификации, ни какому бы то ни было обсуждению, не поддающихся попытке исчисления смыслов в дискурсе или в диалоге. За этим кроется постановка под сомнение формальной и правовой демократии, безличностных демократических процедур в пользу демократии, понимаемой как становление коллективной воли, политической воли — как в самом названии самой крупной польской оппозиционной партии, противопоставляющей праву справедливость. Такое ощущение справедливости полагается эманацией коллективной воли. На основе таких представлений можно быстро прийти до формулирования политической целей и до трактовки лидерства как эманации этой коллективной воли. (...) Сначала существует народ или общность, из этого вырастает движение, а из руководящей движением организации выделяются лидеры, которые выдвигают единственного вождя, призванного вести за собой эту общность. Такого рода мышление когда-то появилось одновременно и в Западной, и в Восточной, и в Центральной Европе».

Стоило бы при этом обратить внимание на ситуацию в странах бывшего московского лагеря:

«В течение двадцати лет исследования электората в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы показывали, что для 20–30% избирателей характерны популистские, националистические, ксенофобские настроения, одновременно с сильным коммунистическим ресентиментом. Это не результат политико-правовых процедур, а действие глубоко укорененного понимания демократии как «национальной» и «народной» и претенциозной утопии социального солидаризма и солидаризма этноцентрического (национального). Нынешний европейский и мировой кризис, похоже, не только экономический, он имеет характер долгого цикла. Возникает вопрос, являются ли волнения в России, Белоруссии, на Украине, связанные с политическим лидерством и легитимизацией строя, следствием этого кризиса. Так или иначе, но оба процесса — и волнения, и кризис — не способствуют демократии в этих странах; время, когда тешились утопией трансформации и модернизации, давно уже прошло. Многочисленные демонстранты, которые вышли на улицы Москвы, — это, несомненно, носители революционного сознания, а специфика данной «революции» состоит в том, что она становится на рельсы консервативной революции. Такая революция не стремится к утверждению верховенства закона, она, скорее, выражает коллективную волю, которая жаждет перемен в репрессивном и в

значительной мере криминализованном государстве. Этого, однако, слишком мало, чтобы построить демократическое государство, в чем и причина карнавальности, инверсивности нынешней «революции» в России».

И, наконец, следующая опасность:

«Второй аспект консервативной революции, которую мы сейчас наблюдаем в европейских странах, — это тенденция к росту внесистемной оппозиции, выходящей за формальные рамки демократических процедур, — оппозиции, которая не признает ни легитимности наличного строя, ни его форм».

И хотя это явление, во всяком случае в Польше, носит маргинальный характер, следует все же сознавать, что даже немногочисленные и не располагающие существенной общественной поддержкой группы могут, ради демонстрации своего неприятия демократической системы, натворить такое, что заставит систему, как это имело место в случае войны с терроризмом, обратиться к средствам, ограничивающим гражданские свободы. Не будет излишним напомнить, как в свое время германский канцлер Вилли Брандт после террористического акта на Олимпиаде в Мюнхене решительно отверг возможность расширения правомочий полиции, подчеркнув, что риск подобных терактов — это цена поддержания демократического порядка.

О проблемах, порождаемых данной ситуацией, пишет на страницах «Пшеглёнда политичного» (2013, №120) Александр Смоляр во вступлении к дискуссии, озаглавленной «Европа радикалов?»:

«С самого начала кризиса мы сталкиваемся с возникновением общественных движений, с очередными движениями возмущенных, таких как испанское «Indignados» или нью-йоркское «Occupy Wall Street». В Польше в последнее время тоже появилось «движение возмущенных», только совершенно иного характера. Мы становимся свидетелями возникновения радикальных, популистских партий, как правых, так и левых, которые выражают бунт против либеральной демократии и ее неэффективности, а часто и против Евросоюза. Немаловажна также антииммиграционная направленность многих этих движений. Проблема роста радикализма касается всей Европы. Если посмотреть на это явление в целом, то, во-первых, в начале нынешнего кризиса были сильны опасения, что (если вести речь о социальных и политических последствиях кризиса) мы держим путь к тридцатым годам минувшего века. И пусть мы от этих времен далеки, но нельзя предсказать, как

обернутся дела в разных странах. Безусловно, проявления радикализма, с которыми мы сталкиваемся, со всеми современными тоталитарными движениями и радикальным национализмом, далеко отстоят от примеров, известных по третьему десятилетию XX века. Поэтому имеет смысл задуматься, отчего, несмотря на определенное подобие обоих кризисов, тридцатых годов XX века и нынешнего, столь существенно отличаются вчерашняя и сегодняшняя политическая риторика и общественная практика. Во-вторых, если взглянуть на топографию различных движений в Европе, напрашивается вопрос, насколько серьезен бунт против институтов либеральной демократии — как на уровне отдельных стран, так и в Евросоюзе в целом. Вопрос преимущественно относится к Центральной и Восточной Европе. На Западе уже в течение некоторого времени проявляется беспокойство в связи с состоянием демократии в нашей части Европы. Возникают опасения, касающиеся прочности демократических институтов. Прежде всего эти страхи относятся к Венгрии, но также и к некоторым явлениям в Румынии или Болгарии. Насколько обоснованы такого рода опасения? Какова специфика движений, имеющих место в нашем регионе? Чем и в чём они отличаются от тех, которые мы видим в западной или южной части континента?»

Это важные вопросы, и на них пробуют ответить участники опубликованной в газете дискуссии. Пересказать ее здесь не получится — достаточно лишь отметить, что ни один из участников не ставит под сомнение кризисный диагноз.

Радикальный национализм любит рядиться в патриотические одежды. Об этом пишет в эмоционально очень насыщенной статье «Гримасы патриотизма» политолог Блажей Ленковский на страницах «Газеты выборчей» (2013, №285):

«Патриотизм — это слово, склоняемое в общественной жизни при любой возможности. Затертое, изувеченное, полинявшее, отвратительное из-за радикализма, бессмысленности, вульгарности политических интересов правых, ограниченности избирателей, огрубленности, непонимания интересов Польши и ее граждан. (...) Ничего удивительного, что такой приватизированный патриотизм отталкивает, что от него хочется бежать как можно дальше. Не иметь ничего общего с этими людьми, с этой агрессией, с этими ущербными теориями, с этой риторикой, с этим позорищем. «Мы» ведь другие, доброжелательные, открытые, рациональные, то есть европейцы. Если патриотизм — это «они», то «мы» хотим быть от него как можно дальше. (...) В результате получаем

растущий, трагический раздел на псевдопатриотов из захолустного прихода или со сборища фашистов Национально-радикального лагеря — и людей, в полной мере отвернувшихся от идеи патриотизма, для которых интересы страны стали совершенно абстрактной и несущественной ценностью. При этом всё меньше остается места для так называемой нормальности, для непредвзятости и разума (...). Часть разумных людей, привыкших, однако, к понятию «польскости», зачастую становится на сторону глупости, реакции, агрессии, исходя из того, что это единственные группы, которые говорят о важной ценности, то есть патриотизме. (...) Еще одна группа, тоже теоретически «разумная», но тотально одиозная, хочет как можно скорее отмежеваться — ментально и эмоционально — от угнетающих своей тупостью сообществ, носящихся с патриотизмом на знаменах (...). Отвергают патриотизм, хотя подсознательно Польша для них важна. Но подвергаются интеллектуальному и моральному шантажу, ибо патриотизм присовокупляется к (...) теории о смоленском заговоре и рассказам о тоталитарном государстве на берегах Вислы в 2013 году. Размежевание ширится без конца и края. Это опасное явление, ему надо противостоять. Разумные люди *de facto* капитулировали. Отдали ключевую для массы поляков идею в руки охлоса и самых примитивных глупцов. Это чрезвычайно опасно. За содержание слова «патриотизм» надо начинать борьбу. И начать ее должны также, а может быть, прежде всех либералы.

Патриотизм не входит в категории классического либерализма, хотя, адекватно понимаемый, и не вступает с ним в противоречие. Либерализм всегда подчеркивает ценности, связанные с индивидуализмом и свободой, и именно эти идеи мы должны оберегать в первую очередь. Либеральные круги в Польше, однако, слишком часто забывают о тех явлениях и ценностях, которые не относятся к исповедуемому нами канону, но чрезвычайно важны — ибо существуют в реальном мире. (...) Идея патриотизма на каком-то глубинном уровне всё еще остается вдохновляющей и важной для миллионов людей, населяющих нашу землю. Одновременно на наших глазах она извращается и уничтожается крайними группами, которые обращаются к худшим историческим примерам, прославляют установки людей, сеющих рознь, далеких от наших идеалов. (...) Неужто мы не сумеем выдвинуть собственных героев и собственные исторические примеры? Проследить в польской истории непосредственно либеральную традицию — это не простая задача. Но не неразрешимая. Однако так или иначе политический «центр», либералы также нуждаются в собственной мифологии. Если даже не индивидуально, то

затем, чтобы формировать общественные позиции, оказывать влияние на ход политических событий и сознание людей. Действий в этом направлении слишком мало. Необходимы продуманные проекты, такие, например, как имевшая место несколько лет назад кампания «Вместе-89», которая пропагандировала увековечивание памяти о выборах 4 июня 1989 г. как об одной из прекрасных, важнейших дат в истории Польши. (...) И это не единственный пример, можно сразу же назвать и иные: польская толерантность XVI века, замечательно выделяющаяся на фоне религиозных войн во всей Европе, фигуры Нарутовича, Бальцеровича, Эдельмана или Карского. Просто, без сенсации? Да, но очень нужно».

Вот здесь и начинается проблема, когда неясно, с чего начать. Достаточно тогда вспомнить еще более или менее культурные споры в среде демократической оппозиции времен ПНР, когда «правое» крыло фехтовало национально-патриотическими лозунгами, а «левое» делало акцент преимущественно на вопросе свободы. Так что я бы предостерег либералов от патриотической «исторической политики», поскольку так или иначе, рано или поздно всё это потонет в «национальном» вопросе и в партии, едва ли являющейся воплощением правового государства, зато тяготеющей к национализму и даже ксенофобии со всеми вытекающими последствиями — призыванием очередного вождя как спасителя народа и отношением к любой попытке полемизировать с такими взглядами как к проявлению национальной измены. Это не значит, что проблемы, поднятой в статье Ленковского, не существует, но и изгнание дьявола Везельвулом мне не кажется лучшим ее решением.

АННА ДЫМНАЯ: «НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО»

Во время купания две девушки хохотали и дурачились. Я подумала: «Вот дуры, чему они так радуются?» Когда они вышли из бассейна на бортик, то я увидела, что у одной из них нет обеих ног, а у второй — одной. Вот тогда-то Бог меня и вразумил, по-другому не скажешь.

— *До 1989 г. инвалиды были в Польше практически невидимыми.*

— В счастливой социалистической стране не могло быть инвалидов. В 1973 г. я испытала шок, когда, будучи молодой актрисой, поехала в Лондон с «Ноябрьской ночью» ^[1]. Я подумала: «Вот несчастный народ, сколько здесь инвалидов, а у нас все здоровые».

Когда много лет спустя я проводила отпуск в Дембках с маленьким сыном, я наблюдала на пляже за семьей, в которой был мальчик с детским церебральным параличом. Но это сейчас я знаю, а тогда я еще не отличала ДЦП от синдрома Дауна. Родители все время смеялись вместе с мальчиком, а до меня не доходило, как это возможно, чтобы настолько больной человек мог так радоваться.

— *Родители рассказывали вам об инвалидах?*

— В общем-то, нет, в нашей семье их не было. Впервые я столкнулась с беспомощностью, когда заболел дедушка. Несколько месяцев он не вставал с постели, а я, пятнадцатилетняя, мыла и переворачивала его, мне только было немного неловко. В 1996 г. у моей мамы была мозговая эмболия. В течение полугода она была полностью парализована, не говорила. Со мной она объяснялась, моргая глазами: раз — означало «да», два раза — «нет». Так мы разговаривали обо всём.

Помню, тогда у меня появился рыжий котенок, Чача. Я говорила маме, что пронесу его в больницу, когда никого не будет.

— *Это ее радовало?*

— У нее лились слезы, и в то же время она смеялась. Врач мне объяснил: при повреждении мозгового ствола человек реагирует очень эмоционально, но эти реакции смешиваются.

Тогда я много читала ей вслух: «Винни-Пуха», стихи Яна Твардовского, беседы с Папой. Кароль Войтыла подтверждал меня в костеле Миссионеров, мама тоже познакомилась с ним. Каждый день после спектаклей я приходила к ней — делала массаж, маникюр, руки у нее были ухожены как никогда. И еще я ее причесывала, ей это очень нравилось. Ритуал еще с детства: в воскресенье после обеда мы сидели около приемника, слушали передачу, мама пила кофе, а я тем временем расчесывала ей волосы.

Потом мама вдруг похорошела — морщины у нее разгладились, пролежни зажили. Она умерла во сне — молодой и улыбающейся.

— *Кончились ее страдания.*

— Вся моя нынешняя деятельность — это благодаря ей. Она была бухгалтером, но ей бы работать врачом или медсестрой. Она привлекала людей, с ней им было хорошо. Добрый человек. Она не говорила, что нужно помогать другим, а просто: «Знаешь, Малгося, — так меня называли дома, — если тебе хочется кричать, петь — пожалуйста, но только проверь сначала, не спит ли Юречек». Юречек — это мой младший брат. Не поучая, она учила главному: не забывай о других, ты не одна. И помогай в самых простых делах. Если у помойки лежал пьяный, мама не делала «фи», а заботливо спрашивала: «Что-то случилось, вам не холодно, вам что-нибудь нужно?» Учение не пропало даром.

Уже взрослой женщиной я как-то шла по улице вместе с моим мужем Веславом^[2], и парень перед нами неожиданно рухнул, ударившись головой о бордюр. Я наклоняюсь, хочу ему помочь, а он, совершенно пьяный, начинает меня душить, обзывая последними словами. Дымный только сказал: «Аня, ты поосторожней с этой своей помощью, а то однажды кто-нибудь тебя за это задушит».

— *То есть уже с детства у вас были четкие жизненные ориентиры?*

— Такое детство — это капитал. Сейчас, если мне тяжело, я всегда обращаюсь к нему. Это помогает. Отец — болезненно честный, антикоммунист, за что народная власть отравляла ему жизнь. Золотые руки: он даже смастерил маме духовку,

которая, правда, была током и странно нагревалась, но печь можно было. В доме не жаловались, что чего-то не хватает, а ведь жили бедно. Мы сами ухитрились многое сделать, елочные игрушки начинали клеить еще в октябре, до самого декабря по дому валялся цветной картон и папиросная бумага. Теперь мы с друзьями и родными тоже лепим к Рождеству вертепы и фигурки из соленого теста.

— *Вы даже трудоустраиваете подопечных в своем фонде, как Януша Свитая.*

— Однажды меня замучили звонками журналисты. Говорят, что полностью парализованный мужчина двадцати с чем-то лет просит об эвтаназии, и спрашивают мое мнение. Тогда у меня была генеральная репетиция «Орестеи», и я попросила их оставить меня в покое. Но, вернувшись домой, включаю я телевизор и в новостях вижу парня, которого, оказывается, знаю. Он как-то обращался в фонд за помощью, и мы купили ему насос для откачивания мокроты и противопролежневый матрац.

Когда я сообразила, что это Януш просит права прекратить поддерживающую терапию, я тут же позвонила ему и отругала на чем свет стоит. «От безделья маешься, — кричу, — может, тебе делом заняться?» А потом думаю: «Господи, что я ему такое говорю».

Ведь на самом-то деле, прося об эвтаназии, Януш умолял о жизни. Он ощущал себя балластом для окружающих, хотя у него фантастические родители, которые о нем заботятся. Но Януш представлял себе, что произойдет, когда они умрут и он окажется в доме социальной опеки, или, как он говорил, «в комнате с покрашенными окнами», где все будут ждать его смерти. А это парень, у которого внутри бурлит энергия, как лава внутри вулкана. Итак, Януша взяли на работу в фонд на полставки, довольно комично выглядел обязательный противопожарный инструктаж. Я говорю: «Если загорится, то отлей». А Януш в ответ: «Не могу, у меня ж катетер». Шутки глупые, но примерно в таком духе проходили наши разговоры.

Януш много раз пытался сдать экзамены на аттестат зрелости, но всякий раз заваливал математику. Он оправдывался тем, что, пока по геометрии объяснит, куда должна вести линия, время экзамена закончится; из-за респиратора Януш говорит очень медленно. Я даже думала попросить министра образования, чтобы ему простили эту «матику», она же не была обязательной. Но Януш уперся и в этом году сдал. Сейчас он приступает к занятиям на факультете психологии.

— *Какой он работник?*

— Фантастический. Ему доверяют, он непринужденно устанавливает контакт с людьми, подкошенными болезнью. Со мной больные сохраняют дистанцию — мол, актриса, понятное дело, вечная красота, молодость и никаких болезней, что такая баба может знать о жизни. Я ведь иногда слышу о себе: моралистка, изображает Матерь Божью.

Я познакомилась со многими людьми, подобными Янушу. Дружу с Пшемекком, который тоже когда-то просил эвтаназии. Красивый молодой мужчина: блондин с голубыми глазами.

— *Парализованный ниже пояса после автомобильной аварии.*

— У него появлялись невыносимые пролежни, он просто гнил, его уже не хотели лечить ни в какой больнице. Я позвонила по вопросу о Пшемекке врачу, которая его вела. «О чем вы? — удивилась она. — Ведь он уже никогда не сможет пошевелить ногами». А я говорю: «Но он страдает». Врач: «Его место в доме опеки, мы ничем не поможем». Тогда я позвонила знакомому доктору, который направил его в ожоговую клинику, где Пшемекка подлечили, мужик взял себя в руки и теперь на коляске ездит по всей Польше, а в последнее время даже по Ирландии. Он показывает, что инвалиды могут пробудить в себе необыкновенные силы и радость жизни, которые дремлют в каждом человеке. Пшемек теперь силач, он не сдается, недавно даже начал работать в хосписе, поддерживает умирающих.

— *В возрасте 27 лет вы тоже попали в автомобильную аварию в Венгрии, по пути на съемки фильма Миклоша Янчо. Врачи говорили, что вы уже не будете ходить.*

— Перед этим несчастным случаем я регулярно, раз в три месяца, переживала трагические события: сначала сгорел мой дом, потом умер муж. От отчаяния меня спасало актерство: я была запрограммирована на то, чтобы каждый вечер играть спектакль. Я работала, как машина, считала, что вот сейчас всё само собой закончится. А в этой аварии я потеряла память, не имела понятия, кто я, замужем я или, может, девица. На секунду я приходила в сознание, например, когда мне пришивали палец, и это была страшная боль. Я радовалась, что существую, и снова уплывала. Но когда я уже очнулась по-настоящему, то чувствовала огромную радость. От жизни. А потом меня навестила Эля Каркошка из театра — тогда начала возвращаться память.

— *А что с радостью?*

— Она уже никогда меня не покидала. Я уяснила для себя, что человек обязан жить и бороться за каждое мгновение. Тогда я так это не называла, но уже чувствовала. После той аварии я долго восстанавливалась — оказалось, что у меня еще и перелом таза, которого никто не заметил. Меня направили в реабилитационную клинику в Буско-Здруй. Подавленная, мучаясь от боли, я как-то делала упражнения в группе пациентов в тамошнем бассейне, и вижу, как две девушки хохочут и дурачатся в воде. Я с ненавистью посмотрела на них и подумала: «Вот дуры, чему они так радуются?» А когда они вышли из бассейна на бортик, то я увидела, что у одной из них нет обеих ног, а у второй — одной. Я пришла в себя, думала, сгорю от стыда сама перед собой. Вот тогда-то Бог меня и вразумил, по-другому не скажешь. Дал мне знак, чтобы не жаловалась, а увидела, как много мне дано, и радовалась этому.

Потом я уже никогда не болтала таких глупостей, хотя порой было тяжело. После операций, то на лодыжке, то на плече, во время упражнений вместе с другими в реабилитационных залах, когда услышу, как кто-то стонет, или самой охота захныкать, то декламирую лозунг Дымного: «Боль — фигня, главное — сознание».

— *То есть это была задача, которую вам поставила судьба.*

— Актерам приходится играть самые разные роли. При коммуне мне приходило множество писем. Писали люди, измотанные проблемами, о которых они не могли говорить вслух, боясь всего — чиновников, властей, самих себя. А так как в фильмах мои персонажи отличались добротой — Марыся Вильчур, Бася Радзивилл, Аня Павлячка^[3] — люди проникались ко мне доверием. Однако истории из этих писем давали мне понять, что жизнь не такая веселая штука, как мне казалось.

Хуже всего были письма без обратного адреса. Однажды пришло письмо от мужчины, у которого умерла жена. Он один воспитывал пятерых детей. Денег у него не было, никто ему не помогал, дети ходили в школу по очереди, потому что не хватало обуви, так что они на смену носили одну пару. Этот мужчина продал из дому всё, оставил только телевизор, так как, писал он, когда показывают фильмы со мной, им всем становится лучше.

— *После 1989 г. вам по-прежнему писали?*

— Еще как! Ведь тот человек еще боялся, что кому-то может не понравиться его обида на весь мир. А когда коммуна рухнула, то из писем полился океан нищеты и одиночества. Со временем я научилась читать эти письма, потому что писали и обычные обманщики. Одна женщина жалуется, что у нее нет денег на лекарства, и ее спасут 100 злотых. Ну, послала я эти 100 зл., а через две недели эта дама уже пишет, что хочет тысячу, на шубку ей нужно. Или пан Францишек писал из тюрьмы: «Сестра Анна Дымная из Старого театра, обращаюсь к тебе за помощью для меня, бедного человека...» Красивые слова, мелкий почерк, а речь-то шла о том, чтобы прислать «тетрадь в клетку, грелку, ветчинки в баночки, трусы три штуки, чай грузинский» — так этот господин писал. В начале письма вывел такими большими буквами, что у него язвенная болезнь. А в конце приписал карандашом, как бы шепотом, что просит еще «кольцо колбасы или два».

Я понятия не имела, за что и какой срок он сидит, но собрала посылку с помощью коллег из театра. Я еще думала, какой прекрасный пример подам своему пятилетнему сыну: людям надо помогать делом, а не болтовней. Отправила я эту посылку. Сначала пришло письмо с благодарностью, прекрасное, написанное библейским языком, обклеенное изображениями святых, и с многообещающей фразой: «На свободе я вас найду». А потом стали приходить письма со всей Польши, заключенные ведь слали друг другу малявы, и пошла весть, что в Старом театре есть такая сестра Анна, которая посылки шлет.

— *Пан Францишек еще объявлялся?*

— Совсем недавно. «Я снова в тюрьме», — так начиналось письмо. Но после отправки этих посылок началась эпоха благотворительных балов для всех, кому требуется помощь. На балах я ходила с коробкой, собирала деньги, какой-то пьяный тип шлепнул меня по заднице: «Анечка, блин, держи еще сотенку». Я это искренне ненавидела, в какой-то момент просто чувствовала себя затравленной, ведь не откажешь: сбор на благородные цели. Но уже тогда я видела, что есть люди, которые помогают умно, что можно основать фонд. Но я не лидер по характеру и никогда не думала об этом.

— *Еще какой лидер!*

— Нет, нет! Сейчас я учусь, но всегда предпочитала стоять потихоньку сбоку и говорить шепотом. У меня работает 40 человек, и я вижу, как это трудно: руководить ими так, чтобы они были счастливыми, чтобы поддерживать их увлеченность и хорошо использовать их потенциал. Однако, еще до

появления фонда, в конце 90 х, мне просто с неба свалился о. Тадеуш Исакович-Залеский, чьи мама с сестрой жили со мной на ул. Зыбликевича. Тадек где-то написал в воспоминаниях, что я им несколько раз заливала квартиру. И вот однажды кто-то меня попросил приехать в Радвановицы (где свящ. Залеский руководил центром для своих подопечных) и посидеть в жюри театрально-музыкального конкурса с участием инвалидов. Я боялась, но не могла отказать, потому что это был понедельник, и все знали, что в этот день театры не работают, а значит, у меня выходной.

— *Чего вы боялись?*

— Того, что будет, когда я окажусь перед инвалидами. Пойму ли я их? Как с ними говорить, чтобы они меня поняли? Ведь мы, актеры, народ избалованный. Обычные люди знают о нас больше, чем мы сами о себе. Но я поехала. И оказалась на другой планете. Десятки странных людей подбегали ко мне, обнимали, читали стихи, пели песни, целовали, называли мамой.

— *А что с конкурсом?*

— Он перевернул мои тогдашние представления об искусстве. Я увидела выступления людей, которые часто не способны были говорить, петь, но на сцене отдавали себя целиком, радостно и по-настоящему. Я увидела красоту и истину совсем в другом измерении. Я уже не замечала их инвалидности. Мне тогда хотелось дать призы всем: я и думать не могла о том, что должна кого-то выделить. Так что я учреждала собственные призы, вынимая из сумочки бижутерию, духи и авторучки.

— *И что было дальше?*

— Я вернулась домой без сил и благодарила Бога за то, что родила здорового ребенка. В то же время я сознавала, что произошло нечто важное, что не дает мне покоя, к чему я возвращаюсь мыслями. И я стала приезжать в Радвановицы, то покататься на велосипеде, то на церковную службу. Потом я начала помогать подопечным в постановке спектаклей. Через какое-то время ксендз Залеский наградил меня медалью святого Брата Альберта^[4]. Он дал мне ее ни за что. Мне было ужасно стыдно — я посвятила инвалидам всего несколько десятков часов, а вместе со мной медаль получали те, кто отдавал им всю свою жизнь и имущество. Вот я и решила действительно заработать эту медаль. При поддержке мужа я организовала в Театре им. Словацкого фестиваль «Альбертиана», на котором представлены лучшие

любительские театральные коллективы людей с интеллектуальной инвалидностью.

— *Это было в 2001 г., а фонд «Несмотря ни на что» вы основали через два года.*

— Фонд я основала, потому что подружилась с инвалидами из приюта в Радвановицах и мне приходилось их спасать, так как некоторые из них утратили право пользования лечебными мастерскими Фонда Брата Альберта, получавшими дотации от государства. Я не могла смотреть на то, как по воле судьбы их жизнь теряет смысл. Это очень впечатлительные, искренние, незащитные люди. Они напомнили мне о том, что важнее всего в жизни. И дали мне много пищи для размышлений о нас, «нормальных» людях.

Я думала: почему я с такой радостью езжу к ним? И поняла, что с ними я отдыхаю от притворства, уверток, стремления понравиться, приспособиться. Нормально как раз здесь.

— *На самом деле? Вы не идеализируете?*

— Инвалиды — они другие, они своим существованием показывают: неважно, стара ты или молода, богата или бедна, худа или толста, главное, что ты есть, что ты близко. Контакт с ними — это такая обыкновенная проверка на человечность. Если ты любишь их, они будут любить тебя, это просто.

По случаю 10-летия фонда мы открываем в Радвановицах «Долину Солнца» — центр, где будут работать мастерские арт-терапии. Сейчас мы работаем над спектаклем для торжественного открытия «Франек из долины Солнца». Мои актеры безумно дисциплинированы — в любую погоду готовы к работе. Перед началом репетиции обязательно нужно пообниматься, пожать друг другу руки, затем мы все вместе кричим: «Гип-гип ура!!!», и за работу. Через часок перерыв на булочку, потом снова работа. И дело движется.

— *Всегда всё так безоблачно?*

— Чтобы руководить фондом и помогать людям, недостаточно иметь доброе сердце, хотя с добрых импульсов всё и начинается — нужен тяжкий труд, знания и умение. Поэтому у меня работают профессионалы — терапевты, психологи. Мне необходима безупречная бухгалтерия: мы же ворочаем общественными миллионами, у нас без конца проверки, ни один злотый нельзя потратить неправильно. Ну и эти дебри законов и правил, которые постоянно меняются.

Когда я строила «Долину Солнца», то планировала, что мы будем продавать поделки моих подопечных, созданные в терапевтических мастерских. Эти деньги я могла бы использовать как часть средств на содержание центра. Но вступили в действие новые правила, и так как я построила «Долину Солнца» на средства «с одного процента»^[5], то есть на государственные деньги, то мне нельзя здесь ничего производить и продавать. А ведь это только помогло бы государству, которое на самом деле должно содержать эти мастерские.

— *Вам понятно, как видят мир инвалиды?*

— Когда-то в свою программу «Давайте встретимся» я пригласила Лукаша, молодого человека с синдромом Дауна. Я говорила с ним о том, как он видит мир, и в какой-то момент мне пришла в голову идея поменяться ролями, чтобы он провел интервью со мной. Ну он и начал меня спрашивать. Своими вопросами он быстро загнал меня в угол. Они были и просты, и очень неудобны. Он спрашивал: «А ты его любишь?» — и показывал на кого-то пальцем. Я ему говорю, что не могу отвечать на такие интимные вопросы. А Лукаш: «А почему? Ведь ты меня спрашиваешь о том же самом». Или как-то на репетиции один подопечный говорит мне: «Аня, ты сегодня некрасивая, у тебя такие под глазами синяки!» Я на это: «Так нельзя говорить женщине, мне неприятно». А он: «Но я же тебя люблю, а синяки у тебя некрасивые, потому что ты, наверное, не спала». Знаете, как это важно, что кто-то нас любит и с синяками.

— *Это самое главное.*

— Недавно у меня был разговор с одним из моих пожилых подопечных, который зовет меня мамой. Спрашиваю: «Сколько тебе лет?» — «67». — «Так я младше тебя на пять лет, мне 62. Я не могу быть твоей мамой». Он так страшно расстроился, слезы на глазах. «Тогда кто ты мне?» — спрашивает. «Сестра», — отвечаю я. «Да, хорошо, мама», — говорит он.

Ну и я по-прежнему для него мама, впрочем, не только для него. Чудесно иметь столько любимых детей.

Анна Дымная — актриса. Основатель и председатель фонда «Несмотря ни на что», который сейчас отмечает свое 10 летие. Автор идеи Всепольского конкурса театрально-музыкального творчества инвалидов «Альбертиана» и Фестиваля заколдованной песни им. Марекса Грехуты для инвалидов с вокальными способностями.

Примечания переводчика:

1. «Ноябрьская ночь» — спектакль краковского Старого театра им. Хелены Моджеевской по пьесе Станислава Выспянского.
2. Веслав Дымный (1936–1978) — художник, актер, киносценарист, поэт, прозаик и сатирик.
3. Марыся Вильчур — героиня фильма Ежи Гофмана «Знахарь». Барбара Радзивилл — знаменитая литовская красавица, жена польского короля Сигизмунда II Августа. Ее роль сыграла Анна Дымная в сериале Януша Маевского «Королева Бона». Аня Павлячка — героиня фильма «Крутых здесь нет» режиссера Сильвестера Хенчинского.
4. Святой Брат Альберт — в миру Адам Хмелёвский (1845–1916), польский монах-францисканец, основатель католических конгрегаций альбертинцев и альбертинок, живописец, участник восстания 1863–1864 г.г. Самоотверженно помогал неимущим и бездомным. Причислен к лику святых Папой Иоанном Павлом II (1989).
5. Согласно польскому законодательству, граждане могут перечислять 1% подоходного налога неправительственным организациям, занятым общественной деятельностью, в том числе помощью инвалидам.